

МИНИСТЕРСТВО ВНУТРЕННИХ ДЕЛ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ВОЛГОГРАДСКАЯ АКАДЕМИЯ

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Сборник научных трудов

Всероссийской научно-практической конференции
Волгоград, 28 октября 2022 г.

ВЫПУСК 15

Волгоград
ВА МВД России
2023

УДК 347(082)
ББК 67.404я43
А 43

Одобрено
редакционно-издательским советом
Волгоградской академии МВД России

Актуальные проблемы частного и публичного права :
А 43 сборник научных трудов Всероссийской научно-практической конференции, Волгоград, 28 октября 2022 г. / редколлегия : Н. В. Котельников, П. М. Филиппов, Н. И. Батурина, В. А. Садков. – Выпуск 15. – Электрон. дан. (1,1 Мб). – Волгоград : ВА МВД России, 2023. – 1 DVD-ROM. – Систем. требования: частота процессора не менее 2 ГГц ; операционная система от Windows 7 и выше ; оперативная память не менее 2 Гб ; 1,1 Мб свобод. диск. пространства ; разрешение экрана не менее 800x600 ; оптический привод DVD-ROM/RW ; Adobe Acrobat Reader 8.0 и выше. – Текст электронный.

ISBN 978-5-7899-1479-3

В сборник включены статьи участников Всероссийской научно-практической конференции «Актуальные проблемы частного и публичного права» (октябрь 2022 г.).

Издание предназначено курсантам, слушателям, адъюнктам и педагогическим работникам образовательных организаций системы МВД России, сотрудникам органов внутренних дел Российской Федерации.

УДК 347(082)
ББК 67.404я43

Редакционная коллегия: Н. В. Котельников (председатель), П. М. Филиппов (зам. председателя), Н. И. Батурина (отв. секретарь), В. А. Садков (член редколлегии).

ISBN 978-5-7899-1479-3

© Волгоградская академия МВД России, 2023

СОДЕРЖАНИЕ

Аммалайнен В. А.

Правовая регламентация функционирования услуг
по управлению многоквартирными домами
и ее значение для оперативных подразделений 6

Батурина Н. И.

Запрет дарения как мера предупреждения коррупции 12

Гусейнов Т. А.

Торговые обычаи как первооснова развития обязательств
морской перевозки грузов 18

Ермолаева М. И.

Проблема выявления критериев разграничения
имущественных отношений, регулируемых гражданским правом,
и имущественных отношений,
входящих в предметы других отраслей 23

Жуланов А. В.

Актуальные вопросы развития российского законодательства
во второй половине XIX века 27

Кабанова Ю. С.

О нецелевом использовании алиментов,
уплачиваемых на несовершеннолетних 31

Кайль Я. Я.

Досудебный порядок урегулирования спора:
понятие, виды, порядок и последствия его несоблюдения 36

Калашиников А. Н., Морозов А. Н.

Психологическое содержание источников информации судебной
психологической экспертизы по делам о сделкоспособности 40

Котельников Н. В.

Обязанность предоставления информации
при установлении и исполнении договорного обязательства 54

Крючков С. В.

Проблемы и перспективы взаимодействия морали и права
в современных условиях 62

Кураев Д. Д., Канцер Ю. А.

Особенности признания недействительной сделки,
совершенной в отношении имущества супругов..... 69

Майорова О. А., Иловайский И. Б.

Коллизионные вопросы трансграничной несостоятельности 73

Малютина О. А.

Правовое информирование
в деятельности образовательных организаций МВД России 78

Мамедова А. Р., Иловайский И. Б.

Отдельные аспекты явления «интерперсональные коллизии»
в праве России 85

Мелихов А. И., Працко Г. С., Истратенков А. Ю.

Значение национальных ценностей
для национальной безопасности 90

Мелихов А. И., Харченко А. В., Працко Г. С.

Понятие международного сотрудничества в сфере
оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел 96

Новичихин П. Г.

Проблема легальной и нелегальной
трудовой деятельности мигрантов 103

Пономарь В. А., Федосеев П. С.

Дистанционное судопроизводство как форма защиты
конституционных прав человека
с помощью гражданско-процессуальных средств 107

Попов М. Ю., Андриющенко Т. И.

Деятельность частных военных компаний
требует правового регулирования..... 112

Попов М. Ю., Истратенков А. Ю.

Территориальная целостность и право
на самоопределение в современной России 119

Попова О. О., Кабанова Ю. С.

О взаимодействии органов опеки и попечительства
с подразделениями по делам несовершеннолетних
органов внутренних дел Российской Федерации 126

Пушкарев Е. А.

Правовое закрепление традиционных ценностей России 130

Садков А. Н., Нурканов Т. Н.

Ограничение свободы завещания
как элемент социализации частного права
(на примере законодательства Российской Федерации
и Республики Казахстан)..... 136

Садков В. А.

Некоторые особенности учета и обращения
цифровых финансовых активов 141

Самарский А. Н.

Особенности развития советского права
в период новой экономической политики 144

Сивашов А. С., Иловайский И. Б.

Вопросы правового статуса спортивного арбитража в Лозанне... 150

Соколов Н. К., Батурина Н. И.

Роль и значение прокурора в гражданском процессе..... 155

Таранцев Н. С., Иловайский И. Б.

Отдельные аспекты автономии воли
в международном частном праве 161

Федосеев П. С.

О семантике термина «коррупция»..... 166

Цветков С. Б.

Злоупотребление экологическими правами:
понятие, правовая природа, практический аспект..... 171

Сведения об авторах 181

Правовая регламентация функционирования услуг по управлению многоквартирными домами и ее значение для оперативных подразделений

За январь–октябрь 2022 г., согласно статистическим отчетам Главного информационно-аналитического центра МВД России формы «5-БЭП», утвержденной приказом МВД России от 28 февраля 2012 г. № 134 «О результатах работы подразделений экономической безопасности и противодействия коррупции органов внутренних дел Российской Федерации в сфере жилищно-коммунального хозяйства», зарегистрировано 1 597 преступлений. Против собственности – 1 227 преступлений, в том числе мошенничеств – 852, в сфере экономической деятельности – 30 преступлений (незаконное предпринимательство – 15, налоговые – 5). Расследовано в отчетном периоде – 1 358 преступлений, направлено в суд – 1 255, выявлено лиц, совершивших преступления, – 652.

В настоящее время намечается тенденция роста темпов строительства многоквартирных домов. По данным Министерства строительства и жилищно-коммунального хозяйства Российской Федерации в 2021 г. в России было введено 92,6 млн кв. м жилых помещений. Сегодня на этапе возведения находится около 94,4 млн кв. м жилой недвижимости, и строительство многоквартирных домов с каждым годом будет только увеличиваться [1, с. 207].

Законодательство Российской Федерации направлено на создание и обеспечение безопасных и благоприятных условий жизни граждан. На правоохранительные органы, в том числе на оперативные подразделения ЭБ и ПК¹, возложена задача своевременного предупреждения, выявления, пресечения и раскрытия соответствующих преступлений для обеспечения эффективной работы сферы оказания услуг по управлению многоквартирными домами [2, с. 95]. Знание правовой базы, умение применять нормативные правовые

¹ Экономическая безопасность и противодействие коррупции.

акты являются основой для решения вопроса об установлении события преступления, виновности работников организаций, оказывающих услуги по управлению многоквартирными домами. Кроме того, определение нормативно верной модели построения системы порядка финансирования и расходования средств помогает эффективно планировать расследование хищений в рассматриваемой сфере.

Начавшийся в связи с принятием Закона Российской Федерации от 4 июля 1991 г. № 1541-1 «О приватизации жилищного фонда в Российской Федерации» в начале 90-х гг. и продолжающийся по настоящее¹ время процесс приватизации жилых помещений привел к надобности детализированного правового регулирования отношений собственности на жилые помещения, созданные для безопасных и благоприятных условий жизни людей.

Согласно ст. 25 Всеобщей декларации прав человека жилище является неотъемлемой частью нашей жизни. Это право также закреплено в ст. 11 Международного пакта об экономических, социальных и культурных правах. Необходимость уважения жилища человека констатирована и в ст. 8 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (Россия не является Высокой Договаривающейся Стороной данной Конвенции с 16 сентября 2022 г. (Резолюция Европейского суда по правам человека от 22 марта 2022 г.)). В Российской Федерации данное право отражено в ст. 40 Конституции Российской Федерации.

Правовая основа, регулирующая общественные отношения в рассматриваемой сфере, сложна, разнообразна и находится в совместном ведении Российской Федерации и субъектов Российской Федерации.

Рассматривать правовую регламентацию функционирования услуг по управлению многоквартирными домами стоит начать с изучения жилищного законодательства, которое состоит из Жилищного кодекса Российской Федерации (далее – ЖК РФ) и принятых в соответствии с ним других федеральных законов, указов Президента Российской Федерации, постановлений Правительства Российской Федерации, нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти, принятых законов и иных нормативных правовых актов

¹ Бесплатная приватизация жилых помещений является бессрочной. Ограничение срока бесплатной приватизации отменено Федеральным законом от 22 февраля 2017 г. № 14-ФЗ «О признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации».

субъектов Российской Федерации, нормативных правовых актов органов местного самоуправления. Необходимо отметить, что высшую юридическую силу среди актов жилищного законодательства в регулировании жилищных отношений имеет ЖК РФ.

Несмотря на его узкую специфику именно ЖК РФ внес ясность во множество принятых ранее и зачастую противоречащих друг другу законодательных и нормативных актов и задал на будущее направление развития законодательства в жилищной сфере.

Стоит отметить Федеральный закон от 21 июля 2007 г. № 185-ФЗ «О Фонде содействия реформированию жилищно-коммунального хозяйства», который регулирует вопросы безопасности проживания граждан, формирует эффективные механизмы управления жилищным фондом, устанавливает основы предоставления финансовой поддержки на проведение капитального ремонта многоквартирных домов и другие моменты.

Постановление Правительства Российской Федерации от 15 мая 2013 г. № 416 «О порядке осуществления деятельности по управлению многоквартирными домами» определяет стандарты, которыми должны руководствоваться управляющие организации в процессе своей работы.

Основными нормативными правовыми актами, регламентирующими установление тарифов на водоснабжение и водоотведение, являются:

- Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении»;

- постановление Правительства Российской Федерации от 13 мая 2013 г. № 406 «О государственном регулировании тарифов в сфере водоснабжения и водоотведения»;

- приказ Федеральной службы по тарифам от 27 декабря 2013 г. № 1746-э «Об утверждении Методических указаний по расчету регулируемых тарифов в сфере водоснабжения и водоотведения».

Основными нормативными правовыми актами, регламентирующими установление тарифов на отопление, а также горячее водоснабжение, являются:

- Федеральный закон от 27 июля 2010 г. № 190-ФЗ «О теплоснабжении»;

- Федеральный закон от 7 декабря 2011 г. № 416-ФЗ «О водоснабжении и водоотведении»;

– постановление Правительства Российской Федерации от 22 октября 2012 г. № 1075 «О ценообразовании в сфере теплоснабжения»;

– приказ Федеральной службы по тарифам от 13 июня 2013 г. № 760-э «Об утверждении Методических указаний по расчету регулируемых цен (тарифов) в сфере теплоснабжения».

Сами нормативы потребления коммунальных услуг и их состав отражены в постановлении Правительства Российской Федерации от 23 мая 2006 г. № 306 «Об утверждении Правил установления и определения нормативов потребления коммунальных услуг и нормативов потребления коммунальных ресурсов в целях содержания общего имущества в многоквартирном доме».

Ежегодно как на федеральном, так и на муниципальном уровнях принимаются различные нормативные правовые акты, регулирующие деятельность по установлению тарифов за оказание жилищно-коммунальных услуг.

К нормативным правовым актам, имеющим прямое значение для организации оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) в сфере оказания услуг по управлению многоквартирными домами, следует отнести:

– Конституцию Российской Федерации, положения которой способны ограничить права и свободы человека и гражданина в связи с необходимостью борьбы с преступностью. Так, статья 23 Конституции Российской Федерации закрепляет право каждого на тайну переписки, телефонных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений. Данное право может быть ограничено на основании решения суда. Аналогичная норма также содержится в ч. 2 ст. 22 Федерального закона от 17 июля 1999 г. № 176-ФЗ «О почтовой связи»;

– Федеральный закон от 12 августа 1995 г. № 144-ФЗ «Об оперативно-разыскной деятельности», который определяет содержание оперативно-разыскной деятельности на территории Российской Федерации;

– Федеральный закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ «О полиции», в котором закреплена необходимость осуществления оперативно-разыскной деятельности в целях выявления, предупреждения, пресечения и раскрытия преступлений;

– приказ МВД России от 19 июня 2012 г. № 608 «О некоторых вопросах организации оперативно-розыскной деятельности в системе МВД России», закрепляющий перечень оперативных подразделений системы МВД России, правомочных осуществлять ОРД;

– приказ МВД России от 16 марта 2015 г. № 340 «Об утверждении Положения о Главном управлении экономической безопасности и противодействия коррупции Министерства внутренних дел Российской Федерации», где прописано, что одной из основных функций Главного Управления является осуществление ОРД в полном объеме;

– приказ МВД России от 17 января 2006 г. № 19 «О деятельности органов внутренних дел по предупреждению преступлений». Утверждаемая им Инструкция определяет основные направления, формы и методы предупреждения преступлений, осуществляемые органами внутренних дел в пределах полномочий;

– приказ МВД России от 9 ноября 2018 г. № 755 «О некоторых вопросах обращения со служебной информацией ограниченного распространения в системе МВД России», регулирующий порядок обращения со служебной информацией ограниченного распространения в системе МВД России и устанавливающий требования, обязательные для сотрудников, федеральных государственных гражданских служащих и работников системы МВД России при обращении с документами и другими материальными носителями сведений.

С учетом изложенного можно отметить, что правовое регулирование управления многоквартирным домом достаточно полное, но при этом не лишено недостатков. В статье указаны лишь основные нормативные правовые акты, которые регламентируют функционирование услуг по управлению многоквартирными домами. Жилищное право динамично развивается, в акты жилищного законодательства постоянно вносятся изменения и дополнения. Действует большое количество нормативных актов федерального уровня: федеральные законы, постановления правительства, приказы министерств и служб. Наряду с этим множество вопросов регулируется законами субъектов Российской Федерации, нормативными актами исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации, муниципальных органов. Действуют разнообразные нормы, нормативы и правила технического характера.

Помимо оперативных сотрудников, правовую базу в сфере жилищного законодательства должны знать и сами собственники многоквартирных домов. Это позволит повысить эффективность защиты ими своих прав и законных интересов.

Таким образом, одним из слагаемых эффективности работы сотрудников оперативных подразделений по выявлению и документированию экономических преступлений в сфере оказания услуг по управлению многоквартирными домами является владение положениями указанной правовой базы. Практическим работникам необходимо обладать специальными знаниями о механизме функционирования услуг по управлению многоквартирными домами в рамках правового поля. Это позволит лицам, осуществляющим ОРД, сосредоточить усилия на наиболее криминогенных стадиях бюджетного процесса и этапах исполнения бюджетов, правильно квалифицировать противоправные деяния и определять существенные обстоятельства, имеющие значение для успешного раскрытия соответствующих преступлений, выявлять дополнительные эпизоды преступной деятельности в ходе предварительного расследования.

Список библиографических ссылок

1. Аммалайнен В. А. Характеристика лиц, совершающих преступления при оказании услуг по управлению многоквартирными домами // Юристъ-Правоведъ. 2022. № 3 (102). С. 207–213.
2. Аммалайнен В. А. Современное состояние преступности, связанной с оказанием услуг по управлению многоквартирными домами // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2022. № 2 (61). С. 90–95.

© Аммалайнен В. А., 2023

Запрет дарения как мера предупреждения коррупции

К одной из гражданско-правовых мер противодействия коррупции можно отнести запрет дарения, предусмотренный положениями ст. 575 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ), цель которого в том, чтобы отдельные участники общественных отношений, выполняя возложенные на них должностные обязанности, не извлекали при этом имущественной выгоды для себя.

Гражданское законодательство предусматривает перечень лиц, по отношению к которым предусмотрен запрет по передаче в дар имущества, стоимость которого составляет более трех тысяч рублей. Условно их можно разделить на три группы. К первой группе относятся работники образовательных и медицинских организаций, а также организаций, оказывающих социальные услуги, и организаций для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Запрет дарения распространяется в отношении указанных лиц лишь тогда, когда дар передается от лиц, находящихся на лечении, содержании, воспитании или обучении в соответствующих организациях, где работают перечисленные лица, или от их супругов либо родственников. Исходя из буквального толкования подп. 2 п. 1 ст. 575 ГК РФ, перечень лиц, от которых закон запрещает работникам перечисленных организаций получать подарок, превышающий стоимость трех тысяч рублей, является исчерпывающим, а значит, не запрещает другим категориям граждан становиться участником таких договорных отношений в качестве дарителя.

Имеющаяся в научной литературе трактовка условий запрета дарения видится не совсем удачной, поскольку наводит на ряд вопросов, ответы на которые не могут быть получены на законодательном уровне, что, в свою очередь, говорит о пробеле в законодательстве, который может быть использован в коррупционных интересах. Так, например, гражданское законодательство не устанавливает количественного критерия и периодичности совершаемых договоров дарения в допускаемых законом случаях по отношению к рассматриваемой

категории лиц от граждан и их супругов или родственников, находящихся в перечисленных выше организациях. Следовательно, получение дара стоимостью до трех тысяч рублей может совершаться неоднократно, что при сложении всех сумм превысит в разы установленный законом лимит дарения для такой категории лиц. Представляется целесообразным в качестве антикоррупционной меры дополнить положения подп. 2 п. 1 ст. 575 ГК РФ оговоркой об однократности дарения подарка допускаемой законом стоимости между одними и теми же лицами, перечисленными в статье.

Установленный законодателем круг лиц, от которых запрещается получать дар, превышающий три тысячи рублей, следует признать дискуссионным. Спорность позиции, выраженной в норме права, заключается в том, что дарителями могут быть и иные лица, заинтересованность которых ничуть не меньше, чем у родственников и супругов по отношению к гражданам, находящимся в образовательных, медицинских, социальных и иных организациях, указанных в подп. 2 п. 1 ст. 575 ГК РФ. На законодательном уровне предусмотрены категории лиц, которые не относятся к родственникам или супругам, но при этом наделяются имущественными и личными неимущественными правами, а также обязанностями по отношению друг к другу, что, в свою очередь, подчеркивает особый род возникающих между ними отношений, сходных с семейно-родственными. Например, семейное законодательство (в том числе и ст. 29, 30 ГК РФ) относит к таким лицам опекунов (попечителей) и их подопечных, приемных родителей и детей, находящихся у них на воспитании, фактических воспитателей и их несовершеннолетних воспитанников, отчимов (мачех) и их пасынков (падчериц). Правовое положение указанных лиц установлено ст. 96, 97, 146, 152 СК РФ.

Кроме того, практика показывает, что нередко случаи, когда брак между мужчиной и женщиной не зарегистрирован, но их совместное сожительство исчисляется не одним годом. На законодательном уровне сожители не включены в перечень тех лиц, от которых запрещено получать подарки стоимостью свыше трех тысяч рублей. Думается, что такой подход законодателя приводит к разделению, казалось бы, общей группы лиц на две категории, предоставляя преимущество одним перед другими. Для устранения имеющегося недостатка и соблюдения принципа равенства участников

гражданских правоотношений предлагается расширить круг лиц, от которых недопустимо получать подарки работникам организаций, указанных в подп. 2 п. 1 ст. 575 ГК РФ. К таковым следует отнести законных представителей лиц, находящихся в соответствующих организациях (опекуны, попечители, усыновители), несмотря на имеющийся запрет, предусмотренный в подп. 1 п. 1 ст. 575 ГК РФ, так как в указанном положении статьи речь идет только о законных представителях малолетних и недееспособных граждан, не беря во внимание законных представителей несовершеннолетних и лиц, ограниченных в дееспособности. Недопустимость дарения должно распространяться и на отчимов, мачех, пасынков, падчериц, фактических воспитателей и их воспитанников. Вместе с тем следует предусмотреть оговорку о таких лицах, которые имеют заинтересованность в жизни граждан (например, друзья, сожители), находящихся в организациях, перечисленных в подп. 2 п. 1 ст. 575 ГК РФ. Подобного рода замечания цивилистов относительно несовершенства гражданского законодательства в области рассматриваемых отношений присутствовали и ранее. Так, по мнению М. Г. Масевича, имеющийся запрет, предусмотренный в подп. 2 п. 1 ст. 575 ГК РФ, «легко обойти, если вручение подарка будет поручено друзьям указанных выше граждан или путем неоднократного вручения “обычного подарка,» [1].

Ко второй группе граждан, по отношению к которым законодатель установил запрет дарения, относятся такие лица, как: замещающие государственные должности Российской Федерации, замещающие государственные должности субъектов Российской Федерации; замещающие муниципальные должности, государственные и муниципальные служащие и служащие Банка России. Закон при этом не предусматривает конкретного перечня лиц, кто не вправе дарить подарки стоимостью более трех тысяч рублей перечисленным выше субъектам. Исходя из содержания подп. 2 п. 1 ст. 575 ГК РФ, запрет на осуществление дара лицам, указанным в данном положении нормы, будет распространяться на тех, кто находится в служебной зависимости от них, это физические и юридические лица, вовлеченные в отношения с исполнением служебных обязанностей должностными лицами государственных и муниципальных органов.

В то же время имеющиеся в законе ограничения дарения не распространяются на тот случай, когда государственные (муниципальные)

служащие становятся одаряемыми как участники гражданско-правовых отношений, когда они не связаны с дарителем выполнением служебных обязанностей. Это могут быть подарки на дни рождения, праздники и по иным поводам, но только от лиц, которые не находятся с одаряемым в контрольно-подчинительных отношениях.

Запрет на получение государственными служащими подарка предусмотрен не только ст. 575 ГК РФ, но и положениями п. 6 ст. 17 ФЗ «О государственной гражданской службе Российской Федерации» [2], который, в отличие от гражданского законодательства, предусматривает абсолютный запрет и в отношении подарков, и вознаграждения, что порождает правовую коллизию.

Вместе с тем как гражданское законодательство, так и выше упомянутый закон, а также положения п. 3 постановления Правительства Российской Федерации от 9 января 2014 г. № 10 [3] предусматривают исключения из правил, а именно, когда при прохождении гражданской службы разрешено получать подарки стоимостью более трех тысяч рублей, полученные в связи с исполнением гражданами служебных обязанностей. К таковым закон относит подарки, полученные при проведении протокольных мероприятий, нахождении в служебной командировке, а также при иных официальных мероприятиях.

Лица, замещающие государственную (муниципальную) должность, обязаны, независимо от стоимости подарка передать его на хранение лицу, ответственному за это в структурном подразделении, в котором они проходят службу. Остальные лица, которым запрещается получать подарки стоимостью свыше трех тысяч рублей, обязаны уведомлять о каждом факте такого дарения. Уведомление о получении подобного подарка направляется в структурное подразделение государственного или муниципального органа, фонда или иную организацию, в которой одаряемый проходит государственную (муниципальную) службу или осуществляет трудовую деятельность, с приложением документов (при наличии), определяющих его стоимость.

Имущество, полученное в дар гражданскими служащими в результате их участия в официальных мероприятиях, передается в собственность Российской Федерации. Такое имущество включается в реестр федерального имущества или имущества субъекта Российской Федерации.

К третьей группе лиц, на которых закон распространяет запрет дарения подарка, не относящегося к обычному подарку, стоимость которого превышает три тысячи рублей, относятся коммерческие организации. Заключение договора дарения между коммерческими организациями – юридический факт, противоречащий их целям деятельности и интересам, ради которых они были образованы. Кроме того, имеющийся запрет направлен на то, чтобы данные субъекты не пытались с помощью договора дарения прикрыть другую сделку, например договор купли-продажи, а если таковое и произошло, то заинтересованное лицо могло признать эту сделку недействительной и восстановить нарушенные права. А. Л. Маковский справедливо отметил, что имеющиеся в законе ограничения по дарению между коммерческими организациями обусловлены тем, что «исходя из того, что безвозмездные имущественные отношения между организациями, само осуществление которых порождено целью извлечения прибыли, как правило, ненормальны и могут использоваться в ущерб интересам их кредиторов и государства» [1].

Таким образом, закрепленные в гражданском законодательстве запреты на получение подарков указанным в ст. 575 ГК РФ лицам следует рассматривать как меры предупреждения коррупционных действий, предотвращающие возникновение конфликта интересов и способствующие принятию объективных решений.

Список библиографических ссылок

1. Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Книга вторая: Договоры о передаче имущества. 4-е изд., стер. М.: Статут, 2002. С. 362–364.

2. О государственной гражданской службе Российской Федерации: федер. закон от 27 июля 2004 г. № 79-ФЗ (ред. от 30.12.2021). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О порядке сообщения отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдачи и оценки подарка, реализации (выкупа) и зачисления средств, вырученных от его реализации» (вместе с «Типовым

положением о сообщении отдельными категориями лиц о получении подарка в связи с протокольными мероприятиями, служебными командировками и другими официальными мероприятиями, участие в которых связано с исполнением ими служебных (должностных) обязанностей, сдаче и оценке подарка, реализации (выкупе) и зачислении средств, вырученных от его реализации»): постановление Правительства Российской Федерации от 9 января 2014 г. № 10 (ред. от 12.10.2015). Доступ из справ.-правовой системы «Консультант-Плюс».

© Батурина Н. И., 2023

Торговые обычаи как первооснова развития обязательств морской перевозки грузов

Морская торговля является одним из способов развития экономического оборота между различными государствами. Основы этого процесса в Европе были заложены еще народами, проживающими вдоль Средиземного моря (греками, евреями, финикийцами и пр.). Считается, что наибольшую роль здесь сыграли финикийцы, которые доминировали в коммерческой деятельности на всей территории от Египта до Балтийского моря. Им принадлежит первенство в судостроении, создании кораблей разной оснастки и класса, строительстве профессионального торгового и военного флота [1, с. 212]. Тем не менее основу античного нормативного регулирования в рассматриваемой сфере создали греки – жители о. Родос и прилежащих к нему территорий. Именно этим народом был создан так называемый «Родосский морской закон» – сборник обычных норм, который являлся эффективным регулятором коммерческой деятельности своего времени, где значительное внимание уделялось вопросам перевозки грузов, статусу капитана и лиц, обладающих вещными правами на судно.

Римское частное право включило этот норматив в свой состав и значительно его обобщило, более того, наряду с этим источником были систематизированы и иные нормы в рассматриваемой области, а именно греческий сборник морского права, который назывался νόμος Ῥοδίων ναυτικός, не имеющий никакого отношения к о. Родос. В Дигестах Юстиниана эти правила стали занимать особый титул Lib. XIV, tit. 2. Он был поделен на три части, появился регламентированный порядок поведения экипажа при аварии и посадке судна на мель, были введены нормы о морской полиции и некоторых договорах, используемых при морской перевозке [2, с. 181].

М. Игнатович, оценивая эту часть Дигестов, отмечал, что значимым достижением римских юристов являлось юридическое оформление договора морской перевозки грузов. По своей правовой природе

такое обязательство было частным подвидом (субдоговором) договора аренды для оказания услуг (*locatio-conductio*). Оно являлось консенсуальным, взаимобязывающим и основывалось на добросовестности сторон. Предметом договора выступал результат исполнения сделки – доставка груза из одного порта в другой [3, с. 229]. Анализируя изложенное, мы полагаем, что фактически речь шла о фрахтовании судна, которое является элементом договора перевозки груза. Это обязательство складывалось между собственником груза и перевозчиком (судовладельцем). Правоотношение предусматривало ответственность грузоперевозчика за груз, который поступил в его ведение. Считалось, что на время транспортировки груз попадает во владение капитана, который обязан сохранить его, что свойственно и современным правилам регулирования обязательств фрахта (ст. 163–165 Кодекса торгового мореплавания Российской Федерации). Особо акцентировалось внимание на ответственности перевозчика. Такой подход был объективной необходимостью данного договора, так как нередко перевозчики вступали в сговор с пиратами и таким образом лишали отправителя его имущества.

Популярность и востребованность указанных правил на практике подтверждает тот факт, что они были включены в византийское законодательство XI века как часть *Базилик* (или *Василик* от др.-греч. τὰ Βασιλικά), а в Южной Италии использовались вплоть до XV века [4, с. 374].

Падение Римской империи, особенно западной ее части, критически сказалось на развитии нормативного регулирования морской торговли в этой части Европы, так как разработанные римскими юристами нормы в рассматриваемой сфере в большей части фактически были утрачены. Однако это совсем не означало, что такие регуляторы совсем отсутствовали. Северо-итальянские города республики как наиболее экономически развитые территории, стали постепенно создавать подобные источники. Одними из первых в XI и XII веках были правила города Амальфи, которые получили наименование «Морское право Амальфи», или *Tavole amalfitane* (также лат. *Tabula Amalfitana*). Этот источник подробно раскрывал обязанности капитана и команды, содержал указания по поводу распределения убытков между сторонами в случае общей аварии и оказал значительное влияние на развитие норм морского права всего Средиземноморья,

в том числе на создание Коммерческого кодекса Франции. Однако это был не единственный норматив.

В 1063 г. публикуется сборник решений морских консулов итальянского города Трени «*Ordo el consuetude maris*». С 1099 г. крестоносцы, энергично перемещавшиеся из Европы на Ближний Восток, стали использовать свой свод правил, называвшийся «Иерусалимские Ассизы» (*Assizes de Jerusalem*); в 1160 г. появляются статуты города Пизы, а в 1256 г. – так называемые Марсельские статуты (*Statuts de Marseille*) [5, с. 53.].

В этот же период и до конца XIV века возникает Морской кодекс Венеции (*Capitulaire nauticum*) объемом 126 статей, в котором были определены и договорные обязательства в морской торговле, и административное, главным образом фискальное, регулирование в этой области. В частности, судовладелец обязывался представлять отчеты о том, какие суда находятся в его собственности, их класс, тоннаж и количество проведенных сделок. Контроль за этим был возложен на специальный государственный орган [6, с. 101]. Более того, договор фрахта судна все больше приобретает современные черты; так появляется институт «меморандума капитану», в котором фрахтователь, помимо самого договора морской перевозки, мог указать для капитана отдельные поручения в зависимости от ситуации. Например, в 1489 г. торговец Мишель Фоскари, намеревавшийся доставить из Александрии (Египет) в Венецию партию товара и опасавшийся его захвата египетским правителем, поручил капитану Никола Видаль до прибытия судна послать в Александрию быстроходный челнок, и, если ситуация окажется опасной, направить судно на Кипр.

В это же время зарождается институт товаросопроводительных документов и появляется первоначальная форма коносамента. Если маршрут был линейным, то капитан выдавал отправителю коносамент (*polizza di carico*), а фрахт оплачивался наличностью. Фактически коносамент был списком с названием товаров и их характеристикой. Важность такого рода документов заключалась в том, что корабль, выполняя рейс из одного порта в другой, был параллельно зафрахтован различными купцами и перевозил принадлежащие им разные товары, которые необходимо было учитывать за каждым владельцем и различать между собой [7, с. 305].

В XIII или XIV веках, т. е. фактически одновременно с Морским кодексом Венеции, на территории современной Испании, в Барселоне, формируется еще один значимый источник в области морской торговли, а именно Барселонские законы или *Consularo del mare*. В этом нормативе, распространившем свое действие даже на Ближний Восток, содержались и древние торговые обычаи, и положения позднего византийского права. Его нормы регулировали материальный и процессуальный аспекты морской торговли. Он был написан простым и понятным языком на каталонском наречии и носил каузальный характер. Популярность и значение этого сборника подчеркивает то, что в 1519 г. он был переведен на итальянский язык и издан в Риме. *Consularo del mare* считается одним из основных источников формирования морского права в Европе и использовался в некоторых странах, в том числе в Великобритании, до конца XIX века.

Подводя итог изложенному, можно сделать ряд выводов. Во-первых, нормы по морской перевозке грузов являются результатом длительного (многовекового) развития регулирования в этой области общественных отношений. Явно прослеживается формирование таких норм на самом низком, народном уровне в виде обычаев; их регулярная систематизация и обобщение со стороны государства и профессионально подготовленных юристов. Во-вторых, указанный факт предоставляет широкие возможности по унификации этих правил. На наш взгляд, именно это обстоятельство и является причиной того, что в сфере морской торговли существует наибольшее количество международных договоров, объединяющих и различные страны, и международное сообщество в целом.

Список библиографических ссылок

1. Штенцель А. История войн на море с древнейших времен до конца XIX в. М.: Изографус: ЭКСМО-Пресс, 2002. 1504 с.
2. Кисельников А. Б. Морские перевозки грузов в античные времена // Проблемы истории, филологии, культуры. 2007. № 17. С. 178–195.
3. Ignjatovic' M., Arsic' A. Contract of Carriage of Goods by Sea from the Aspect of Roman and Contemporary Law (English Language) // *Ius Romanum*. 2018. № 2. P. 218–238.

4. Родосское морское право // Энциклопедический словарь Брокгауза и Ефрона: в 86 т. (82 т. и 4 доп.). Т. 27а. СПб., 1899. 532 с.

5. Скаридов А. С. Адмиралтейское и морское право зарубежных стран: учеб. пособие. СПб.: Academus, 2018. 173 с.

6. Gluzman R. Venetian Shipping from the Days of Glory to Decline, 1453–1517. Brill, 2021. 561 p.

7. Rossi F. Ambasciata straordinaria al sultano d'Egitto (1489–1490) // Comitato per la Pubblicazione delle Fonti relative alla Storia di Venezia. 1988. 489 p.

© Гусейнов Т. А., Иловайский И. Б., 2023

**Проблема выявления критериев разграничения
имущественных отношений, регулируемых
гражданским правом, и имущественных отношений,
входящих в предметы других отраслей**

В качестве одних из наиболее распространенных отношений выступают гражданские, которые необходимо правильно отграничивать от отношений, возникающих в процессе административного и уголовного производства. Особенно актуальными при этом являются аспекты, связанные с возникновением и изменением имущественных отношений, которые затрагивают многие сферы жизнедеятельности.

Имущественные отношения, которые регулируются гражданским правом, имеют две разновидности:

- обязательственные отношения, которые связаны с переходом имущества от одного лица к другому и с динамикой имущественного оборота;
- вещные имущественные отношения, которые связаны с принадлежностью имущества определенному лицу (например, отношения собственности) и со статикой имущественного оборота [1, с. 276].

Что касается непосредственно особенностей гражданско-правовых отношений, то такие исследователи, как Т. А. Ханов, К. А. Бакишев, Н. Р. Весельская, выделяют следующие из них:

- наличие диспозитивного метода регулирования;
- субъектный состав;
- юридическое равенство субъектов, возможность имущественного притязания;
- юридической гарантией обеспечения субъективных прав участников гражданско-правовых отношений являются установленные гражданским законодательством способы и формы их защиты;
- наличие гражданско-правовых мер ответственности [2, с. 14].

Важным аспектом выступает то, что гражданское законодательство представляет собой фундамент имущественных отношений, определяя основные термины, а также порядок их осуществления.

Кроме того, принципы гражданского права создают основу для взаимодействия с другими отраслями права.

В том случае если был заявлен гражданский иск в рамках административного или же уголовного законодательства, происходит исследование доказательств, а также итоговых актов суда для вынесения соответствующего решения уже в рамках гражданского законодательства.

Необходимо отметить, что имущественные правоотношения являются более распространенными в рамках гражданского права, нежели в других отраслях. В качестве их типичного основания выступает договор. Что же касается административного и уголовного права, то имущественные правоотношения наступают при совершении лицом противоправного деяния, за которое действующим законодательством предусмотрена административная или уголовная ответственность.

Таким образом, в качестве основного отличия административных и уголовно-правовых отношений выступает именно факт совершения административно или уголовно наказуемого деяния. Данные отношения также характеризуются повышенной общественной опасностью.

В качестве иллюстрации рассмотрим следующие примеры из судебной практики.

Так, по уголовному делу, возбужденному по факту умышленного причинения смерти другому человеку, был заявлен гражданский иск о возмещении материального ущерба на сумму 93 850 рублей – затраты на похороны [3]. Как видим, в приведенной ситуации, деяния лица обладали повышенной общественной опасностью, так как произошло посягательство на фундаментальное право человека – его жизнь. В связи с обозначенными действиями появились и основания для возникновения имущественных отношений, которые были возмещены в рамках гражданского иска.

По части административного производства можно привести следующую ситуацию.

В 2015 г. произошло ДТП с участием ответчика Семенова, управлявшего а/м Тойота Камри, г/н, а также водителя С., управлявшего принадлежащим ему а/м Тойота Ланд Крузер, г/н. Лицом, виновным в ДТП, признан ответчик, который привлечен к административной ответственности по ч. 1 ст. 12.15-1 Кодекса Российской Федерации

об административных правонарушениях. В результате был заявлен иск о взыскании с Семенова Е. Р. в пользу ПАО СК «Росгосстрах» в порядке регресса страховой суммы [4].

В приведенном примере также имела место общественная опасность деяний лица, которые повлекли за собой имущественные отношения.

Если сравнивать нормы уголовного и гражданского законодательства, то можно обнаружить, что в уголовном производстве присутствует только один субъект – физическое лицо, чего нельзя сказать о нормах гражданского законодательства, в которых в качестве такового выступает и юридическое лицо.

Отличие состоит и в порядке защиты рассматриваемого круга прав. Так, в рамках уголовного законодательства важнейшим этапом является сбор доказательств относительно вины лица, совершившего имущественное преступление. В то же время вред, причинный в результате преступления, подлежит восстановлению при непосредственном возмещении ущерба или же в рамках заявленного гражданского иска.

Что касается административного производства, то при рассмотрении дел об административных правонарушениях экономической направленности также происходит разрешение вопросов имущественного характера. Вместе с тем стоит отметить, что судья уполномочен самостоятельно решать имущественные вопросы при непосредственном назначении административного наказания. Если же в таких отношениях имеет место спор, то его разрешение перетекает в гражданское судопроизводство.

Таким образом, в качестве основного отличия имущественных гражданских отношений от административных и уголовных выступает степень общественной опасности деяния лица, а также объект посягательства.

Кроме того, гражданские имущественные отношения тесно связаны с административными и уголовными, поскольку при решении спорных вопросов, касающихся возмещения имущественного вреда, происходит их тесное взаимодействие. Так, административные или уголовные отношения перетекают в гражданское производство, в рамках которого решается вопрос относительно возмещения причиненного имущественного вреда.

Список библиографических ссылок

1. Карпов Д. А. Имущественные отношения как предмет гражданского права // Форум молодых ученых. 2020. № 1 (41). С. 276–278.
2. Ханов Т. А., Бакишев К. А., Весельская Н. Р. Разграничение гражданско-правовых отношений // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2017. № 2-2. С. 14–18.
3. Приговор Люберецкого городского суда Московской области от 29 июля 2020 г. Дело № 1-549/2020. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 27.07.2022).
4. Решение Якутского городского суда Республики Саха (Якутия) № 12933/2018 от 21 января 2019 г. Дело № 2-1173/2019. URL: <https://sudact.ru/> (дата обращения: 27.07.2022).

© Ермолаева М. И., 2023

Актуальные вопросы развития российского законодательства во второй половине XIX века

Законодательные изменения первой половины XIX в., как правило, связывают с именем М. М. Сперанского. Начиная карьеру с семинарского учителя, этот умнейший человек своего времени сумел добиться доверия императора и сделать существенный вклад в развитие законодательства первой половины XIX в., и значительно повлиять на его развитие во второй половине XIX в.

Несмотря на логичность и стройность, либеральное по своему направлению российское законодательство требовало дальнейших преобразований – теперь в сторону развития буржуазных отношений в экономике.

Главным принципом законодательства второй половины XIX в. стало равенство всех подданных перед законом, поскольку он направлен против сословных и иных привилегий.

В связи с этим в период с 1860 по 1880-е гг. законодательство было пополнено большим количеством новых уставов, узаконений и распоряжений правительства.

Отметим, что наряду с законодательством, утвержденным Императором Российской Империи, в некоторых регионах действовало и так называемое национальное право. Так, в Прибалтийских губерниях и Финляндии применялось немецкое право. В Средней Азии, Закавказье, на Северном Кавказе использовалось, помимо адата – местного обычного права, также мусульманское право (шариат) [1]. Данные системы права применялись в основном для решения местных конфликтных ситуаций, связанных с религиозными и местными обычаями.

С 1863 г. все изменения издавались в виде Собраний узаконений и распоряжений правительства, а также сборников ведомственных нормативных актов.

Одним из важнейших событий XIX в. стала отмена крепостного права. Это повлекло за собой ряд проблем, которые необходимо

было решать, например изменение паспортного законодательства, которое было принято еще в 1830-е гг., однако данный вопрос рассматривался почти 30 лет. При Николае I пребывать за границей дворяне могли не более двух лет, а остальные лица – не более года. Паспорта выдавали после троекратной публикации в газетах об отъезде и уплате пошлины в 250 рублей за каждое полугодие. При Александре II все эти условия были отменены, а срок пребывания за границей увеличили до пяти лет.

И лишь в 1895 г., при Николае II, было утверждено Положение о видах на жительство [2], согласно которому на бессрочные паспорта имели право лишь привилегированные сословия, к которым относились дворяне, духовенство, чиновники, купцы, почетные граждане, разночинцы. А сельским жителям, ремесленникам и мещанам выдавали паспорт, действовавший пять лет, за который еще нужно было заплатить. Бесплатно выдавались билеты, позволявшие лишь кратковременные поездки. Однако и их получить было не так просто. Главным условием было отсутствие налоговой задолженности, а также наличие согласия сельского общества или ремесленной управы.

Цыганам и бродячему люду выдача данных документов была запрещена. Сложности с получением паспортов испытывали лица римско-католического и иудейского вероисповедания, а также члены некоторых религиозных сект. Таким образом, перемещение по стране данных лиц либо очень ограничивалось, либо вообще было невозможно.

Что касается паспортов для женщин, то это была еще одна острая проблема, которая требовала решения, поскольку для его получения требовалось согласие мужа, либо главы семейства, что сохраняло правовое неравенство и решалось уже в XX веке.

Наделение освобожденных крестьян землей также требовало немалых правовых наработок. Особенно это касалось дворовых людей, которые после освобождения оставались практически без средств к существованию. «Положение об устройстве дворовых людей» еще на два года оставляло их в зависимости от барина.

Выкупные платежи, отмененные лишь в 1906 г., несмотря на всего лишь 20%-ный размер, ложились непосильным бременем на плечи крестьянина, который, по сути, уплачивал троекратный размер от реальной стоимости земли.

Существенным изменениям подверглось уголовное право. Так, из физических наказаний с 1863 г. исключались клеймение, битье шпицрутенами и плетью; применение розог было ограничено.

Количество статей Уголовного уложения 1885 г. сократили на четверть от предыдущего объема, значительно переработали и внесли новые составы преступлений. Если преступление не было описано в сборнике, то деяние не считалось преступным – принятие этого принципа открыло новую веху в правосудии. Обязательным признаком состава преступления была виновность в различных ее формах: прямого или косвенного умысла, неосторожности.

Самыми серьезными преступлениями считались:

- против церкви (богохульство, соращение в другую веру и пр.);
- против государства, императора и его семьи (бунт, измена, смута и пр.);
- против порядка управления (лжесвидетельство, неисполнение обязанностей, сопротивление полиции и пр.);
- должностные преступления (взяточничество, превышение, бездействие, разглашение государственной тайны и т. п.);
- имущественные преступления (вымогательство, разбой, воровство, мошенничество, поджог и т. п.);
- против личности (убийство, похищение ребенка, телесные повреждения, оскорбления и пр.).

Уголовной ответственности подлежали участники дуэлей и самоубийцы, оставшиеся в живых.

Воинские преступления (неисполнение приказа, переход на сторону неприятеля, потеря боевого знамени, дезертирство, насилие над мирным населением и т. д.) карались в соответствии с Военным уставом 1875 г. и Военно-морским уставом 1878 г.

Отметим, что в отношении данных преступлений в ряде случаев наказание пересматривалось в сторону его смягчения. Так, если рассматривать взяточничество, которое считалось уголовно наказуемым, то, по воспоминаниям Е. М. Феоктистова, сам Александр II «находил вполне естественным, что люди к нему близкие на его глазах обогащались с помощью разных концессий и т. п., если не одни, так другие, так почему же не те, к кому он благоволил?» [3].

По сути, взяточничество, кумовство и протекционизм, взятки характеризовались полной безнаказанностью и безответственностью.

Потребности развития капиталистической экономики сделали необходимым разработку различных уставов, которые касались разных сторон экономики: торгового, промышленного, фабричного, железнодорожного.

Широко развивалось гражданское право. Превращение «вчерашних» крепостных крестьян в свободных селян сделало их равноправными субъектами гражданско-правовых отношений.

Важно помнить, что развитие законодательства шло по пути буржуазных принципов, поэтому затрагивало все сферы жизни общества от уголовного до семейного права. Развитию законодательства в данном ключе способствовала капитализация общества. Однако та же судебная система все еще сохраняла черты крепостничества, поскольку в отношении крестьян сохранялись телесные наказания, «политические» осужденные подвергались репрессиям и т. д.

Список библиографических ссылок

1. Развитие права России во второй половине XIX в. // isfic.info: сайт. URL: <https://isfic.info/rushis/statem62.htm> (дата обращения: 20.10.2022).
2. Лучинин А. В. Паспортная система дореволюционной России (исторический обзор) // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2009. № 3. С. 78–81.
3. Феоктистов Е. М. Воспоминания. За кулисами политики и литературы (1848–1896 гг.). М.; Л., 1929.

© Жуланов А. В., 2023

О нецелевом использовании алиментов, уплачиваемых на несовершеннолетних

В соответствии со ст. 7 Конституции Российской Федерации от 12 декабря 1993 г. Россия является социальным государством, т. е. политика государства направлена на создание условий, обеспечивающих достойную жизнь и свободное развитие человека. Исконно государство стремилось защитить права и интересы незащищенных слоев населения, к которым относятся инвалиды, нетрудоспособные члены семьи, в том числе несовершеннолетние. В 2020 г. в Конституцию Российской Федерации было добавлено положение, согласно которому дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России. Государство создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей. При этом ст. 38 Конституции Российской Федерации закреплено, что забота о детях, их воспитание – это равное право и обязанность родителей, таким образом, государство взяло на себя обязанность способствовать всестороннему развитию детей, при этом основные обязанности возложив на родителей.

Одной из основополагающих обязанностей родителей является содержание несовершеннолетних. Эта обязанность означает, что родители должны обеспечить потребности ребенка в питании, одежде, предметах досуга, в отдыхе, лечении и т. п., и выполняется она, как правило, родителями добровольно, без принуждения. Порядок и форма предоставления содержания несовершеннолетним детям определяются родителями самостоятельно, при этом в рамках семейных отношений данные вопросы на основании ст. 1 Семейного кодекса Российской Федерации от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (далее – СК РФ) решаются совместно всеми членами семьи. Тем не менее встречаются случаи, при которых возникает необходимость урегулировать вопрос содержания с позиции права, например, расторжение брака родителей, проживание детей с одним из родителей, постоянное проживание ребенка у родственников (дедушки, бабушки) и т. д.

Статистика по России свидетельствует о важности вопроса урегулирования порядка взыскания и уплаты содержания несовершеннолетним детям, так как в 2021 г. было зарегистрировано 923,5 тыс. браков и 644,2 тыс. разводов, а с января по июнь 2022 г. число разводов выросло по сравнению с тем же периодом прошлого года, составив 317,8 тыс. [1].

В семейном праве средства на содержание, которые в предусмотренных законом случаях одни члены семьи обязаны уплачивать в пользу других ее членов, именуются алиментами. В 2020 г. по подсчетам аналитиков задолженность по алиментам составила свыше 156 млрд рублей. С учетом пандемии коронавирусной инфекции, участвовавших случаев уклонения от уплаты алиментов, специальной военной операции Вооруженных сил России на Украине, частичной мобилизации российских граждан по итогам 2022 г. данная сумма будет гораздо больше [2].

В статьях 80, 85, 87 СК РФ установлена алиментная обязанность родителей в отношении несовершеннолетних детей. Характерно, что закон не предусматривает каких-либо специальных условий для возникновения обязанности родителей по содержанию несовершеннолетних детей. Субъектами алиментного обязательства выступают несовершеннолетний ребенок (управомоченное лицо), обладающий в силу ст. 60 СК РФ правом на получение содержания от своих родителей, и родители или один из них (обязанные лица). Вместе с тем суммы, причитающиеся ребенку в качестве алиментов, поступают в распоряжение родителей (лиц, их заменяющих) и расходуются ими на содержание, воспитание и образование ребенка. Абзацем 2 п. 2 ст. 60 СК РФ установлено, что суд по требованию родителя, обязанного уплачивать алименты на несовершеннолетних детей, вправе вынести решение о перечислении не более пятидесяти процентов сумм алиментов, подлежащих выплате, на счета, открытые на имя несовершеннолетних детей в банках, но лишь при условии нецелевого использования алиментов вторым родителем [3]. То есть такое требование можно предъявить в суде, если есть основания полагать, что использование алиментов происходит в нарушение интересов ребенка.

Отметим, что прямой контроль за расходованием алиментов законодательством России не предусмотрен, при этом, в зависимости

от оснований выплаты алиментов, можно предпринять ряд действий для его обеспечения. Анализ законодательства показывает, что основаниями уплаты алиментов в России выступают: добровольная уплата без заключения соглашения об уплате алиментов, выплата алиментов в соответствии с заключенным соглашением об уплате алиментов и наличие решения суда об уплате алиментов.

Итак, рассмотрим возможности влияния на уплату алиментов при наличии разных оснований. Так, при добровольной уплате алиментов – без решения суда или нотариального соглашения об уплате алиментов – лицо, обязанное платить алименты, имеет право попросить предоставление отчета о расходовании алиментов от второго родителя. Однако обязать второго родителя предоставлять такой отчет по закону невозможно, т. е. вопрос о контроле за использованием средств решается только на основе договоренности сторон.

При наличии заключенного соглашения об уплате алиментов с отсутствующим пунктом о контроле расходов в него можно внести изменения, добавив пункт о контроле. Отметим, что при внесении изменений в соглашение об уплате алиментов необходимо строго соблюдать порядок, закрепленный законодательством, т. е. либо по обоюдному решению сторон в той же форме, в которой было заключено соглашение, либо через суд при наличии оснований, предусмотренных СК РФ и Гражданским кодексом Российской Федерации. Кроме того, если родитель, получающий алименты по нотариальному соглашению об уплате алиментов, не желает выполнять условие соглашения о контроле за использованием алиментов, можно попытаться принудить его к этому через службу судебных приставов, поскольку данное соглашение признается исполнительным документом. При этом заявление подается в службу судебных приставов на основании п. 3 ч. 1 ст. 12, ч. 1 ст. 30 федерального закона от 2 октября 2007 г. № 229-ФЗ «Об исполнительном производстве».

При наличии решения суда о выплате алиментов обязать второго родителя через суд отчитываться по алиментам затруднительно, так как истец, заявляя подобные требования, должен доказать факт нецелевого расходования алиментов на основании ст. 56 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. Анализ судебной практики показывает, что в боль-

шинстве случаев суды встают на сторону ответчика. Это связано с тем, что истцы не могут доказать факт расходования денежных средств в ущерб интересам детей, а также существующим мнением о том, что алименты, зачисляемые на счет ребенка с возможностью распоряжения ими в будущем, противоречат самой сущности алиментных обязательств.

Интересным представляется анализ судебных решений 2018–2021 гг. по исковому заявлению К. И. к бывшей супруге К. Е. по изменению порядка уплаты алиментов на их общего несовершеннолетнего ребенка, а также о возможности контроля расходов. Причина обращения в суд – отсутствие у бывшей супруги постоянного дохода, а также наличие в ее морально-этическом поведении черт характера, способствующих расходованию алиментов на посторонние нужды вразрез интересам ребенка. Решением суда первой инстанции исковые требования были частично удовлетворены в части перечисления 45 % алиментов на счет несовершеннолетнего. Апелляционный суд оставил решение без изменения, однако суд кассационной инстанции указал, что в предмет доказывания по делу подлежали включению вопросы о том, надлежаще ли исполняются К. Е. обязанности по расходованию алиментов на содержание, воспитание и образование ребенка, сохранится ли при новом порядке исполнения решения суда уровень материального обеспечения ребенка, достаточный для его полноценного развития. Было отмечено, что при рассмотрении заявления суд должен был удостовериться, что изменение порядка взыскания алиментов производится в интересах ребенка. Аналогичное мнение было также высказано Конституционным судом Российской Федерации в определении от 20 февраля 2014 г. № 458-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Ткаченко Юрия Александровича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 статьи 60 Семейного кодекса Российской Федерации» [4, с. 73].

Таким образом, можно сказать, что основной проблемой выступает отсутствие законодательно установленных критериев нецелевого использования, при этом нет и судебного толкования по данному вопросу. Так Верховный суд Российской Федерации в постановлении Пленума от 26 декабря 2017 г. № 56 не затронул рассматриваемую проблематику, хотя в постановлении Пленума от 25 октября 1996 г. № 9 были закреплены критерии, которыми должен был руко-

водствоваться суд при решении вопроса нецелевого использования алиментов. Законодательством не установлена возможность государством либо родителями осуществлять контроль за расходованием указанных средств. Такая ситуация приводит к нарушению прав не только несовершеннолетних, но и плательщиков алиментов. Представляется необходимым законодательно закрепить критерии определения целевого использования денежных средств, выплачиваемых на содержание несовершеннолетних, либо внести дополнения в постановление Пленума Верховного суда от 26 декабря 2017 г. № 56 с выработкой конкретных мер по улучшению данной ситуации.

Список библиографических ссылок

1. В России назвали сумму долгов по алиментам // Lenta.ru: сайт. URL: <https://lenta.ru/news/2020/07/15/dolg/> (дата обращения: 20.10.2022).
2. Статистика. Инфографика: офиц. сайт ФСГС. URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 20.10.2022).
3. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 25.10.2022).
4. Шелютто М. Л. Рассмотрение заявления о перечислении части сумм алиментов на счет, открытый на имя ребенка в банке, в связи с их нецелевым расходованием // Комментарий судебной практики / отв. ред. К. Б. Ярошенко. М.: ИЗиСП, КОНТРАКТ, 2021. Вып. 27. С. 73–93.

© Кабанова Ю. С., 2023

Досудебный порядок урегулирования спора: понятие, виды, порядок и последствия его несоблюдения

При обращении в суд общей юрисдикции досудебный порядок урегулирования спора нужно соблюдать, если такой порядок установлен федеральным законом для данной категории спора (ч. 4 ст. 3 ГПК РФ) [1].

Для арбитражных судов обязательность соблюдения досудебного порядка сформулирована шире – такой порядок может быть установлен не только в законе, но и в договоре (ч. 5 ст. 4 АПК РФ) [2].

Следовательно, обязательность урегулирования конфликта до обращения в арбитражный суд может следовать не только из федерального закона, но и договора.

В законе нет четкого определения понятия досудебного урегулирования спора и не раскрыто, какие меры являются досудебными. Чаще всего между досудебным урегулированием и претензионным порядком ставится знак равенства. Претензионный порядок в законе и в теоретических трудах довольно подробно урегулирован и описан. Однако это слишком сужает предоставленные сторонам возможности для урегулирования конфликта между ними.

Необходимо раскрыть, какие виды досудебных (примирительных) процедур могут быть использованы.

К примирительным процедурам можно отнести:

1. Переговоры. Это процесс принятия совместного обоюдовыгодного решения двумя или более спорящими лицами без участия суда.

Переговоры могут вести стороны самостоятельно или с привлечением третьего лица-посредника. В случаях, предусмотренных федеральным законом (ст. 434.1 ГК РФ) [3] или договором, переговоры проводятся в обязательном порядке.

2. Посредничество. Это оказание посредником (третьей стороной) услуг двум или более сторонам по улаживанию возникших между ними разногласий в целях принятия взаимоприемлемого для всех сторон решения и сохранения дальнейшего сотрудничества сторон.

Посредником может выступить любое лицо, избранное сторонами. Чаще всего им выступает авторитетный юрист или адвокат.

3. Медиация. Стороны вправе урегулировать спор путем проведения процедуры медиации в порядке, установленном ГПК РФ и Федеральным законом от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ «Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации)» (далее – Закон) [4].

Медиация – это разновидность посредничества, только урегулированная Законом.

Институт медиации является комплексным институтом и может быть использован как до суда, так и во время судебного разбирательства. Однако Закон в большей степени рассчитан на применение внесудебной медиации.

При медиации разрешается и спор, и конфликт. В этом состоит ее главное преимущество перед третейским или иным разбирательством, когда спор решен, а конфликт – нет.

4. Претензия.

Слово «претензия» происходит от лат. *praetensio* – претензия, требование, направленное на возмещение убытков и предотвращение конфликта без обращения за содействием к другим лицам или суду.

Соблюдение претензионного порядка может быть закреплено в законе или в договоре, а при отсутствии прямого указания – по желанию сторон.

5. Обращение к финансовому уполномоченному.

Такая процедура относится к досудебному урегулированию, но не подпадает под определение претензионного порядка, поскольку финансовый уполномоченный фактически является посредником между страховой организацией и страхователем (потребителем). Особенность такого посредничества заключается в том, что, во-первых, эта деятельность подробно урегулирована в законе, а во-вторых, является узкоспециализированной, так как относится только к спорам между страхователем и страховщиком.

Пунктом 1 ст. 16.1 Федерального закона от 25 апреля 2002 г. № 40-ФЗ «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств» до предъявления к страховщику иска, содержащего требование об осуществлении страхового возмещения, потерпевший обязан обратиться к страховщику

с заявлением, содержащим требование о страховом возмещении или прямом возмещении убытков, с приложенными к нему документами, предусмотренными правилами обязательного страхования.

По соглашению сторон относящийся к компетенции арбитражного суда или суда общей юрисдикции спор, возникший из гражданско-правовых отношений, до принятия судом первой инстанции судебного акта, которым заканчивается рассмотрение дела по существу, может быть передан сторонами на рассмотрение третейского суда. Однако если стороны избрали вместо компетентного государственного суда третейский суд, то такой выбор не считается урегулированием конфликта в досудебном порядке. Подобный способ разрешения спора является альтернативным и самостоятельным.

Таким образом, мы рассмотрели самые основные способы урегулирования спора до суда. Последствия несоблюдения досудебной процедуры для истца и в гражданском, и в арбитражном процессе одинаковы – суд такое исковое заявление возвращает, если выявлено на стадии его принятия, или оставляет без рассмотрения, если такой вопрос был поставлен участником после принятия искового заявления судом к своему производству.

Если ответчик своевременно не заявил ходатайство в первой инстанции, то его довод о несоблюдении истцом досудебного порядка урегулирования спора не может являться основанием для отмены судебных актов в суде апелляционной и (или) кассационной инстанции, а также не служить безусловным основанием к оставлению иска без рассмотрения.

Список библиографических ссылок

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 46. Ст. 4532.

2. Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 30. Ст. 3012.

3. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1994. № 32. Ст. 3301.

4. Об альтернативной процедуре урегулирования споров с участием посредника (процедуре медиации): федер. закон от 27 июля 2010 г. № 193-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Кайль Я. Я., 2023

Психологическое содержание источников информации судебной психологической экспертизы по делам о сделкоспособности¹

В современной судебной практике отчетливо проявляется тенденция все более активного использования психологических знаний в гражданском процессе, формирования объективных, убедительных средств доказывания, позволяющих успешно разрешать специфические вопросы, когда для выяснения обстоятельств, имеющих значение для дела, требуется знание психики² человека, психических состояний, проявлений индивидуально-психологических особенностей участников судебного разбирательства в юридически значимых ситуациях. Назначаемая в таких случаях психологическая судебная экспертиза исследует психический мир индивида, чья вменяемость, как правило, не вызывает сомнения или уже подтверждена при проведении судебно-психиатрической экспертизы, т. е. психологическая судебная экспертиза проводится преимущественно в отношении психически здоровых людей. Поэтому судебно-психологическая экспертиза не должна предшествовать судебно-психиатрической экспертизе. В особых случаях³ проводятся комплексные судебные психолого-психиатрические экспертизы.

¹ Статья подготовлена по материалам публикаций, посвященных вопросам судебной психологической экспертизы по делам о сделкоспособности, с использованием материалов тридцатипятилетнего опыта эксперта-психолога – одного из авторов статьи, а также практикующего адвоката, имеющего практику участия в делах по сделкоспособности.

² Психический – имеющий отношение к психике и тому, что является сознательным, умственным, имеющим отношение к личности, изменениям личности. Психологический и психический – синонимы // Ребер Артур. Большой толковый психологический словарь. М., 2003. Т. 2. С. 141.

³ В данной работе подобные случаи не рассматриваются.

При рассмотрении дел о наследовании, дарении, продаже, пожизненном содержании с иждивением в качестве объективной и надежной аргументации судебного решения все большее распространение получает использование выводов психологической судебной экспертизы о сделкоспособности участника оспариваемой сделки, о признании сделки недействительной. Оценивая сделкоспособность ответчика, истца суд встречается с трудностями, обусловленными особенностями восприятия и осмысления человеком содержания оспариваемого документа, условиями, в которых документ был исполнен, индивидуально-психологическими характеристиками лиц, причастных к содержанию оспариваемого документа – наследодателя, наследника, дарителя, одариваемого, опекуна, опекаемого, продавца, приобретателя, их взаимоотношениями до составления рассматриваемого в суде документа, а также после вступления решения суда в законную силу, исполнения этого решения.

В судебной практике по гражданским делам психологические знания особенно востребованными являются при рассмотрении дел об имущественных спорах (в частности, о сделкоспособности), по судебным спорам между родителями о воспитании и месте жительства ребенка в ситуации раздельного проживания родителей, о причинении морального вреда. При рассмотрении дел о сделкоспособности, квалифицируемых по ст. 179 Уголовного кодекса Российской Федерации ¹, в случаях ограниченности имеющихся у суда знаний о психологических особенностях истца, реже, но не исключено, ответчика, судами могут выноситься недостаточно обоснованные решения, принятые, казалось бы, на основе очевидных, но в данном, конкретном деле не подтвержденных доказательствами обстоятельств. Источники информации о психическом состоянии лица во время заключения сделки, о его психологических особенностях, их проявлениях в конкретных условиях заключения сделки обычно крайне ограничены. Серьезных, аргументированных доводов у суда по данным делам бывает мало, либо эти доводы – доказательства стороной легко могут быть поставлены под сомнение, оспорены. При принятии судом объективного, аргументированного решения Заключение

¹ См.: ст. 179 УК РФ «Недействительность сделки, совершенной под влиянием обмана, насилия, угрозы, злонамеренного соглашения представителя одной стороны с другой стороной или стечения тяжелых обстоятельств».

судебно-психологической экспертизы во многих случаях является одним из основных доказательств по делу.

Намерения, решения, поступки, в целом поведение человека современная психологическая наука объясняет проявлением его индивидуально-психологических особенностей в конкретной ситуации. Известно также, что индивидуально-психологические особенности человека не являются неизменными, постоянными, они меняются с возрастом, меняются в результате воздействия внешних и внутренних постоянных и ситуативных факторов, действующих на человека, меняются под влиянием соматических заболеваний человека, направленного на человека влияния извне. Изменения психики человека могут достигать/не достигать уровня патологии¹. Обусловленные возрастом, заболеваниями изменения психики человека неизбежны, прогрессивны. Вместе с тем степень выраженности данных изменений различна, влияние их на восприятие и оценку субъектом юридически значимых особенностей конкретной ситуации, поведение субъекта в ней существенно зависит от взаимоотношений участников сделки (дарителя – одаряемого, плательщика ренты – получателя ренты, продавца – покупателя), от значимости принимаемого владельцем имущества решения, от осознания особенностей содержания ситуации принятия решения, от тех последствий, которые могут возникнуть для него и значимых для него людей после принятия решения.

Кроме того, следует признать, что аргументация и выводы назначенных судом и выполненных психологических судебных экспертиз не всегда содержат убедительную, необходимую для принятия обоснованного судебного решения информацию. Достаточно распространен формальный подход экспертов – это уклонение от психологической оценки показаний свидетелей. В подобных случаях приводится довольно распространенная клишированная формулировка типа «поскольку показания сторон противоречивы, то они не могут быть использованы в качестве доказательств». Нередко за данной формулировкой следует вывод: ответить на поставленные эксперту вопросы не представляется возможным. Однако проти-

¹ В данной работе не рассматриваются изменения психики, достигающие уровня патологии.

воречия

в показаниях свидетелей сторон естественны, они обусловлены противоположными позициями истца и ответчика, стремлением привлеченных свидетелей поддержать одну из сторон.

Практика производства психологических судебных экспертиз показывает, что отказываться от анализа психологического содержания показаний свидетелей на том основании, что они противоречивы, ошибочно. Наряду с декларативным содержанием показаний типа «истец (ответчик) был адекватен, он все понимал, все делал обдуманно» возможны и иные, более развернутые, доступные для анализа показания. Свидетель может рассказать об известных ему намерениях подэкспертного, об обоснованности/необоснованности этих намерений, о планировавшихся действиях подэкспертного с принадлежащими ему материальными ценностями, о поведении в ситуации реализации намеченных целей, о проявлениях каких-либо особенностей подэкспертного в различных жизненных ситуациях, об отношениях истца и ответчика в ретроспективе, сообщить еще какие-либо сведения, которые могут быть полезны экспертизе-психологу в подготовке ответов на поставленные ему судом вопросы.

Важную информацию для ответа на поставленные судом вопросы эксперт-психолог получает в процессе психологической оценки показаний участников судебного процесса. Уклоняться от психологической оценки показаний участников процесса ошибочно, мотивируя их противоречивостью.

Свидетель А. в судебном заседании показал, что у подэкспертного К. «...после инсульта стали проявляться явные признаки неадекватного поведения, неуравновешенность психики... состояние К. в последние годы сильно ухудшилось, его действия давали полагать, что он не понимает их значение и не может ими руководить, не может выразить и изложить свою волю для заключения какой-либо сделки».

Свидетель Б. в том же судебном заседании пояснил, что К. «...после болезни (инсульта) был нормальным вменяемым мужчиной с завидной работоспособностью. К. самостоятельно разработал план летней кухни, рассчитал и заготовил материалы – покупал песок, цемент, блоки. Делал опалубку под фундамент, армировал, месил раствор. К. всегда хотел показать, похвалиться, что и как он сделал, звал,

демонстрировал. Б. его понимал, ему было легко общаться с К. К. был нормальный, адекватный, трудолюбивый человек».

Свидетель Л. «...все сварочные работы проводил я, К. искал в интернете, что он хочет, чертил, давал мне размеры. Я иногда ему говорил, что так не получится, а он со мной часто спорил, включал компьютер, искал информацию в интернете, чертил, писал размеры..., сделали беседку, потом варили из металлоконструкций кухню, клетки для нутрий. К. сам облицовывал клетки сеткой, ходил в магазин, покупал пластмассовые хомуты, считал деньги, делал все сам».

Показания свидетеля А. формальны, декларативны; свидетелей Б. и Л. – конкретны, информативны, позволяют представить реальные жизненные ситуации, в которых проявляются интеллектуальные особенности К., описывается его поведение, адекватные реакции в описанных ситуациях. Его действия осмысленные, целенаправленные, просматривается мотивация избегания неуспеха. К. необходимо, чтобы его достижения, несмотря на некоторые проблемы со здоровьем, были замечены, возможно, отмечены, признаны.

Еще одной ошибкой при производстве психологической судебной экспертизы является недооценка экспертом значимости содержания беседы с подэкспертным. Традиционно считается, что беседа проводится по исследуемой в деле ситуации, обращается внимание на отношения истца и ответчика в лучшем случае в ретроспективе, чаще в период или в день заключения сделки. Это важно, но далеко не полно, эксперт не всегда получает очень важную, иногда определяющую всю психологическую сущность рассматриваемого дела информацию. Ограниченность эксперта во времени может в какой-то мере объяснять его позицию при сборе в ходе беседы информации, характеризующую личность подэкспертного, развитие и формирование отношений истца и ответчика.

Рассказывая эксперту о своей жизни, подэкспертный Ш. описал несколько эпизодов своего детства, когда он в восьмилетнем возрасте, подражая старшим ребятам, цеплялся за поезд, упал на рельсы – ампутировали ногу. Через два года вместе со старшим по возрасту соседом по его предложению цеплялся за трамвай. Упал, вагон трамвая переехал протез, «он в щепки» – около двух километров скакал до дома на одной ноге. Ребята предложили кататься на Волге по тонкому, еще трещавшему и прогибающемуся льду. Провалился,

чуть не утонул. Летом ребята говорили, что можно нырнуть под плот с одной стороны, а вынырнуть с другой стороны плота. Он нырнул, плот стоял на мели. Ш. наткнулся на дно. Назад возвращаться было уже нельзя, не хватило бы воздуха. Ш. чудом остался жив. Поступил в техникум потому, что туда поступали его товарищи. Поступил работать на завод, потому что там уже работали его товарищи.

После смерти жены родители его второй жены уговорили Ш. сделать отдельные с сыном счета для уплаты коммунальных услуг; уговорили его разменять принадлежавшую ему трехкомнатную квартиру; убедили Ш. в необходимости продать его долю трехкомнатной квартиры; родители его жены занимались продажей, они же получили деньги; приобрели для него однокомнатную (убитую) квартиру, сказав, что потратили на приобретение все деньги, полученные за продажу двух комнат Ш.; дочь и зять второй жены обещали Ш. помощь в старости, он им поверил и завещал квартиру их малолетнему сыну. Ш. пытался перевоспитать пьющую супругу, но «она сама меня перевоспитала», выйдя на пенсию, он стал пить вместе с супругой, «пили ведрами». Жена говорит: «Бери водки!». «Куда брать?! Она еле на ногах стоит. Ну, взял. И пошло, поехало!... как я вышел из этого ада, не знаю». После смерти второй жены ее родители стали говорить Ш., что ему лучше жить с ними, в их семье: он ни в чем не будет знать нужды, они о нем будут заботиться. «Я подумал, что попал в семью, комнаты раздельные, для меня было удобно». При этом свою квартиру Ш. должен был завещать внуку родителей жены. У нотариуса завещание Ш. подписал, не читая. Через месяц родители жены выселили Ш. в частный дом без отопления, газа, удобств.

Подробный рассказ Ш. об эпизодах его жизни, казалось бы, далеко не всех относящихся к оформлению завещания, позволил эксперту-психологу выявить такие отчетливо проявляющиеся в различных жизненных ситуациях особенности Ш., как конформность, внушаемость, подверженность влиянию, которые существенно снизили его способность правильно воспринимать угрозу обмана при длительном психологическом воздействии на него в форме заботы, уговоров, внушения, проявления формальных знаков внимания к нему, к его проблемам.

В Заключении психологической судебной экспертизы нередко можно видеть достаточно традиционную оценку сохранности/измене-

ний интеллекта возрастного подэкспертного. В тексте Заключения указывается, что у «подэкспертного ухудшение памяти, особенно на текущие события, практически полное отсутствие способности строить формально-логическое рассуждение... представлено преимущественно конкретное мышление». На этом основании эксперт приходит к заключению, что «...подэкспертный не мог понимать...». Приведенная очень общая характеристика интеллекта возрастного подэкспертного не анализируется применительно к конкретной ситуации, не учитываются особенности и значимость для подэкспертного данной ситуации, в которой сниженный интеллект вполне позволяет принять ему адекватное ситуации решение.

Эксперт, проведя исследование девятиностосемилетней М., установил, что «...соотношение абстрактных понятий испытуемой не трактуется, она постоянно переходит на конкретные примеры и приводит случаи из своего индивидуального опыта... существенно снижены способности строить формально-логическое рассуждение...».

В то же время детальный анализ ситуации, индивидуально-психологических особенностей М. позволил эксперту прийти к следующему заключению.

Существенное снижение продуктивности умственной деятельности М. тем не менее не лишает ее возможности осмысливать информацию, принимать решение по вопросу, который является для нее важным, существенно влияющим на ее будущее, в котором, как она его видит, у нее решится проблема с жильем, за ней будет постоянный должный уход, она не будет ни в чем нуждаться... решение продать свой дом внучке Оксане М. «...приняла сама, мне нужно купить квартиру для себя и сына Сергея... Оксана «доглядит» и похоронит, не бросит Сергея... квартира останется Сергею, ему уже шестьдесят пять лет».

Оценка подэкспертной ситуации с жильем для себя и сына свидетельствует о том, что М. на практическом (прагматическом, потребительском) уровне способна осмысливать конкретную, непосредственно касающуюся ее жизненную ситуацию, принимать по этой ситуации нужное, как она его видит, решение.

Естественно, возрастные изменения психики человека вносят коррективы в восприятие им обстоятельств окружающей действительности, в оценку этих обстоятельств, влияют на его ситуативное

состояние, решения, поступки, поведение в целом. Люди преклонного возраста отличаются особенностями в течении психических процессов. Возрастные изменения индивидуально-психологических особенностей человека наиболее заметны в сенсорике: «Сенсорика является инструментом мозга для контакта с окружающим миром... любое ослабление в ней напрямую нарушает работу мозга. Изменения восприятия лишают мозг полного представления о мире» [1, с. 34].

Основными источниками юридически значимой информации при ее восприятии являются зрение и слух. Однако с возрастом человек сталкивается с проблемами, которые существенно снижают его возможности адекватного восприятия информации с помощью зрения, слуха. Достаточно распространенным дефектом зрения является ослабление с возрастом аккомодации – способности фокусироваться на воспринимаемых объектах, находящихся на различных расстояниях. Нередко у возрастных людей восприятие информации по зрительному каналу ограничивается также снижением чувствительности к контрасту изображения по яркости, снижается зрительный порог чувствительности, т. е. для появления зрительного ощущения требуется большая интенсивность света, вызывающая минимальное ощущение. Существенные коррективы в восприятие информации через зрение вносят глазные болезни: катаракта, глаукома и др.

Самая распространенная форма снижения слуха с возрастом – это большее снижение восприятия звуков высокой тональности по отношению к звукам низкой частоты, звуки становятся глухими, неразборчивыми. Кроме того, у пожилых людей может появляться «шум в ушах», блокирующий восприятие слабых внешних сигналов, труднее становится дифференциация сигналов, звучащих одновременно [1, с. 34].

При установлении экспертом психического состояния субъекта в интересующей суд ситуации (заключение субъектом сделки: наследование, дарение, продажа, пожизненное содержание с иждивением и т. п.) следует учитывать сенсорную депривацию подэкспертного (ослабление зрения, тугоухость), которая может существенно затруднять, ограничивать восприятие и становиться причиной неадекватной оценки, как правило, новой, незнакомой, но чрезвычайно важной для подэкспертного информации, влияющей (определяющей) на его будущую жизнь.

Существенное влияние на психику пожилого человека оказывает состояние его моторных качеств, которые могут характеризоваться либо как выраженно болезненные ощущения, либо еще и ограничивающие физическую и социальную активность, существенно снижающие или вообще исключающие возможность адекватного поведения субъекта во многих ситуациях.

Возрастные изменения психики неизбежно проявляются в повседневной жизни пожилых людей. У них легче возникают особые эмоциональные состояния, которые могут влиять на их волеизъявление: на осмысление новой, сложной проблемы, на формирование решения по этой проблеме, на исполнение принятого решения. Прогредидентные изменения в преклонном возрасте необратимы и проявляются, например, в прогрессирующем расстройстве высших психических функций, расстройстве всего комплекса умственных способностей: памяти, внимания, мышления. Необходимо заметить, что расстройства всего комплекса умственных способностей могут иметь как постоянный, так и мерцающий характер, зависеть от ситуации, которая воспринимается и оценивается субъектом, в которой им принимается решение, совершается действие. Нарушения функции памяти, в частности, делают поведение субъекта ситуативным, упрощенным, сводят его к стремлению удовлетворить лишь актуальные, сиюминутные потребности без объективного анализа и учета отдаленных последствий совершаемых действий. Особенно выражены проявления изменений психики тогда, когда ситуация является для субъекта новой, непривычной, когда ему приходится решать важные, но новые для него задачи. Согласно исследованиям психологов, «...чем больше стареющий субъект способен к когнитивным перестройкам, тем в большей степени ощущает осмысленность своих действий, чувствует себя в большей ответственности за свои поступки и решения» [2, с. 49]. Данные способности выявляются в процессе диагностики индивидуально-психологических особенностей подэкспертного, при анализе его ситуационного социального функционирования, принимаемых им в жизненных различных ситуациях решениях: при оценке рисков, прогнозе социальных и юридических последствий принимаемого решения, оценке степени личной выгоды сделки, учете интересов всех заинтересованных сторон, гиб-

кости и высокой степени обратной связи с учетом изменяющихся событий [3, с. 19].

Ошибочным представляется также недооценка экспертом тех изменений психики подэкспертного, не достигающих уровня патологии, которые обусловлены его соматическими заболеваниями. Случаи, когда судебно-психиатрическая экспертиза отмечает сохранность психического здоровья подэкспертного, отсутствие патологических изменений его психики не обязательно свидетельствуют о том, что отмеченные в медицинской документации соматические заболевания никак не повлияли на индивидуально-психологические особенности подэкспертного. Изменения могут иметь место в когнитивной и эмоционально-волевой сфере, в особенностях восприятия, мышления, памяти, в сохранности способностей, в реакциях на раздражители, в регуляции поведения и т. п.

Как показывают результаты научных исследований, соматические заболевания оказывают на психику человека существенное влияние. Необходимо еще раз подчеркнуть, что, используя сведения об изменениях психики, вызванных соматическими расстройствами, следует рассматривать только изменения психики субъекта (подэкспертного), которые не достигли уровня патологии.

Согласно научным исследованиям существенное влияние на сохранность/изменения психики субъекта оказывают сердечно-сосудистые заболевания. У лиц, страдающих заболеваниями сердца, сосудов, изменения психики достигают разной степени выраженности. Наиболее значимыми в плане воздействия на психику исследователями называются хроническое нарушение мозгового кровообращения, церебральный атеросклероз, кардиосклероз, артериальная гипертензия, гипертоническая болезнь, ишемическая болезнь сердца.

При данных заболеваниях наблюдаются следующие изменения психики субъекта, проявляющиеся в восприятии и оценке особенностей ситуаций, во внешних реакциях, в принимаемых субъектом решениях, в поведении в целом:

– в эмоциональной сфере: крайняя подвижность, колебания настроения в зависимости от внешних условий, эмоциональная несдержанность, неустойчивость, раздражительность, обидчивость, легкость возникновения аффективных реакций, эмоциональная регуляция

поведения становится ведущей, оттесняя на второй план интеллектуально-волевую регуляцию;

– в когнитивной сфере: неспособность к длительной концентрации внимания, ухудшение памяти, особенно на текущие и недавние события, инертность, обстоятельность мышления, нарушение темпа мыслительных процессов, снижение критики, примитивность когнитивных операций, низкая продуктивность умственной деятельности, общее снижение интеллектуальных способностей, трудности усвоения нового, снижение оперативности и точности принятия решений, повышенная истощаемость, утомляемость.

Изменения психики, обусловленные возрастом, заболеваниями, не могут не прогрессировать, психические функции субъекта, страдавшего сосудистыми заболеваниями, не могут восстанавливаться и сохраняться на прежнем уровне. Данные изменения психики приводят к тому, что человек становится более сговорчивым, послушным, появляется внушаемость, мнительность, легкая ранимость. Мышление исходит из ложных положений, переоцениваются одни из них и недооцениваются другие, что приводит к неверным выводам. Имеет место недифференцированность реальных и идеальных целей, неумение объективно оценить возникающую ситуацию, увидеть ее не только в актуальной ситуации, но и в развернутой перспективе. Типичным становится прямое следование случайно возникшей ситуации под непосредственным влиянием внешних условий без учета соответствующего вероятностного прогноза. Человек обычно опирается на очень короткий ряд предшествующих последовательностей.

При решении возникшей проблемы, осмыслении ее человек может не ставить себе вопросов: «Почему решение принимается мною в данное время, в данных обстоятельствах? Зачем?», «Кому оно выгодно?», «Что не учтено?», «Не ошибочно ли мое решение?», «Какие последствия для меня и моих близких повлечет это мое решение?» Поведение субъекта, как правило, становится импульсивным, определяющимся актуальной ситуацией изменчивых эмоциональных отношений.

Наиболее резко эти особенности проявляются в тех случаях, когда возникает необходимость сделать выбор или принять ответственное решение по важному вопросу. Несостоятельность людей с такими психологическими особенностями выражается в том, что они «не могут

уловить тонкости поведения окружающих, не дифференцируют особенности отношения к ним со стороны разных людей, не способны к целостному охвату и учету ситуации, не могут определить свое место в ней, легко поддаются влиянию, совершая различные действия, часто в ущерб интересам близких им людей» [4, с. 87–88].

Человек с повышенной внушаемостью поступает так, как ему рекомендуют лица, от которых он в данный момент зависит. Людям с подобными изменениями психики свойственна стереотипность поведения, в интеллектуальном плане – внешняя бесспорность суждений, которая квалифицируется окружающими как признак их психической сохранности, особенно в тех случаях, когда контакт ограничивается вопросами и ответами, не выходящими за рамки бытовых интересов. Поэтому всегда следует анализировать особенности ситуации, в какой находился субъект во время заключения сделки, какие обстоятельства предшествовали этому, не было ли среди них таких, которые могли бы существенно повлиять на его эмоциональное состояние и, как следствие, на его волеизъявление в момент заключения сделки [5, с. 60–62].

Признаки психических изменений могут маскироваться внешне сохранным «ядром личности», автоматизированным поведением, сохранением способности беседовать на бытовые темы, сохранением внешних форм поведения и выработанных в течение жизни навыков, что воспринимается окружающими как сохранность личности. Здесь чаще всего содержится наиболее типичная ошибка в показаниях свидетелей, которые, характеризуя поведение субъекта, дают поведению подэкспертного психологическую оценку, свидетельствуя о сохранности психики субъекта. «Своеобразие нарушения критики при таких состояниях характеризуется внешне правильной оценкой конкретных обстоятельств при невозможности тонкого учета сложной ситуации, прогнозирования последствий своих действий, которые могли диктоваться несущественными, в том числе и случайными причинами» [6, с. 81]. Клинические наблюдения лиц, страдающих сосудистыми заболеваниями, показывают, что поведение и волеизъявление их, как правило, ситуационно, малозначимый повод может вызвать эмоциональную реакцию с принятием решения без учета его последствий. Эта особенность проявляется преимущественно в случаях, когда материалом построения дедуктивного умозаключения служат понятия с незнакомым, новым для субъекта содержанием.

Рассмотренные источники информации судебной психологической экспертизы по делам о сделкоспособности различаются разнообразием, сложностью выявления и оценки психологической информации, объемом сведений различной доказательственной значимости. Тем не менее даже противоречащие друг другу показания свидетелей сторон, преклонный возраст подэкспертного, его рассказ о рассматриваемой судом ситуации, его медицинская документация и, естественно, выявленные индивидуально-психологические особенности (креативный потенциал, эмоциональные ситуативные реакции, депривация сенсорной сферы), психические состояния подэкспертного в интересующий суд период времени позволяют психологу-эксперту ответить на поставленные судом вопросы по оспариваемому документу, например завещанию:

– имеются (имелись¹) ли у наследодателя возрастные и индивидуально-психологические особенности интеллектуальной, эмоционально-волевой сферы, характера, которые могли в существенной степени снизить его способность понимать значение своих действий при составлении завещания?

– имеются (имелись) ли у наследодателя черты повышенной внушаемости, подчиняемости, подверженности чужому влиянию?

– имеются (имелись) ли у наследодателя психологические особенности, существенно снижающие его способность правильно воспринимать угрозу обмана при длительном психологическом воздействии в форме заботы, уговоров, внушения, демонстрации общности интересов, проявления формальных знаков внимания к проблемам наследодателя?

– имеются ли в материалах дела данные, характеризующие личность наследодателя, его отношения с получателем наследства, которые бы свидетельствовали о том, что наследодатель при оформлении завещания находился под психологическим давлением, принуждением?

Список библиографических ссылок

1. Стюарт-Гамильтон Я. Психология старения. 4-е изд. СПб.: Питер, 2010. 320 с.

¹ В случае проведения посмертной психологической судебной экспертизы.

2. Краснова О. В., Лидерс А. Г. Социальная психология старения. М.: Издательский центр «Академия», 2002. 288 с.

3. Экспертная оценка сделкоспособности по гражданским делам в рамках комплексной судебной психолого-психиатрической экспертизы: пособие для врачей и психологов / сост. Н. К. Харитонов, Ф. С. Сафуанов, Д. А. Малкин. М.: ГНЦ ССП им. В. П. Сербского, 2005. 32 с.

4. Назначение и проведение судебно-психиатрической экспертизы / ред. Б. В. Шостакович. М., 1997. 120 с.

5. Сахнова Т. В. Основы судебно-психологической экспертизы по гражданским делам. М.: Юристъ, 1997. 136 с.

6. Шостакович Б. В., Ревенюк А. Д. Психиатрическая экспертиза в гражданском процессе. К.: Здоров'я, 1992. 184 с.

© Калашников А. Н., Морозов А. Н., 2023

Обязанность предоставления информации при установлении и исполнении договорного обязательства

Статья посвящена анализу правовой природы, содержания и правил исполнения обязанности по предоставлению информации, которая в виде общего правила для всех обязательственных правоотношений закреплена в п. 3 ст. 307 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) [1]. В соответствии с данной нормой на всех этапах жизненного цикла обязательства кредитор и должник должны проявлять добросовестность по отношению друг к другу, которая выражается в том числе в предоставлении необходимой информации. В указанной правовой норме речь идет об информационном взаимодействии субъектов гражданских правоотношений, которое требуется для нормального развития обязательств по передаче вещей, выполнению работ и оказанию услуг. Отталкиваясь от текста ст. 307 ГК РФ, Р. Лугманов достаточно точно именует такое взаимодействие «информационными обязательствами, вытекающими из принципа добросовестности» [2].

Актуальность данной тематики обусловлена тем, что, как видно из приведенной правовой нормы, возложение на стороны обязательства обязанностей предоставлять друг другу необходимую информацию при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения отражает действие одного из основных начал гражданского законодательства – принципа добросовестности участников гражданских правоотношений. Хотя данный принцип в цивилистической доктрине всегда относился к числу основных начал гражданского права, в законодательстве и правоприменительной практике он долгое время был предан забвению. Реформа гражданского законодательства, начавшаяся в 2021 г., резко изменила значение рассматриваемого принципа для правового регулирования гражданских правоотношений. Во-первых, в результате дополнений в ст. 1 ГК РФ принцип добросовестности участников гражданских право-

отношений наконец-то получил признание в качестве одного из основных начал гражданского законодательства. Во-вторых, значительно расширился институт добросовестности в гражданском законодательстве. Например, в первоначальной редакции первой части ГК РФ категория «добросовестность» использовалась семь раз в пяти статьях. В то же время специальные нормы общей части обязательственного права вообще не придавали значения добросовестности в поведении сторон обязательства. В современной редакции части первой ГК РФ категория «добросовестность» используется более 60 раз в 31 статье, в том числе в шести нормах обязательственного права.

Без сомнения, можно утверждать, что требования п. 3 ст. 307 ГК РФ раскрывают содержание общего принципа добросовестности, зафиксированного в п. 3 ст. 1 ГК РФ и в ст. 10 ГК РФ. В упомянутых нормах ГК РФ термин «добросовестность» используется в объективном смысле как оценка поведения субъекта с точки зрения общепризнанных правил делового общения и этических стандартов, а не в субъективном смысле, т. е. «извинительного» незнания лицом тех или иных юридически значимых обстоятельств [3].

В соответствии с п. 3 ст. 307 ГК РФ «при установлении, исполнении обязательства и после его прекращения стороны обязаны действовать добросовестно, учитывая права и законные интересы друг друга, взаимно оказывая необходимое содействие для достижения цели обязательства, а также предоставляя друг другу необходимую информацию». Как видно из приведенной формулировки, данная норма устанавливает информационную обязанность для сторон обязательства в самом общем виде, не раскрывая требований ни к объему и содержанию «необходимой информации», ни к порядку ее предоставления.

Устанавливая требования к объему и содержанию информации, составляющей объект информационной обязанности, законодатель указывает всего лишь один критерий – ее необходимость. Такой подход законодателя оправдан, поскольку определить строгий перечень сведений, который будет считаться необходимым для любого вида обязательств и конкретной ситуации, вряд ли возможно. Однако можно попытаться выявить основные закономерности и примерные ориентиры, которые помогут сторонам (а при возникновении между ними юридического спора – суду) определить объем и содержание сведений, образующих объект информационной обязанности.

Во-первых, применительно к отдельным видам обязательств гражданское законодательство регулирует информационное сотрудничество сторон обязательства более подробно. Примером наиболее развернутого подхода к урегулированию информационной обязанности являются обязательства с участием потребителей. Нормы ст. 495 ГК РФ и ст. 8 Закона Российской Федерации «О защите прав потребителей» (далее – Закон о защите прав потребителей) [4] закрепляют основания обязанности продавца (исполнителя) предоставить покупателю (потребителю) информацию о продавце (исполнителе, изготовителе) и о товаре (работе, услуге). Последующие статьи Закона о защите прав потребителей (ст. 9–12) устанавливают требования к количеству и качеству информации, порядок ее предоставления, а также последствия ненадлежащего исполнения информационных обязанностей. Кроме того, законодательство о защите прав потребителей содержит особенности информационных правоотношений при продаже отдельных видов товаров. Например, Правила продажи товаров по договору розничной купли-продажи (далее – Правила продажи) [5] устанавливают особенности предоставления информации покупателю при продаже дистанционным способом (п. 18 и п. 19 Правил продажи), при продаже товаров с помощью автоматов (п. 29 Правил продажи), при продаже продовольственных товаров (п. 35 и п. 37 Правил продажи), при продаже ювелирных и других изделий из драгоценных металлов и (или) драгоценных камней (п. 47 и п. 48 Правил продажи).

Другим примером такого детального регулирования информационного взаимодействия сторон обязательства, на наш взгляд, является институт страхования.

Статья 944 ГК РФ возлагает на страхователя преддоговорную обязанность информировать страховщика об известных страхователю обстоятельствах, оказывающих значительное влияние на определение вероятности наступления страхового случая и размер вероятных убытков от его наступления, если страховщику эти обстоятельства не известны и не должны быть известны. Минимальный объем такой информации составляют сведения о тех обстоятельствах, которые установлены страховщиком в стандартной форме договора страхования (страхового полиса) или обозначены в его письменном запросе. Данная информационная обязанность дополняется требованием на протяжении всего периода действия договора имущественного

страхования предоставлять страховщику информацию о ставших известными страхователю значительных изменениях в обстоятельствах, сообщенных ранее страховщику при заключении договора, если эти изменения могут существенно повлиять на увеличение страхового риска. В соответствии со ст. 961 ГК РФ страхователь, узнавший о наступлении страхового случая, должен незамедлительно сообщить страховщику о его наступлении. В случае суброгации п. 3 ст. 965 ГК РФ возлагает на страхователя обязанность предоставить страховщику все сведения, необходимые для реализации страховщиком перешедшего к нему в порядке суброгации права требования.

Во-вторых, следует руководствоваться материалами правоприменительной практики. Общую рекомендацию по этому поводу дал Верховный суд Российской Федерации, который указал, что «оценивая действия сторон как добросовестные или недобросовестные, следует исходить из поведения, ожидаемого от любого участника гражданского оборота, учитывающего права и законные интересы другой стороны, содействующего ей, в том числе в получении необходимой информации» [6]. В актах Верховного суда Российской Федерации можно встретить и более детальные разъяснения относительно объема информационной обязанности.

Например, в п. 10 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации «О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств» [7] отмечается, что должник обязан информировать кредитора о возникновении обстоятельства непреодолимой силы.

Еще один пример содержится в п. 57 постановления Пленума Верховного суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54 «О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении» [8]: сторона обязательства, намеревающаяся приостановить исполнение своего обязательства или отказаться от его исполнения лишь на основании обстоятельств, очевидно свидетельствующих о том, что другая сторона не произведет исполнение в установленное время, обязана в разумный срок предупредить последнюю об этом.

Верховный суд Российской Федерации также считает, что сторона договорного процесса обязана своевременно информировать контрагента в договорном процессе об обстоятельствах, препятствующих заключению договора, в том числе о своем окончательном решении заключить договор с другим контрагентом [9].

В-третьих, можно прислушаться к рекомендациям, выработанным на основе научных исследований, включая сравнительный анализ зарубежного законодательства. В частности, А. В. Демкина считает возможным оценивать полноту информации, предоставляемой стороной обязательства, на основании положений ст. 178 ГК РФ и практики их применения. Опираясь на нормы п. 2 ст. 178 ГК РФ и выводы Высшего арбитражного суда Российской Федерации (далее – ВАС РФ), изложенные в информационном письме Президиума ВАС РФ от 10 декабря 2013 г. № 162 «Обзор практики применения арбитражными судами статей 178 и 179 ГК РФ», она относит к «необходимой информации» следующие сведения:

- о предмете сделки;
- о природе сделки;
- о лице, которое вступает в сделку, или лице, с нею связанном;
- об обстоятельстве, которое участник переговоров упоминает в своем волеизъявлении или из наличия которого он с очевидностью для другой стороны исходит, совершая сделку [10, с. 11–12].

Характеристика правовой природы информационной обязанности, предусмотренной п. 3 ст. 307 ГК РФ, невозможна без ответа на вопрос: является ли данная обязанность элементом содержания самостоятельного обязательства или же существует в рамках другого – основного обязательственного правоотношения.

Казалось бы, что из положений рассматриваемой нормы очевидно, что «дополнительная» обязанность предоставлять информацию возникает исключительно в связи с неким «основным» обязательством. Тем не менее некоторые правоведы, признавая некоторую зависимость информационной обязанности от основного обязательства, отстаивают относительную самостоятельность «информационного обязательства». По их мнению, содержание информационной обязанности укладывается в общее определение обязательства, содержащегося в п. 1 ст. 307 ГК РФ: должник (сторона, предоставляющая необходимые сведения) обязан предоставить информацию, а кредитор

(получатель информации) вправе потребовать ее предоставления, а в случае нарушения этой обязанности воспользоваться средствами правовой защиты [11, с. 76].

Считаем, что для подобного утверждения нет оснований по следующим причинам:

– во-первых, в определении обязательства указан примерный перечень действий, которые могут составлять содержание обязательства: передача имущества, выполнение работы, оказание услуги, внесение вклада в совместную деятельность, уплата денег и т. п. Хотя этот перечень открытый, явно прослеживается позиция законодателя об имущественном характере совершаемых должником действий;

– во-вторых, законодатель представляет исполнение информационной обязанности в качестве характеристики добросовестного поведения. А добросовестное поведение – обязанность всех субъектов любых гражданских правоотношений;

– в-третьих, к информационным обязанностям не применим целый ряд общих институтов обязательственного права (уступка права требования, зачет встречных требований и т. п.).

На данный момент нормы п. 3 ст. 307 ГК РФ в части регулирования информационного взаимодействия сторон обязательств при разрешении конкретных судебных и арбитражных споров применяются крайне редко. Можно привести лишь несколько единичных судебных решений [12; 13], хотя действия стороны в обязательстве, направленные на утаивание информации от контрагента, введение его в заблуждение или обман, широко распространены в договорной практике.

Список библиографических ссылок

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ; часть вторая: федер. закон от 26 января 1996 г. № 14-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Лугманов Р. Информационные обязательства, вытекающие из принципа добросовестности. URL: https://zakon.ru/blog/2019/5/27/informacionnye_obyazatelstva_vytekayuschie_iz_principa_dobrosovestnosti (дата обращения: 07.10.2022).

3. Выступление А. Карпетова на конференции Исследовательского центра частного права имени С. С. Алексеева при Президенте Российской Федерации «Обязательственное право: классические вопросы и новые вызовы». URL: <https://www.garant.ru/article/1221457/> (дата обращения: 07.10.2022).

4. О защите прав потребителей: Закон Российской Федерации от 7 февраля 1992 г. № 2300-1. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

5. Об утверждении Правил продажи товаров по договору розничной купли-продажи: постановление Правительства Российской Федерации от 31 декабря 2020 г. № 2463. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

6. О применении судами некоторых положений раздела I части первой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 23 июня 2015 г. № 25. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

7. О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 24 марта 2016 г. № 7. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации об обязательствах и их исполнении: постановление Пленума Верховного суда Российской Федерации от 22 ноября 2016 г. № 54. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

9. Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации от 29 января 2020 г. № 305-ЭС19-19395 по делу № А40-98757/2018 // Законы, кодексы и нормативно-правовые акты российской федерации: сайт. URL: <https://legalacts.ru/sud/opredelenie-sudebnoi-kollegii-po-ekonomicheskim-sporam-verkhovnogo-suda-rossiiskoi-federatsii-ot-29012020-n-305-es-19-19395-po-delu-n-a40-987572018/> (дата обращения: 07.10.2022).

10. Демкина А. В. Добросовестное и недобросовестное поведение на преддоговорном этапе // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2016. № 4 (175). С. 6–14.

11. Архипова А. Г. Обязанность предоставить информацию по п. 3 ст. 307 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 2. С. 60–94.

12. Постановление Второго арбитражного апелляционного суда от 9 ноября 2017 г. № 02АП-3602/2017 по делу № А28-10107/2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

13. Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 4 октября 2021 г. № Ф04-4539/2021 по делу № А03-8280/2020 // Арбитражный суд Западно-Сибирского округа: офиц. сайт. URL: https://kad.arbitr.ru/Document/Pdf/31b6bce5-4150-4d7f-b999-9dd2d969121e/7bd858d4-6f36-4f63-817f-523f19ffab7b/A03-8280-2020_20211004_Postanovlenie_kassacionnoj_instancii.pdf?isAddStamp=True (дата обращения: 07.10.2022).

© Котельников Н. В., 2023

Проблемы и перспективы взаимодействия морали и права в современных условиях

Происходящие в мире и нашей стране события, связанные с проведением специальной военной операции (СВО) на новых российских территориях, подняли целый ряд трудноразрешимых проблем правового и морально-этического характера в международных и внутрироссийских отношениях и обострили прежние. Эти проблемы, благодаря их крайней внутренней противоречивости и дополнительной искусственной радикализации, имеют вполне определенную целеобразующую антагонистическую направленность в международных и внутренних делах. Эта направленность существенно затрудняет ответ на вопрос: возможно ли теперь в принципе возвращение (или все еще становление?) мирового сообщества на путь так называемого «общего цивилизационного развития» (или хотя бы относительно предсказуемого, сходного, если не единообразного)? И если «да», то какого? А если «нет», то что взамен?

Речь, конечно, прежде всего, идет о фактической подмене единственно действенной сейчас военно-политической и военно-экономической (санкции) составляющей всех других форм регуляции глобальных общественных отношений, в том числе правовой и морально-этической, в процессе нарастающей эскалации антагонистического конфликта между постколониальным (в лучшем случае) Западом и Россией. А на самом деле – между «цивилизованным» Западом с его пресловутым «золотым миллиардом» и остальным миром. Договариваться в таких условиях о каких бы то ни было общих согласованных ориентирах и перспективах развития невозможно. Они просто навязываются нам в виде неких обязательных «правил» поведения на пути общественного прогресса под видом единственно верного, истинного в последней инстанции способа сосуществования и совместной деятельности в рамках неких заранее установленных – не обсуждаемых и не осуждаемых ни внутри, ни извне системы отношений – либерально-демократических ценностей. Очевидно, что любая подобная

монополизированная константность заведомо финитна и нежизнеспособна, а потому постоянно нарушается самими западными странами, когда им это удобно и выгодно.

Столь же очевидным видится, что, напротив, многополярность и многовекторность в структуре международных отношений, безусловно, предполагает и их «многоцивилизационность», а значит, конкурентность и, в конечном итоге, конкурентоспособность и перспективность.

Однако благодаря заявленным собственным установкам так называемый «Западный мир» пока что проявляет достаточно заметную согласованность действий и их организацию. В то же время крупные центры восточных цивилизаций – «Китайский» или «Индийский мир» – сейчас не действуют сообща как союзники, а достаточно разрозненны, нередко враждебны друг другу или в лучшем случае (по отношению к нам – к «Русскому миру», например) занимают выжидательную позицию. Такая ситуация объясняется не только их собственной конкурентной борьбой как геополитических соседей. Большую роль играет традиционализм восточных культур, их имманентное стремление к «изначальной» самоидентичности, тесно связанной с мифологизированным культом собственного прошлого. Это часто подпитывает региональный (и не только) эгоизм и национализм, чувство собственной исключительности – оправданной и не очень, а следовательно, не способствует формированию крепких стратегических союзов с другими крупными игроками, на чем умело играет Запад. В современном же мире один – точно в поле не воин. Если это, конечно, не Россия. Она – всегда одна. Дуализм «Восток» – «Запад» как раз дает нам возможность понять, что мы – другие, мы – «третья сила и опора устойчивого миропорядка, его стабилизатор. Россию до конца не понимают ни те, ни другие. Хорошо бы (сейчас самое время) нам самим в себе разобраться. Например, кто у нас друг и союзник, а кто предатель и враг. Зачастую мы настолько легкомысленно и пренебрежительно относимся к определению таковых на уровне сообществ, социокультурных, национально-государственных образований, «национальному вопросу» в целом и его религиозной специфике в частности, т. е. к проблеме межнациональных и межконфессиональных отношений, что воз и ныне там. До сих пор даже на самом высоком уровне можно услышать, что никаких таких

проблем у нас нет, или про кого-то: «они сами со временем социализируются», «только не надо „им“ мешать». А помогать надо? Но ведь это значит и требовать, если что, придется тоже? Разве не в этом объединяющая, направляющая и «наказующая» роль государства, его действенных политических и правовых институтов и столь же неотвратимых санкций? «От сырости» точно ничего не произойдет само по себе, даже если она – кровавая. Однако когда вынужденно проливается кровь твоя и тех, кто тебе идентичен, – самое время для анализа того, что и почему происходит и что необходимо сделать, дабы это не повторилось в дальнейшем.

В России подобные трагические коллизии никогда не доводились до логического завершения ни фактически, ни аналитически, отсюда и анекдоты о прыжках на граблях как о нашем национальном развлечении. До сих пор открыты не все документы о перевороте октября 1917-го и последующей за ним гражданской войны, о жестоком подавлении крестьянских бунтов, геноциде казачества, голоде на Урале, в Поволжье и т. п. Странно туго из грифа «секретно» (почему секретно-то?) выходят, наконец, некоторые документы о множественных зверствах немецких фашистов времен Великой Отечественной войны. Не легче – документы о грабежах, насилиях и убийствах мирных жителей, пленных, раненых и больных, совершенных их приспешниками – «гастролерами» из Румынии, Польши, Болгарии, Франции, Италии и других «цивилизованных» стран. Видимо, кто-то до сих пор боится обидеть «своих западных партнеров». Но ведь не только западных. На службе коричневого Вермахта оказались сплоченные этнические группы бывшей Российской империи и даже Советского Союза, наши доморожденные «в семье не без уродов».

О выступлении на стороне врага казаков, спасшихся от «красных» репрессий, известно немало, но очень тенденциозно, и официально – далеко не все. Есть информация о предателях из так называемой Русской освободительной армии, но тоже отнюдь не полная и не исчерпывающая, страдающая идеологическими издержками.

О причинах насильственного (вынужденного?) переселения органами других больших этнических групп населения в период национальной катастрофы начала Отечественной порой вообще известно почти только то, что это ужасно плохо и неправильно. И требует извинений. Только тогда – кого и перед кем конкретно?

А перед отравленными газами и разорванными артиллерийскими снарядами целыми деревнями тамбовских крестьян, перед ограбленными и зарубленными-расстрелянными станичниками, совместно с их челядинцами, извиняться уже поздно. Или вообще не нужно. Опять же – кому? Да и кто будет этим заниматься, ведь эти массовые казни – тоже пока секрет, раз без официальных данных и их анализа, причем секрет не только III Интернационала и его интер- и просто национальных групп карателей, но, к счастью, еще и Полишинеля. Достаточно вспомнить хотя бы только двух показательно-иносказательных литературных персонажей Булгакова – Швондера и Шарикова. А ведь можно вспомнить и многих других, для которых Москва уже «не резиновая», и густо нарезанные на коммуналки бывшие владения бывшей российской элиты стали владениями взявших обманом православную столицу сменщиков. Впрочем, не получив места в «плохой» квартире, можно убыть и назад, в Жмеринку или даже Киев, – там, как сейчас совершенно понятно, местным «швондерам» вполне хватает и своих местечковых «шариковых».

История всегда и во всем требует определенности и взвешенности, чтобы когда-нибудь не пришлось извиняться за уже скоропалительно принесенные извинения. Этого требует сама историческая логика, а значит, и логика нашего совместного развития. О взаимных претензиях многочисленных народов и малых этносов лучше знать точно и говорить предметно и исчерпывающе. Но обязательно говорить и спокойно обсуждать. Для начала хотя бы на научных форумах специалистов-историков, социологов, политологов, философов, социальных психологов и других профессиональных исследователей. Порой говорят: сейчас не время. А когда – время? Опаснее всего опоздать, что мы постоянно и делаем, ложно стесняясь кого-то обидеть, задеть чьи-то национальные комплексы, исключая, конечно, самый большой народ, т. е. себя самих. Здесь мы – «и в хвост, и в гриву». И тут уж желающих помочь нам понять все о нас самих – больше, чем достаточно. Здесь и ближние, которых до недавнего времени мы тоже боялись обидеть, как оказалось, нередко родными для них словами: «националист», «бендеровец», «нацист». Но здесь и многочисленные «дальние», – которые воспользовались началом СВО как благовидным поводом сбежать в обетованные земли из завоеванных их революционными предками столиц еще в начале того «большого

пути», где их «почему-то» позже, в 30-е годы, повсеместно посмели обижать и, конечно же, «ни за что». Двойные стандарты нравственности для «наших» и «ваших» – не новость в истории многонациональных и поликонфессиональных государств. И почти всегда это – сомнительная, но – норма на международной арене, особенно сейчас, с подачи западных и отечественных властителей дум. Прикрывшись опять наднациональным, но другим кодовым прозвищем «либералы», они полностью уверены, что с победой вернутся обратно, чтоб окончательно все «отобрать» и «поделить» только уже со своими ближними, по-братски, а не с уже совсем ненужными национальными предателями, последователями-неофитами, которые по скудоумию еще не поняли, что никогда не будут тем «своими». И которым, как и тогда, в 20-е и 40-е, заведомо опять уготована участь рабов, карателей-надзирателей, или «капо», в нацистских лагерях: как повезет.

Потомки упорно не желают анализировать эффект социального бумеранга, который запускают их пассионарные родоначальники, а принимать возврат приходится всем. Видимо, потому их идейные наследники в ближнем и дальнем зарубежье только и помнят «репрессии 30-х годов», для пушей надежности полностью переписывая историю и разрушая памятники как революционерам, так и воинам-освободителям.

Не исследуя глубоко проблему внутреннего и внешнего национализма и часто связанную с ней – национального предательства и предательства тех, кого считали союзниками, как нашу настоящую историю, мы тем самым не желаем заранее определять, где лежат подобные бомбы замедленного действия. Как бытовой национализм превращается в организованный, непримиримый и крайне опасный для многонационального целого нашей огромной страны.

В чрезвычайных условиях, в условиях войны и военных действий неизбежно приходится думать и о негативных вариантах возможного развития событий: а что, если снова не были бы готовы, а если упустили бы момент, и что – опять воевать на своей территории? Вспоминаются «кислые» лица некоторых наших чиновников первых дней начала операции, вероятно, им все же есть что терять «там», хотя по закону вроде бы и нечего, кроме отдыха на экзотических островах на «немыслимым трудом честно заработанные» деньги. Но, видимо, и этого жаль, а все из-за каких-то там...

История сама дает нам понять, что наши основания собственных правовых норм мы должны вырабатывать сами, а не заимствовать. Но общегосударственная мораль не должна напоминать лоскутное одеяло или вырабатываться на базе мифологических родоплеменных установок домашних традиционалистов: кто древнее, тот и мудрее. Традиционалистский опыт древних восточных государств – тоже вряд ли нам существенно поможет: нам не подойдут ни аморфная, раз и навсегда установленная терпимость низов кастового общества многонациональной Индии, ни механистичная, биороботоподобная, поднадзорно-управляемая запрограммированность народов Китая. К тому же и там не столь уж редки социальные коллизии. Возможно, как раз из-за засилья традиционализма и неотрадиционализма. Стабильность в современном обществе не должна напоминать труп в холодильнике, ведь могут отключить электричество и аккумуляторы помогут ненадолго. При этом нельзя и бездумно исповедовать и либеральные лозунги, например об абсолютном приоритете частного над государственным. Нам это все равно не поможет даже в качестве конституционной нормы. Здесь, безусловно, должна присутствовать диалектика. Необходимо добиться взаимообусловленного, сбалансированного и всеобъемлющего культурного развития общества, продуктивного общественного прогресса, где друг от друга не отстают политические, экономические, научные, правовые и иные формы общественного сознания и их хозяйственной реализации на практике. Зерна нужно отделить от плевел, сложившиеся действенные и деятельные общепризнанные традиции – от явных пережитков, равно как и прожектерства: прогресса ради только самого прогресса.

Соответствующая этим принципам концепция поэтапного становления и развития основ общественного мировоззрения должна быть сформирована общими же усилиями и прежде всего профильных специалистов-обществоведов и юристов. Затем предложена на неформальное всенародное обсуждение для получения правового статуса национальной или общенациональной идеологии, а следовательно, право занять определяющее место в тексте Основного закона. Это даст легитимную возможность реализации ранней объединяющей национально-патриотической ориентации подрастающих членов общества. Сначала – совместное общее, затем – не антагонистическое особенное, и наконец, – заинтересованное в кооперации единичное (частное) в их триединстве.

Последующее законодательное оформление сделает возможным определение и формализацию обязывающих приоритетов госслужащих, принятие ими присяги на верность обществу, государству и государственным интересам, а также ответственность за ее нарушение, наравне с государственными преступлениями и независимо от статуса, национального происхождения и религиозной принадлежности. Определение соответствия этим критериям поможет определить социальную зрелость, уровень государственного мышления претендента на замещение вакантной должности на законном основании, подвергнув самым жестким проверкам. И, таким образом, заранее избавиться от тех, кто протаскивает за собой на службу принципы кумовства, землячества, патернализма и т. п. как пережиточное наследие традиционализма, а значит, исходит не из общественных, но личных эгоистических интересов, представляет потенциальную опасность для всего государства и общества в целом.

© Крючков С. В., 2023

Особенности признания недействительной сделки, совершенной в отношении имущества супругов

Процедура несостоятельности (банкротства) гражданина имеет ряд специфических особенностей, среди которых наличие в деле семейно-правового аспекта.

В соответствии со ст. 213.4 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) гражданин, обращающийся в арбитражный суд с заявлением о признании его банкротом, обязан приложить документы, свидетельствующие о его неплатежеспособности, а также копии документов о совершавшихся гражданином в период подозрительности сделках [1].

В частности, к таким документам относятся: копии документов о совершавшихся сделках с недвижимым имуществом, ценными бумагами, долями в уставном капитале, транспортными средствами и сделках на сумму свыше трехсот тысяч рублей; копия брачного договора; копия соглашения или судебного акта о разделе общего имущества супругов, соответственно заключенного и принятого в течение трех лет до даты подачи заявления.

Как правило, должники, находящиеся в браке, перед самой процедурой несостоятельности (банкротства) стремятся передать свое имущество супругам или детям путем заключения договоров дарения, купли-продажи и т. д. Финансовый управляющий, подвергая указанные выше документы анализу, вправе обратиться с заявлением о признании недействительными сделок по основаниям, предусмотренным ст. 61.2 и 61.3 Закона о банкротстве.

Оспариваемые сделки делятся на два вида: подозрительная сделка и сделка, влекущая оказание предпочтения одному кредитору перед другими кредиторами. По нашему мнению, наибольший научный интерес представляет исследование подозрительной сделки ввиду ее распространенности в судебной практике.

В соответствии со п. 5 постановления Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации (далее – Пленум ВАС РФ) от 23 декабря 2010 г. № 63 «О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» [2] для признания недействительной подозрительной сделки необходимо доказать наличие совокупности следующих обстоятельств:

- сделка была совершена с целью причинить вред имущественным правам кредиторов;
- в результате совершения сделки был причинен вред имущественным правам кредиторов;
- другая сторона сделки знала или должна была знать об указанной цели должника к моменту совершения сделки.

В противном случае суд, руководствуясь разъяснениями Пленума ВАС РФ, правомочен отказать в удовлетворении заявления о признании сделки недействительной.

Однако в судебной практике встречаются случаи, когда признание сделки с семейно-правовым аспектом недействительной приводит к ошибочным последствиям.

Так, по конкретному делу кредитор обратился в суд с заявлением о разрешении разногласий между ним и финансовым управляющим о распределении денежных средств, вырученных от реализации имущества должника – квартиры, возвращенной в конкурсную массу в результате оспаривания сделки по ее дарению.

Определением арбитражного суда первой инстанции денежные средства в размере половины суммы, поступившей в конкурсную массу должника от реализации квартиры, признаны подлежащими перечислению супруге должника. Арбитражные суды апелляционной и кассационной инстанции отменили указанное выше определение, сформировав новый порядок распределения денежных средств, полученных от реализации квартиры должника, согласно которому денежные средства от реализации квартиры включаются в конкурсную массу должника в полном объеме.

Судебная коллегия по экономическим спорам Верховного суда Российской Федерации отменила судебные акты апелляционной и кассационной инстанций, оставив в силе определение арбитражного суда первой инстанции и отметив, что судами нижестоящих

инстанций не было учтено следующее: недействительная сделка не влечет юридических последствий, за исключением тех, которые связаны с ее недействительностью, следовательно, признание недействительной сделки по переходу квартиры должника в собственность супруги путем заключения договора дарения возвращает стороны в прежнее имущественное положение.

По этой причине режим общей совместной собственности должника и его супруги на квартиру сохраняется, следовательно, супруга должника имеет право на получение половины денежных средств, вырученных от реализации квартиры [3].

Таким образом, можно заключить, что при проведении процедуры несостоятельности (банкротства) должника необходимо соблюдать баланс между интересами не только кредиторов и должника, но и супруга, родственников и детей.

Кроме того, в рамках дела о банкротстве гражданина объектом оспаривания может стать брачный договор. В настоящее время в науке гражданского права отсутствует единый подход к пониманию природы брачного договора.

Точки зрения ученых расходятся на определении первичности гражданского и семейного права в регулировании брачного договора. Б. М. Гонгало считает, что брачный договор необходимо отнести к гражданско-правовым договорам: «Именно в гражданском законодательстве предусмотрена как сама возможность заключения брачного договора, так и порядок его изменения и расторжения» [4].

Е. А. Чефранова отдает предпочтение противоположной точке зрения, указывая на: «...особо доверительный характер отношений сторон, а также неопределенность предмета договора, ввиду этого брачный договор регулирует семейно-правовые отношения гражданско-правовыми средствами» [5].

Судебная практика исходит из понимания брачного договора как разновидности гражданско-правовой сделки, которая может быть признана недействительной.

Так, по конкретному делу суд установил, что кредиторская задолженность гражданина возникла до заключения супругами брачного договора, по которому в собственность супруги переходила квартира и транспортное средство. При таких обстоятельствах брачный договор значительно уменьшает размер конкурсной массы, что свидетельствует

о злоупотреблении правом со стороны должника и о его намерении причинить вред имущественным интересам кредиторов [6].

Исходя из изложенного выше, возможно заключить, что в рамках процедуры несостоятельности (банкротства) гражданина присутствуют особенности, связанные с признанием недействительной сделки в отношении имущества супругов.

При признании недействительной сделки с семейно-правовым аспектом необходимо обращать внимание на соблюдение интересов супруга при реализации имущества должника и правильного использования гражданского и семейного законодательства.

Помимо классических гражданских договоров по переходу права собственности объектом оспаривания может стать брачный договор, по которому также возможен переход имущества должника в собственность супруга.

Список библиографических ссылок

1. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.

2. О некоторых вопросах, связанных с применением главы III.1 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: постановление Пленума Высшего арбитражного суда Российской Федерации от 23 декабря 2010 г. № 63 (ред. от 30.07.2013). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Определение Верховного суда Российской Федерации от 14 октября 2022 г. по делу А45-3050/2018. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 26.10.2022).

4. Гонгало Б. М., Ярков В. В., Рассказова Н. Ю. Нотариат и нотариальная деятельность: учеб. пособие для курсов повышения квалификации нотариусов. М.: Волтерс Клувер, 2009. 415 с.

5. Чефранова Е. А. Имущественные отношения в российской семье: практ. пособие. М.: Юристъ, 1997. 168 с.

6. Определение Арбитражного суда города Москвы от 25 октября 2022 г. по делу А40-230294/2021. URL: <http://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 26.10.2022).

Коллизионные вопросы трансграничной несостоятельности

Дела о банкротстве с присутствием так называемого «инострannого элемента» именуются «трансграничная несостоятельность» (Cross-Border Insolvency) [1, с. 114]. Наряду с этим термином употребляются дефиниции «многонациональное банкротство» (Multinational Bankruptcy) и «трансграничное банкротство» (Cross-Border Bankruptcy) [2, с. 662]. Международное банкротство представляет собой достаточно сложный процесс, который по-разному урегулирован в различных юрисдикциях. Ситуацию усугубляет так называемая коллизионная проблема, т. е. вопрос о том, право какого государства будет регулировать эту процедуру. В результате сложилось две доктрины, разрешающие такого рода проблематику:

- доктрина единства и универсальности;
- доктрина множественности и территориальности [3, с. 55].

Доктрина единства и универсальности определяет, что применимым правом к трансграничному банкротству является правопорядок государства, к которому принадлежит должник. Подобный подход позволяет: во-первых, распространить на другие страны, в которых у этого лица имеются активы, решение суда о признании его банкротом, и, во-вторых, приостановить осуществление индивидуальных требований кредиторов, которые находятся в таких государствах. Эта доктрина обеспечивает правовое единство процесса несостоятельности как для всех структурных подразделений должника, поскольку происходит реализации всех его активов, так и для кредиторов вне зависимости от их государственной принадлежности, так как банкротство возбуждается в интересах всех кредиторов, а не одного из них или их группы [4].

Однако эта доктрина имеет и недостатки. Для защиты своих интересов и реализации правомочий кредиторы вынуждены участвовать в процедуре банкротства по законодательству страны, в которой зарегистрирован должник. Таким образом, эти лица защищают свои

интересы на основе правопорядка чужого для них государства, что влечет за собой дополнительные издержки, связанные с необходимостью найма юриста, компетентного в регулировании конкурсного производства этой страны.

Второй доктриной выступает так называемая теория множественности и территориальности. В отличие от предыдущего подхода принцип множественности позволяет инициировать банкротство должника даже тогда, когда он зарегистрирован на территории другой страны. Суд в таком случае действует по законодательству страны места возбуждения процесса несостоятельности, и правовое значение он будет иметь только в этом государстве. Следовательно, в рамках данного подхода допустима множественность банкротств в отношении одной компании с несколькими судебными процессами, проходящими в различных юрисдикциях.

Доктрина множественности перекрывает недостаток, который связан с необходимостью кредиторам участвовать в производстве по банкротству в другой юрисдикции. Однако местные кредиторы несут риск недополучения своих денежных средств, так как активов должника в их государстве может быть недостаточно. Кроме того, возрастают расходы при возбуждении множества процедур, поскольку должник обязан обеспечивать деятельность нескольких арбитражных управляющих, что сокращает его активы.

Поскольку обе доктрины имеют существенные положительные стороны, но также значимые недостатки, возникает потребность в их унификации. Обобщение практики международных банкротств позволят сформулировать два способа такого процесса: первый, конвенционный способ, заключающийся в создании единой жесткой системы норм, сосредоточенных в международном договоре, и второй – посредством создания типового (модельного) закона, который будет носить рекомендательный характер.

Примером реализации первого способа унификации выступает опыт ЕС¹, в котором был принят Регламент № 2015/848 Европейского парламента и Совета Европейского союза «О процедурах банкротства», где инициирование банкротства возможно в стране места нахождения большей части активов должника [5, с. 19]. В этом

¹ Европейский союз.

случае будут приниматься нормы права той страны, на территории которой расположены активы. При возбуждении процесса банкротства

по этому месту юридические последствия таких действий распространяются на все активы должника вне зависимости от их фактического места нахождения. Однако одновременно с этим допускается и открытие вторичных процедур, которые ограничены юрисдикцией осуществления деятельности должника. Это позволяет кредиторам получить свои денежные средства, не участвуя в основном процессе банкротства, следовательно, у кредиторов не возникает таких издержек, как при реализации доктрины единства. По сути, указанный выше регламент объединяет в себе положительные стороны обеих доктрин, позволяя проводить банкротство по единым правилам, но не запрещая открывать второстепенные процедуры по месту деятельности должника.

В качестве примера реализации разработки модельного закона возьмем Типовой закон ЮНСИТРАЛ¹ о трансграничной несостоятельности (принят в г. Вене 30 мая 1997 г. на 30-ой сессии ЮНСИТРАЛ) [6]. Рассматриваемый акт преследует цель облегчить сотрудничество между субъектами из разных стран, соблюдая при этом баланс интересов сторон и особенности национальной регламентации процесса банкротства. Согласно его положениям банкротство признается трансграничным, когда у должника имеются активы в различных государствах или в случаях, если его кредиторы находятся в разных юрисдикциях. На основе Типового закона уже построено законодательство в 44 государствах.

Страны СНГ² в регулировании вопросов трансграничного банкротства пошли по пути создания типовых нормативов. Так, на Межпарламентской Ассамблее государств – участников СНГ первоначально был принят Модельный закон о банкротстве банков (г. Санкт-Петербург, 8 июня 1997 г.) [7], а затем и более обширный акт в виде Модельного закона о несостоятельности (банкротстве) (г. Санкт-Петербург, 6 декабря 1997 г.) [8]. Единых конвенций или договоров в рассматриваемой области между странами СНГ или иных межгосу-

¹ Комиссия ООН по праву международной торговли.

² Содружество Независимых Государств.

дарственных объединений на постсоветском пространстве пока не создано.

Внутригосударственное регулирование международного банкротства находится в России на самом начальном пути развития. В Федеральном законе от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» такого рода процессу посвящено всего четыре нормы, а именно п. 4–6 ст. 1 [8]. В их содержании установлены традиционные правила о приоритете норм международного права над нормами национального законодательства Российской Федерации. Признание и исполнение решений иностранных органов, в том числе судов, по делам о трансграничном банкротстве поставлено в зависимость от наличия международного договора между Россией и иностранными государствами. В случае его отсутствия исполнение указанных актов ставится в зависимость от исполнения принципа взаимности, практическое применение которого крайне слабо разработано в отечественной теории и нормативных актах [9, с. 18].

Таким образом, российские нормы права еще ждут своего законодателя, который уделит более пристальное внимание регламентации международного банкротства.

Список библиографических ссылок

1. Степанов В. В. Проблемы трансграничной несостоятельности // Московский журнал международного права. 2008. № 3. С. 114–136.
2. Berger M. Currency Issues in Multinational Business Reorganizations // Brooklyn J. of Intern. Law. 2011. Vol. 20. P. 662–689.
3. Яровой Д. О., Гладков Д. В. Развитие трансграничного банкротства в рамках Евразийского экономического союза (ЕАЭС) // Имущественные отношения в Российской Федерации. 2019. № 7 (214). С. 53–67.
4. О несостоятельности (банкротстве): федер. закон от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2002. № 43. Ст. 4190.
5. О процедурах банкротства: регламент № 2015/848 Европейского парламента и Совета Европейского Союза // Official Journal of the European Union. 05.06.2015. № L 141. P. 19.

6. Типовой закон ЮНСИТРАЛ о трансграничной несостоятельности (принят в г. Вене 30 мая 1997 г. на 30-ой сессии ЮНСИТРАЛ) // Официальные отчеты. Пятдесят вторая сессия. Дополнение № 17 (A/52/17). Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1997. С. 71–81.

7. Модельный закон о банкротстве банков (г. Санкт-Петербург, 8 июня 1997 г.) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 1997. № 14. С. 101–119.

8. Модельный закон о несостоятельности (банкротстве) (г. Санкт-Петербург, 6 декабря 1997 г.) // Информационный бюллетень. Межпарламентская Ассамблея государств-участников Содружества Независимых Государств. 1998. № 16. С. 255–338.

9. Белякова Г. А., Иловайский И. Б. Юридическая сущность признания иностранных судебных решений // Актуальные проблемы частного и публичного права: сб. науч. тр. Всероссийской научно-практической конференции, г. Волгоград, 30 октября 2020 г. Волгоград: ВА МВД России, 2021. С. 16–19.

© Майорова О. А., Иловайский И. Б., 2023

Правовое информирование в деятельности образовательных организаций МВД России

Подготовка специалистов юридического профиля в образовательных организациях системы МВД России становится предметом обсуждения по разным причинам: это и недостаток профессионалов, и конкуренция с «гражданскими» вузами, и дискуссии о необходимости специалитета в вузах силовых структур. Бесспорным остается факт наличия такого образования, и сколько бы ни разгорались споры вокруг него, – образования достойного. Задача педагогических работников сделать его еще лучше. В настоящем исследовании пойдет речь об одном из способов совершенствования образовательного процесса в вузах системы МВД России, направленном на реализацию практико-ориентированного подхода, существование и значимость которого не ставится под сомнение. Однако имеются в виду не виды практик, предусмотренных учебным планом по соответствующей специальности (направлению подготовки). Исследованию в настоящей статье будет подвергнута сфера правового информирования как одного из направлений совершенствования подготовки специалистов юридического профиля. Отметим, что в данной работе будет использован опыт функционирования учебно-полигонного центра «Юридическая клиника» в Нижегородской академии МВД России.

Итак, почему правовое информирование? Стоит констатировать тот факт, что в нормативных правовых источниках правовое информирование неотрывно связано с правовым просвещением [1], в то же время сущностные характеристики и отличительные особенности в нормативных документах не приводятся. Проанализируем упомянутые дефиниции, прежде чем переходить к анализу опыта правового информирования.

Определение понятия «правовое просвещение» содержится в ряде работ, позволяющих уяснить его основные черты. Так, В. В. Стрелева упоминает о правовом просвещении как об одном из аспектов правового воспитания [2, с. 11, 71]. Профессор О. О. Миронов рассматривает

правовое просвещение как «начальный этап в понимании правовых категорий, юридических норм», выделяя в качестве последующих ступеней «обучение, воспитание культуры прав человека, образование в правовой области» [3, с. 15]. М. В. Барыкина понимает под правовым просвещением «распространение в обществе знаний о праве и разъяснение положений действующих нормативных правовых актов, а также практики их применения в целях формирования убежденности в необходимости соблюдения законов и предупреждения правонарушений» [4, с. 58]. Представляется, что под «правовым просвещением» стоит понимать деятельность, задачей которой выступает формирование и повышение уровня правового сознания и правовой культуры граждан, развитие у последних навыков использования предоставленных им прав в совокупности с исполнением возложенных в соответствии с правовым статусом обязанностей.

Упоминание в нормативных правовых актах правового информирования наряду с правовым просвещением позволяет рассматривать их во взаимодействии. Информирование предполагает предоставление информации кому-либо, сообщение нужных сведений [5, с. 348]. Просвещение, в свою очередь, предполагает не только распространение знаний, но и определенную совокупность образовательно-воспитательных мероприятий. Правовое просвещение в своем содержании заметно шире. Полагаем, что правовое информирование сопровождает правовое просвещение, выступая в качестве одного из его инструментов.

Законодатель предлагает свое не всегда единообразное определение понятию «правовое информирование» через перечисление сведений, предоставляемых заинтересованным субъектам. Так, закон о бесплатной юридической помощи обязывает субъектов ее оказания «информировать» соответствующих лиц о следующих обстоятельствах:

- порядке и случаях оказания бесплатной юридической помощи;
- содержании и пределах ее осуществления;
- правилах оказания государственных и муниципальных услуг и пр.

Упомянутый нормативный правовой акт определяет и перечень субъектов, на которых возлагается обязанность информирования. К ним относятся: органы государственной власти, органы местного самоуправления и их должностные лица, юридические бюро, адвокаты

и нотариусы [6]. Поскольку в систему оказания бесплатной юридической помощи входят и юридические клиники образовательных организаций, полагаем, что к числу субъектов правового информирования следует отнести и их.

Правовой статус юридических клиник определен Федеральным законом от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» [7].

В образовательных организациях системы МВД России правовую основу деятельности юридических клиник составляют упомянутые Федеральный закон № 324-ФЗ, приказ Минобрнауки № 994 [8], определивший порядок создания и деятельности юридических клиник в рамках негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи, устав соответствующего образовательного учреждения, положение о юридической клинике, а также нормативные правовые акты, регламентирующие деятельность сотрудника органа внутренних дел [9].

Стоит отметить, что законодательство предоставляет право каждой образовательной организации высшего образования самостоятельно определить уровень профессиональных компетенций, необходимых для оказания бесплатной юридической помощи, субъектный состав лиц, участвующих в ее оказании, круг вопросов, по которым предоставляется бесплатная юридическая помощь. Право выбора позволяет закрепить все существенные вопросы, регулирующие ее деятельность, на уровне локального нормативного акта образовательной организации.

Свобода выбора в рассматриваемых направлениях позволяет учитывать специфику образовательной организации в том числе и в сфере правового информирования. Так, юридическая клиника, созданная на базе Академии ФСИН России, ориентирована на оказание первичной юридической помощи сотрудникам и осужденным; юридическая клиника на базе Волгоградской академии МВД России определила более широкий спектр вопросов, по которым оказывается бесплатная юридическая помощь, включив в него, наряду с гражданским, семейным, трудовым правом, вопросы финансового, уголовного, уголовно-процессуального права и т. д.

Следовательно, специфика деятельности отдельных юридических клиник обусловлена направленностью подготовки специалистов

в рамках соответствующей образовательной организации. Вместе с тем полагаем возможным отметить по опыту деятельности юридической клиники Нижегородской академии МВД России, что направления правового информирования не могут быть напрямую связаны с профилем подготовки специалистов в образовательной организации. В частности, в соответствии с одним из приоритетных профилей подготовки Нижегородская академия МВД России готовит специалистов для подразделений противодействия экономическим и коррупционным преступлениям. В связи с этим оказание помощи субъектам предпринимательской деятельности в вопросах ее осуществления, минимизации расходов и налогооблагаемой базы или содействие лицу, в отношении которого возбуждено уголовное дело, посредством консультирования может привести если не к конфликту интересов, то к нарушению профессиональной этики.

Полагаем, что соотношение правового просвещения и правового информирования как целого и части позволяет образовательной организации расширять круг вопросов, по которым осуществляется правовое информирование. Выбранная тематика правового информирования может зависеть:

- от профиля образовательной организации;
- уровня сформированности компетенций обучающихся (в зависимости от освоенных обучающимися учебных дисциплин);
- субъектов, взаимодействующих с образовательной организацией (детские дома, центры социального обслуживания и т.д.);
- конкретного запроса (например, при обращении через форму обратной связи на официальном сайте образовательной организации);
- формата мероприятия (день оказания бесплатной юридической помощи, день защиты прав несовершеннолетних, день поддержки малоимущих и пр.).

В зависимости от выбранной формы правового информирования могут варьироваться и способы информирования. Практикой выработаны способы, которые нашли положительный отклик. К их числу относят:

- информирование о существующей законодательной базе со ссылкой на источники (стенды, голосовые сообщения, информативные ролики и пр.);
- занятия лекционного типа;

- интерактивные форматы и платформы (офлайн- или онлайн-курсы);
- отдельные тренинговые (игровые) занятия и проекты [10];
- видеосообщение (видеоролик), предупреждающий о новых способах мошенничества или раскрывающий последствия совершения определенного деяния (например, оскорбление в социальных сетях, буллинг и пр.).

Стоит отметить, что в чистом виде правовое информирование в отрыве от иных методов и средств правового просвещения, составным элементом которого оно является, не может дать оптимального результата. В продолжение используемых управомоченными субъектами способов правового информирования следует упомянуть ведомственные информационно-правовые системы (например, информационную систему обеспечения надзора за исполнением законов), государственные информационные системы (государственная автоматизированная система правовой статистики (ГАС ПС), информационно-аналитический ресурс «Портал правовой статистики» (crimestat.ru), официальный сайт Генеральной прокуратуры Российской Федерации (genproc.gov.ru), единую систему межведомственного электронного взаимодействия (СМЭВ), локальные сайты региональных ведомств [11, с. 271]. По своей функциональности, содержанию наполнению, предоставленным возможностям они могут быть отнесены именно к способам правового информирования, поскольку чаще всего исключают образовательный компонент, свойственный правовому просвещению.

Завершая краткий анализ сущностных характеристик, способов и форм правового информирования, которые используются в деятельности образовательных организаций МВД России, отметим, что при вовлечении обучающихся в процесс правового информирования через решение образовательных (усвоение материала, проработка отдельных проблемных аспектов правоприменительной практики) и воспитательных задач (стремление совершенствоваться в профессии, гордость за социальную значимость профессии, профориентация и пр.) одновременно происходит становление профессиональных качеств будущего выпускника, формирование позитивного образа полицейского, нацеленного на помощь гражданам.

Полагаем, что привлечение обучающихся к процессу правового информирования позволит совершенствовать подготовку специалистов образовательных организаций МВД России, ориентированных на ценность личности, ее права и свободы, способных реализовывать социально значимые направления государственной политики государства, воздействуя на формирование правосознания и повышая правовую грамотность населения, предупреждая таким образом противоправное поведение.

Список библиографических ссылок

1. См., например: ст. 18 Федерального закона от 23 июня 2016 г. № 182-ФЗ «Об основах системы профилактики правонарушений в Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; ст. 28 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ (ред. от 01.07.2021) «О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 48. Ст. 6725; п. 1.1. приказа Генпрокуратуры России от 2 августа 2018 г. № 471 «Об организации в органах прокуратуры Российской Федерации работы по правовому просвещению и правовому информированию» // Законность. 2018. № 9.
2. Стрелева В. В. Правовое воспитание в условиях становления правового государства: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006. 183 с.
3. Миронов О. О. Правовое просвещение – функция омбудсменов // Право и образование. 2009. № 5. С. 13–19.
4. Барыкина М. В. Взаимодействие органов прокуратуры с Уполномоченным по правам человека в рамках правового просвещения и правовой пропаганды // Экономика и право. XXI век. 2013. № 1. С. 58.
5. Большой академический словарь русского языка: в 30 т. Т. 7 / гл. ред. К. С. Горбачевич. М.; СПб.: Наука, 2007. 728 с.
6. Доценко А. С. О понятии правового просвещения // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 1. С. 179–188.
7. О бесплатной юридической помощи в Российской Федерации: федер. закон от 21 ноября 2011 г. № 324-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Об утверждении Порядка создания образовательными учреждениями высшего профессионального образования юридических клиник и порядка их деятельности в рамках негосударственной системы оказания бесплатной юридической помощи: приказ Минобрнауки России от 28 ноября 2012 г. № 994 // Российская газета. 2012. № 298.

9. О полиции: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 7. Ст. 900; О службе в органах внутренних дел: федер. закон от 30 ноября 2011 г. № 342-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2011. № 49 (ч. 1). Ст. 7020.

10. Симонян К. В., Тыртышный А. А. Лучшие правопросветительские практики Аппарата Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации как инструмент создания единой общероссийской системы правового просвещения в сфере прав и свобод человека // Вестник Российского нового университета. Серия: Человек и общество. 2017. № 2. С. 15–23.

11. Середа Е. В., Чесноков Н. А. Цифровая трансформация органов прокуратуры Российской Федерации и стран СНГ // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Образование и педагогические науки. 2020. Вып. 2 (835). С. 268–279.

© Малютина О. А., 2023

Отдельные аспекты явления «интерперсональные коллизии» в праве России

В любом государстве регулятором общественной жизни выступают не только нормы права, но и иные группы социальных норм, которые в той или иной степени влияют на поведение субъектов этой страны. К наиболее крупным и значимым правилам из этой сферы относятся религиозные нормы, источниками которых являются Библия, Коран, Тора и т. п., и нормы обычаев. Последняя группа правил вообще не закрепляется в письменной форме и передается из поколения в поколение в устной форме. Однако может быть и зафиксирована в письменном виде: таким, на наш взгляд, является Домострой¹ – памятник русской литературы и сборник правил, советов и наставлений по всем направлениям жизни человека, включая общественные, семейные, хозяйственные и религиозные вопросы [1, с. 42] .

Так уж получается, что бесконфликтное существование возможно только в идеальном обществе и в содержании фантастических произведений о светлом будущем. Конфликт, споры и противоречия, как нам представляется, были и будут всегда, они выступают своеобразным двигателем общественного развития. Не является безоблачным и существование указанных выше социальных норм: они конкурируют между собой, более того, сталкиваются или коллидируют при решении тех или иных вопросов, несмотря на то что нормы права имеют в этом случае явный приоритет и большую юридическую силу. Например, отдельные общины русских староверов отказываются регистрировать в органах регистрации актов гражданского состояния факты рождения, смерти, заключения брака и т. п.; а в семьях, поддерживающих исламскую традицию, не редки полигамные браки (в виде полигинии, т. е. многоженства), так как это не противоречит нормам Корана [2].

¹ Домострой как нормативный источник по своей сути не являлся правовым актом, он лишь систематизировал и оформил сложившиеся в то время нравоучительные тексты и морально-этические нормы поведения.

Такого рода ситуации образуют особую группу коллизий, а именно интерперсональные коллизии, которые являются разновидностью коллизий особого рода, т. е. возникающих не на международном уровне, между нормами права разных стран, а существующих внутри одного государства между разными социальными нормами [3, с. 441]. Такое столкновение, как правило, происходит попарно: между нормами права и обычаев (например, обычай кровной мести и ст. 105 Уголовного кодекса Российской Федерации), нормами права и религиозными нормами (ст. 14 Семейного кодекса Российской Федерации (СК РФ) и аят суры Ан-Ниса), религиозными нормами и нормами обычаев (запрет на похищения невесты и соответствующий обычай ее умыкания) или одновременно между нормами права, обычаев и религиозными нормами.

Широко распространены интерперсональные коллизии в государствах, в которых существуют обособленные группы, выделяемые по этническому и (или) религиозному признаку. Примерами таких государств являются Индия, Индонезия, Израиль, Палестина, ряд других стран [4, с. 69–70]. В Российской Федерации в связи с особенностями исторического развития и спецификой правового регулирования также можно встретить ряд интерперсональных коллизий, особо ярко это проявляется на территориях Северного Кавказа. Это объясняется и этнической раздробленностью, и широким распространением положений ислама, и желанием определенных слоев населения следовать в быту его нормам и обычаям, сложившимся в процессе многовекового развития этих народов.

Оценивая причины возникновения отечественных интерперсональных коллизий, Л. Е. Лаптева справедливо отмечает, что «закон стремился к утверждению принципов формального равенства, тогда как обычай, живущий в народе, исходил из целесообразности, учета фактических обстоятельств каждого дела и личности сторон в конфликте» [5, с. 109].

Особенно остро ситуация с коллизиями проявлялась в начале 90-х гг., когда республики Кавказа получили широкие возможности для автономии. Так, в Республике Ингушетия был принят Закон от 2 августа 1999 г. № 19-РЗ «О регулировании некоторых вопросов семейно-брачных отношений в Республике Ингушетия», в котором была предпринята попытка инкорпорировать традиционную ислам-

скую норму многоженства в положения светского законодательства. То есть была закреплена возможность мужчине вступать в брак с четырьмя женщинами [6]. Позднее эта норма подверглась редакции, а затем сам закон был отменен. Однако в ст. 37 Конституции Республики Ингушетия допускается «вступление в брак и построение семейных отношений на основе национальных традиций и обычаев» [7]. Такое положение, по нашему мнению, создает основу для возникновения интерперсональных коллизий и в настоящий момент, и в будущем. В то же время в силу особенностей исторического развития территорий Северного Кавказа в реальной жизни сложился некий «юридический плюрализм»: с одной стороны, отношения урегулированы нормами светского права, а с другой – существуют и традиционные способы регламентации, выраженные в религиозных нормах и обычаях, осуществлению которых никто не препятствует [8, с. 43].

Тем не менее вопрос о соотношении правовых норм и правил других социальных регуляторов, особенно в личных и семейно-брачных отношениях, время от времени приобретает острые формы. Положения Конституции Российской Федерации [9] и Семейного кодекса Российской Федерации [10] позволяют сглаживать противоречия между законодательным и традиционным регулированием. В силу того, что на Кавказе достаточно распространенной является практика ранних браков, обусловленная исторически сложившимися традициями и обычаями, установление единого брачного возраста косвенно указывало бы на неуважение к культурным особенностям некоторых народов. Поэтому в ст. 13 СК РФ установлен единый возраст бракосочетания, который, однако, может быть снижен на основании закона субъекта Российской Федерации. И такую возможность использовали многие регионы России. Так, в ст. 10 Семейного кодекса Республики Татарстан [11] установлен минимальный брачный возраст – 14 лет. Аналогичные законы действуют в Чеченской Республике, Республике Адыгея и ряде других субъектов.

Отсутствие указанного положения в СК РФ порождало бы конфликт, который внешне схож с хромающими отношениями в международном частном праве. Это ситуация, когда по нормам права субъекта федерации определенные отношения являлись бы юридически действительными, а по праву федерального центра (в нашем

случае России) они не имели бы правовых последствий и являлись юридически ничтожными. Например, при отсутствии правил ст. 13 СК РФ и одновременное наличие положений ст. 37 Конституции Ингушетии могли бы создавать внутригосударственную коллизию особого рода иной разновидности, а именно – интерлокальную (межобластную) коллизию [12, с. 159].

Чтобы не допускать подобных противоречий, федеральный законодатель, на наш взгляд, должен с осторожностью подходить к вопросам правового регулирования, которые связаны с обычаями и религиозными догматами, применяемыми в этнических группах. Чрезмерно жесткое и универсальное регулирование в таких случаях будет способствовать возникновению коллизий особого рода. Поэтому при осуществлении правового регулирования государству необходимо определить и разграничить обычаи и религиозные нормы на положения, которые носят позитивный характер, и допустить их использование как регуляторов общественных отношений, и правила, которые являются негативными (такие, например, как кровная месть или выкуп (колым) невесты) и не допускать возможности их существования.

Список библиографических ссылок

1. Хорихин В. В. Списки домостроя XVI–XVIII вв.: история издания и изучения: дисс. ... канд. истор. наук. М., 2003. 202 с.
2. Дагестанский имам: Многоженцы – истинные патриоты, которых нужно холить и лелеять // IslamNews: сайт. URL: <https://islamnews.ru/news-462059.html> (дата обращения: 26.10.2022).
3. Международное частное право. Современные проблемы / отв. ред. М. М. Богуславский. М.: ТЕИС, 1994. 507 с.
4. Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право: учебник для вузов. 5-е изд., перераб. и доп. М.: Юрайт, 2022. 489 с.
5. Лаптева Л. Е. Исследование обычного права народов Российской Империи XIX в. // Государство и право. 1997. № 8. С. 101–109.
6. Закон Республики Ингушетия от 2 августа 1999 г. № 19-РЗ «О регулировании некоторых вопросов семейно-брачных отношений в Республике Ингушетия» // Сборник Законов Республики Ингушетия. 1999. № 6.

7. Конституция Республики Ингушетия (принята 27 февраля 1994 г.) // Конституции субъектов в составе Российской Федерации. 1995. № 1.

8. Зинченко М. С., Мисиров Т. М. Адааты и шариат в системе традиционных ценностей народов Северного Кавказа // Теодицея. 2012. № 3. С. 42–46.

9. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 26.10.2022).

10. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 1996. № 1. Ст. 16.

11. Семейный кодекс Республики Татарстан от 13 января 2009 г. года № 4-ЗРТ // Ведомости Государственного Совета Татарстана. 2009. № 1.

12. Иловайский И. Б. Применение норм Конституции Российской Федерации в международном частном праве // Конституция России: глобальное, национальное, региональное: материалы. междунар. науч.-практич. конф., 5 декабря 2013 г. Волгоград: Волгоградский филиал ФБГОУ ВПО РАНХиГС, 2013. С. 157–160.

© Мамедова А. Р., Иловайский И. Б., 2023

А. И. Мелихов, А. Ю. Истратенков
Волгоградская академия МВД России
Г. С. Працко

Ростовский государственный университет путей сообщения;
Донской государственный технический университет; Ростовский
филиал Российского государственного университета правосудия

Значение национальных ценностей для национальной безопасности

Самосохранение человека в его существовании и бытии как его основная потребность в ценностном измерении воплощено в принципе гуманизма.

Россия, восприняв идеи Византии и став ее мировоззренческой преемницей, через все исторические перипетии пронесла веру в добродетель человека. Именно человек в его бытии является основной целью существования российского государства и общества, а не усеченный суррогат в виде его прав и свобод. Жизнь человека в нашей культурной традиции представляет собой диалектику борьбы в нем добра и зла, человеческого и животного, Христа и Антихриста. Религиозное в нашей культуре гармонично вписывается в объективную природу человека, не противоречит ей, не требует от человека сверх его возможностей; природное, общинное вписывается в религиозную, а затем в государственную матрицу. В отечественной философской традиции время человеческой жизни оптимально распределено между удовлетворением его духовных, личных, семейных потребностей и общинных, государственных потребностей.

Гармоничное бытие человека в осознании оптимальности коллективной формы его жизни как цель существования экономической и государственно-правовой надстройки является нравственно-религиозной основой отечественной философии [1]. Ее аксиологическая сторона проявляется в кантовском категорическом императиве, одна из формулировок которого гласит: «Относись к человеку всегда как к цели и никогда – как к средству».

Россия прожила без ценностей более 20 лет. Пробелы Конституции России 1993 г. в части закрепления национальных ценностей и инте-

ресов были восполнены посредством института национальной безопасности Президентом Российской Федерации как гарантом Конституции Российской Федерации в Указе от 31 декабря 2015 г. № 683 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации»¹ (далее – Стратегия (2015)). К традиционным российским духовно-нравственным ценностям относятся, прежде всего, жизнь, достоинство, права и свободы человека, патриотизм, гражданственность, служение Отечеству и ответственность за его судьбу, высокие нравственные идеалы, крепкая семья, созидательный труд, приоритет духовного над материальным, гуманизм, милосердие, справедливость, коллективизм, взаимопомощь и взаимоуважение, историческая память и преемственность поколений, единство народов России. Традиционные российские духовно-нравственные ценности объединяют нашу многонациональную и многоконфессиональную страну (п. 91 Стратегии (2021)).

Указанные ценности есть оптимальная модель целей для отечественного алгоритма счастливой жизни, при достижении которых человек полностью удовлетворит весь спектр своих витальных и духовных потребностей. В предлагаемой аксиологической парадигме борьба за доминацию, самоутверждение будет проходить не в общественно и личностно опасных, преимущественно эмоциональных формах войны, дуэлей, преступности, а на арене витально неопасных и в большей мере сознательных институтов семьи, труда, спорта, науки, искусства, служения Отечеству.

В условиях, когда конкуренция между государствами все больше охватывает ценности и модели общественного развития, именно система национальных ценностей, отраженная в культуре, становится основным объектом национальной безопасности.

Значение ценностей в жизни можно наглядно продемонстрировать опытами этологов [2; 3; 4]. Исследование всего с экономической точки зрения, с позиции прибыли как основной ценности наносит огромный ущерб как теории безопасности, так и самой национальной безопасности.

В начале XXI в., несмотря на широкое распространение и признание идей прав человека, в мире устойчиво наблюдается процесс

¹ Признан утратившим силу Указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации».

десакрализации человека и дегуманизации общественной жизни. Бородатые женщины, зомби, жестокие убийства геополитических оппонентов в прямом эфире телевидения (Саддам Хусейн, Муаммар Каддафи), книги из серии «Как управлять рабами» [5], рекомендуемые социальными психологами для «эффективных менеджеров», декриминализация сексуальных извращений и возрождение идей фашизма, социального, национального и расового превосходства насильно внедряются средствами информации в мировоззрение современного человека с одновременным разрушением матрицы общественных, государственных и духовных (религиозных, идеологических и иных) алгоритмов, обеспечивающих самосохранение личности, общества и государства в течение многих веков.

В настоящее время, как считает немецкий рисколог У. Бек, в мир входят метаморфозы, шокирующие ученых, политиков, рядовых обывателей тем, что они подрывают антропологические константы нашего прежнего существования и понимания мира [6, с. 4]. В угоду удовлетворению экономических потребностей всего мира нарастается эксплуатация человека. Купринский «молох» мировой экономики требует уже не часть, а всю жизнь человека на алтарь прибыли умирающего капитализма. Провозглашая личную свободу человека, ему предлагают отказаться от духовности, семьи, продолжения рода, защиты Родины ради удовлетворения вторичных экономических и социальных потребностей, переизбытка удовлетворения становящейся уже не витальной, а гедонистической потребности в эмоциях, отказаться от осознания действительности, заменив его клиповым мышлением. Человек начинает терять свои человеческие свойства, однако в результате таких действий не появляется на свет новый «сверхчеловек» с качественно иными характеристиками, а просто утилизируется человеческий потенциал.

Фейербах справедливо писал: «О, если б ты испытал подобную нищету и бедствие, то как бы ты стал благословлять и хвалить естественные свойства хлеба и вина, опять даровавших тебе твою человечность и твой ум! Поэтому стоит изменить обычный ход вещей, чтобы придать обычному значение необычного и озарить жизнь как таковую религиозным смыслом» [7, с. 250]. Данное изречение никак не стыкуется с современными представлениями о счастье как бесконечном потреблении и свободе от лишений. Пагубность данного

подхода к жизни личности, общества и бытия цивилизации в общем ярко продемонстрировали эксперименты этолога Джона Би Кэлхуна, создавшего идеальные условия – утопический рай для млекопитающих – и получившего полное уничтожение бытия этой цивилизации в миниатюре [8, с. 330; 9].

Кроме того, отрываясь от своей телесности и проживая в состоянии физического и душевного комфорта, признав устаревшей коллективную память, человечество стало активно теоретизировать, создавая учения, оторванные от человеческой природы, активно используя их методологию в гуманитарных науках.

Необходимость расширения потребительских запросов человека, его потребительских свойств и повышения его «товарной стоимости» для мировой экономики сделала востребованными антигуманные научные исследования человека и человеческих сообществ в области кибернетики, генетики, экономики, психологии и медицины, начатые еще в фашистской Германии и Японии, активно продолжающиеся в западном современном обществе потребления и приводящие к постепенной дегуманизации. Духовная и гуманитарно образованная часть общества все чаще не находит себе места в подготовленной экономической матрице человеческого бытия.

Люди стали постоянным объектом исследований в области кибернетики, попадая под наблюдение маркетологов, банковских аналитиков, страховщиков и других специалистов, занимающихся социопрограммированием в сфере потребления, а иногда и в области государственного управления [10; 11; 12]. Обоснованная кибернетикой целесообразность заменяет человечность, заставляя политиков рассуждать о «возрасте дожития», «лишении права голоса неимущих» и «социальном балласте».

Полное упорядочение и оптимизация общественных отношений приводят к предсказуемости человеческого поведения, лишают витальной потребности в положительных эмоциях, ожидании хорошего и необычного и дают широкие возможности для манипуляции. Более того, состояние всеобщей упорядоченности – вечного покоя, как отсутствия хаоса, так и его поглощения, – является смертью Вселенной [13, с. 37].

Эмоциональную сторону всеобщей упорядоченности хорошо описал К. Ясперс: «...вместе с феноменальными успехами рационализации

и универсализации порядка существования утвердилось сознание грозящего крушения вплоть до страха утратить все то, ради чего стоит жить. Человека охватывает страх, вызванный тем, что он не может жить оторванным от своих истоков, ощущая себя просто функцией, его сопровождает жуткий страх перед жизнью, боязнь утратить витальное бытие. Страх распространяется на все, усиливая неуверенность. Жестокостей стало меньше, но они представляются страшнее, чем когда-либо. Каждый человек, чтобы выстоять, должен напрячь свою рабочую силу до предела, работать все интенсивнее из боязни быть выкинутым» [14, с. 327].

Программирование использования человека в качестве «батареи», «новой нефти» мировой экономики входит в вопиющее противоречие с отечественными национальными ценностями, закрепленными в Стратегии (2021), и аксиологической ролью бытия человека («Относись к человеку всегда как к цели и никогда – как к средству»). Дегуманизация является главной опасностью современного мира, и оперативно-разыскная деятельность органов внутренних дел имеет не только свою роль в противостоянии этой опасности, но и свои угрозы гуманизму.

Список библиографических ссылок

1. Бастрыкин А. И., Исмагилов Р. Ф., Сальников В. П. Творческое наследие Ф. М. Достоевского в современной европейской философии: поиск путей преодоления духовного отчуждения человека // Юридическая наука: история и современность. 2020. № 6. С. 170–177.
2. Keith Chena M., Hauserb M. Modeling reciprocity and cooperation in primates: evidence for a punishing strategy // Journal of Theoretical Biology. 2005. № 235. P. 5–12.
3. Monkey-business. URL: <https://www.nytimes.com/2005/06/05/magazine/monkey-business.html> (дата обращения: 01.09.2022).
4. «Проституция» среди животных, или Как обезьяны строили рыночную экономику // РИА НОВОСТИ: междунар. информ. агентство: сайт. URL: <https://ria.ru/20180117/1512815492.html> (дата обращения: 01.09.2022).
5. Тонер Дж., Фалкс М. С. Как управлять рабами. М.: Олимп-Бизнес, 2015. 220 с.

6. Beck U. The Metamorphosis of the World. Cambridg: Polity Press Publ., 2016. 223 p.
7. Фейербах Л. Сочинения: в 2 т. Т. 2 / пер. с нем. М.: Наука, 1995. 425 с.
8. Хок Роджер. 40 исследований, которые потрясли психологию. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. 416 с.
9. Calhoun J. Death Squared: The Explosive Growth and Demise of a Mouse Population // Proc. roy. Soc. Med. 1973. Vol. 66. No. 2. P. 80–88.
10. Захарцев С. И., Сальников В. П. Информационное пространство как новая глобальная угроза человечеству и его правам: философский и правовой подходы // Правовое поле современной экономики. 2015. № 8. С. 11–19.
11. Сальников В. П. Незримое вторжение. Негативное воздействие информации на сознание человека // Защита и безопасность. 1999. № 1. С. 26–27.
12. Хабибулин А. Г., Абдрахманов А. И. МВД в информационном поле нарастающей глобальной напряженности // Юридическая наука: история и современность. 2015. № 1. С. 23–31.
13. Хакен Г. Тайны природы. Синергетика: учение о взаимодействии. М.; Ижевск: Ин-т комп. исследований, 2003. 320 с.
14. Ясперс К. Смысл и назначение истории: пер. с нем. М.: Политиздат, 1991. 527 с.

© Мелихов А. И., Працко Г. С., Истратенков А. Ю., 2023

А. И. Мелихов, А. В. Харченко
Волгоградская академия МВД России
Г. С. Працко

Ростовский государственный университет путей сообщения;
Донской государственный технический университет; Ростовский
филиал Российского государственного университета правосудия

Понятие международного сотрудничества в сфере оперативно-разыскной деятельности органов внутренних дел

Международное сотрудничество можно определить, как деятельность уполномоченных государством субъектов, направленную на применение полезных свойств народов, государств и их объединений, окружающего мира в целом для совместного использования антропогенных и природных процессов и явлений в целях расширения и укрепления имеющихся или приобретения новых возможностей многонационального народа России по удовлетворению потребностей в самосохранении, самоподдержании и самовоспроизводстве.

Однако в процессе этой деятельности не должно происходить подмены «международной безопасности» как объекта обеспечения безопасности на «обеспечение безопасности международного сообщества» как нового субъекта безопасности, паразитирующего на использовании сторонних сил и средств других субъектов международной безопасности.

Согласно Стратегии национальной безопасности Российской Федерации, утвержденной указом Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» (далее – Стратегия), международное сотрудничество не является задачей по обеспечению государственной и общественной безопасности (ст. 47 Стратегии). В соответствии с п. 25 ст. 101 Стратегии достижение целей внешней политики Российской Федерации осуществляется в том числе путем решения задач по развитию международного сотрудничества в области противодействия терроризму, экстремизму, коррупции, незаконному производству и обороту наркотических средств и психотропных веществ,

нелегальной миграции, трансграничной преступности. Министерство внутренних дел Российской Федерации (далее – МВД РФ) и тем более его оперативные подразделения не являются субъектами внешней политики, однако осуществляют отдельные полномочия по международному сотрудничеству в интересах обеспечения национальной и международной безопасности, исходя из документов стратегического планирования Президента Российской Федерации как лица, уполномоченного Конституцией Российской Федерации (п. «а», ст. 87 Конституции Российской Федерации) осуществлять руководство внешней политикой Российской Федерации.

Ученые в области теории оперативно-разыскной деятельности (далее – ОРД) всегда признавали наличие международного сотрудничества как одного из направлений работы на управленческом уровне ОРД. Основным объектом научных дискуссий является установление объекта и субъектов международного сотрудничества, а также объем и направления деятельности.

На наш взгляд, целью международного сотрудничества МВД РФ является обеспечение национальной, а не глобальной, международной или межгосударственной безопасности, за исключением случаев, когда по решению Президента Российской Федерации сотрудники полиции могут участвовать в деятельности по поддержанию или восстановлению международного мира и безопасности (п. 2 ст. 2 ФЗ «О полиции» [1]), однако тогда необходимо учесть, что ОРД – это правовой инструмент, действующий на территории Российской Федерации.

В настоящее время можно выделить следующие направления международного сотрудничества по обеспечению национальной безопасности в ОРД ОВД:

- международное сотрудничество в рамках международных организаций (Интерпол, Европол);
- сотрудничество в рамках международных договоров о сотрудничестве и приграничном сотрудничестве.

Несомненно, что унификация оперативно-разыскной деятельности и расширение доступа правоохранительных органов к оперативной информации на межгосударственном уровне являются целесообразными как с позиций эффективности борьбы с транснациональной преступностью, так и с экономической точки зрения. Однако следует

иметь в виду, что международное законодательство в последнее время используется нашими геополитическими оппонентами для обеспечения собственной безопасности. В частности, показательно, что в ранее приведенной, безусловно, фундаментальной работе по международному сотрудничеству в сфере ОРД термин «национальная безопасность» ни разу не упоминается, как и сама Стратегия национальной безопасности Российской Федерации. Кроме того, сделанный в ней анализ документов говорит об использовании России в международном сотрудничестве как средстве обеспечения европейской безопасности от транснациональных, миграционных и иных негативных тенденций.

В рамках процесса глобализации, явно приобретшей в последнее время колониальный характер, со стороны западных проамериканских государств и контролируемых ими международных организаций (в частности, в ст. 7 Стратегии) отмечено ослабление влияния международных институтов и снижение эффективности системы глобальной безопасности, происходит правовая экспансия [2; 3, с. 398–411] в отношении суверенных государств.

Особенную угрозу для обеспечения национальной безопасности представляет правовая экспансия в сфере государственного негласного контроля и добывания информации (ОРД, контрразведывательной и разведывательной деятельности).

Так, Россией не была подписана Конвенция о преступности в сфере компьютерной информации ETS № 185 (Будапешт, 23 ноября 2001 г.) в связи с тем, что на основании ст. 32 данной Конвенции одной стороной возможен трансграничный доступ к хранящимся компьютерным данным, в том числе без согласия другой стороны, а это «может нанести ущерб суверенитету и национальной безопасности государств-участников, правам и законным интересам их граждан и юридических лиц» [4; 5]. Справедливо подметил А. Г. Волеводз: такая норма фактически регламентирует «не что иное, как обыск в компьютерных сетях (или в среде для хранения компьютерных данных) за рубежом с целью обнаружения и изъятия искомой компьютерной информации» [6, с. 17–25].

Указанные нормативные акты направлены на перехват контроля над государственными органами, их «суверенизацию» от национального государства и включение в параллельную государственной

систему удаленного колониального управления, в том числе посредством учреждения «наднационального» органа, принимающего обязательные решения в сфере ОРД [7, с. 242].

Так, Шенгенская конвенция от 19 июня 1990 г., послужившая впоследствии основной для создания единого Евросоюза, включала в себя раздел III «Полиция и безопасность», по сути, регламентирующий аналог оперативно-разыскной деятельности. В статьях 39–91 были определены возможные варианты осуществления «наблюдения», в том числе с проникновением «в жилые помещения и места, закрытые для доступа публики», а также с использованием информационно-телекоммуникационных сетей, раскрыты вопросы взаимодействия соответствующих правоохранительных органов [8].

В связи с этим весьма показательно, что одностороннее прекращение членства России в различных международных организациях по причине проведения специальной военной операции по защите Донбасса не затронуло Интерпол [9], поскольку наши геополитические оппоненты заинтересованы в международном сотрудничестве как канале оперативной и разведывательной информации об внутригосударственных процессах, важнейший из которых – энтропийная преступность. Напомним, что Интерпол осуществляет свою деятельность исключительно в сфере борьбы с общеуголовными преступлениями, не затрагивая преступления политического, военного, религиозного и расового характера.

Таким образом, на современном этапе развития геополитической обстановки международное сотрудничество в области общеуголовной преступности, несмотря на множество положительных аспектов этой деятельности, может являться каналом утечки оперативной информации о тенденциях и состоянии энтропийных процессов, принявших форму преступности в России.

С этой же целью искусственно усиливаются тенденции обособления органов местного самоуправления (особенно на приграничных территориях), сепаратизма в субъектах Российской Федерации и придания им собственных полицейских сил, а также делаются выводы о необходимости разделения полицейских органов на федеральные и региональные [10, с. 99].

В настоящее время в связи с активной позицией России по обеспечению своей национальной безопасности в геополитической сфере

международное сотрудничество имеет тенденцию для перехода в рамки Содружества Независимых Государств, Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) с образованием единого межгосударственного пространства безопасности не только от военных угроз, но и от преступных посягательств. Указанные организации созданы для отражения военной агрессии и ликвидации последствий чрезвычайных ситуаций, а также проведения специальных операций по борьбе с международным терроризмом и экстремизмом, транснациональной организованной преступностью, наркотрафиком, что подразумевает активное проведение оперативно-разыскных мероприятий в пространстве участников межгосударственных объединений. Многие аспекты международного сотрудничества в сфере ОРД отражены в работах теоретиков оперативно-разыскной деятельности дружественных нам стран ближнего и дальнего зарубежья [11; 12 и др.]. Представляется, что целью данного сотрудничества должно быть взаимовыгодное обеспечение национальной безопасности сотрудничающих стран, расширение сферы действия принципа неотвратимости наказания и предупреждение преступных посягательств.

Вопрос об обеспечении безопасности межгосударственных объединений не должен быть в сфере полномочий МВД РФ по причинам действия комплекса сдержек и противовесов в системе государственной власти и управления. МВД РФ не должно становиться самостоятельным непосредственным участником международного сотрудничества с недружественными государствами в условиях создавшейся геополитической обстановки. В связи с этим необходимо пересмотреть целесообразность действия ряда межведомственных договоров о сотрудничестве, а также исключить непосредственное сотрудничество территориальных органов МВД России по приграничным субъектам Российской Федерации с компетентными органами недружелюбных сопредельных государств в сфере оперативно-разыскной деятельности.

Таким образом, международное сотрудничество в сфере ОРД ОВД в целях обеспечения национальной безопасности представляет собой деятельность, направленную на предупреждение преступных посягательств, подготавливаемых за пределами юрисдикции Российской Федерации, направленных на причинение вреда охраняемым

российским уголовным законом интересам, и обеспечение неотвратимости наказания в отношении лиц, совершивших преступные посяательства на территории Российской Федерации, а также осуществление ОРД в юрисдикции Российской Федерации в интересах иной стороны сотрудничества, если это не противоречит интересам национальной безопасности России, посредством добывания информации и обмена ею, розыска и идентификации лиц и трупов.

Список библиографических ссылок

1. О полиции: федер. закон от 7 февраля 2011 г. № 3-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Сокольская Л. В. Правовая экспансия как историческая форма правовой аккультурации // Актуальные проблемы российского права. 2014. № 7. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovaya-ekspansiya-kak-istoricheskaya-forma-pravovoy-akkulturatsii> (дата обращения: 26.08.2022).

3. Теория государства и права: учебник / отв. ред. Н. И. Грачев. Волгоград: Волгоградский гуманитарный институт; М.: ИКД «Зерцало-М», 2018. 876 с.

4. О подписании Конвенции о киберпреступности: распоряжение Президента Российской Федерации от 15 ноября 2005 г. № 557-рп // Собрание законодательства Российской Федерации. 2005. № 47. Ст. 4929.

5. О признании утратившим силу распоряжения Президента Российской Федерации от 15 ноября 2005 г. № 557-рп «О подписании Конвенции о киберпреступности»: распоряжение Президента Российской Федерации от 22 марта 2008 г. № 144-рп // Собрание законодательства Российской Федерации. 2008. № 13. Ст. 1295.

6. Волеводз А. Г. Конвенция о киберпреступности: новации правового регулирования // Правовые вопросы связи. 2007. № 2. С. 17–25.

7. Никитина И. Э. Сотрудничество европейских государств в сфере экспертно-криминалистической и оперативно-розыскной деятельности в рамках интеграционных и межправительственных объединений: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2017. 390 с.

8. Конвенция о применении Шенгенского соглашения от 14 июня 1985 г. между правительствами государств Экономического союза

Бенилюкс, Федеративной Республики Германия и Французской Республики о постепенной отмене проверок на общих границах: заключена в г. Шенгене 19 июня 1990 г. Россия не участвует. Документ вступил в силу 26 марта 1995 г. // Законодательство Европейского Союза: офиц. сайт. URL: <http://eur-lex.europa.eu/> (дата обращения: 22.03.2021).

9. Интерпол решил не исключать Россию из организации. URL: <https://www.rbc.ru/politics/11/03/2022/622a58609a794796f4c3dbel> (дата обращения: 26.08.2022).

10. Диагностика работы правоохранительных органов по охране общественного порядка и перспективы создания муниципальной милиции в России / В. Волков, А. Дмитриева, К. Титаев [и др.]. СПб: ИПП ЕУСПб, 2015. 144 с.

11. Хабибов С. А. Некоторые теоретические аспекты организации взаимодействия органов внутренних дел Республики Таджикистан и Российской Федерации в сфере оперативно-розыскной деятельности по борьбе с преступлениями террористического характера // Государственная служба и кадры. 2017. № 3. С. 133–136.

12. Шейшеев А. Д. Правовые и организационные аспекты оперативно-розыскной деятельности органов внутренних дел Кыргызской Республики в борьбе с организованной преступностью и коррупцией: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014. 26 с.

© Мелихов А. И., Харченко А. В., Працко Г. С., 2023

Проблема легальной и нелегальной трудовой деятельности мигрантов

Для России мигранты представляют собой дешевую рабочую силу, которая значительно снижает рост среднего заработка коренного населения. С 1990-х гг. Россия открылась для мира и стала активным участником миграционного обмена. Этому способствовала ранее налаженная связь с бывшими республиками СССР, благодаря которой Российская Федерация быстро развивала свой экономический потенциал из-за низкой оплаты труда трудовых мигрантов. Несмотря на «теплые» соседские отношения бывших стран СНГ, в отношении всех приезжающих на заработки мигрантов была применена жесткая система регистрации места жительства, а также иные способы предотвращения нелегальной миграции и противозаконного получения гражданства Российской Федерации.

Приток легальных мигрантов со временем уменьшился, а нелегальный, в свою очередь, возрос. Это можно связать с принятым в 2012 г. Федеральным законом № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации», в который впервые за все существование миграционной политики Российской Федерации были внесены изменения, требующие от ново-прибывших трудовых мигрантов знание русского языка на уровне базового, что подтверждается специально разработанными заданиями. В последнее время (до пандемии) количество мигрантов ежемесячно неустанно растет. Так, в соответствии с данными, предоставленными РБК, а им, в свою очередь, ФСБ: «За первое полугодие 2019 г. 2,4 млн иностранцев заявили, что прибыли в Россию ради работы, следует из расчетов РБК по данным статистики пограничной службы ФСБ по показателю «Въезд иностранных граждан в Российскую Федерацию». Всего за январь–июнь текущего года в Россию прибыли более 15 млн иностранцев с учетом всех целей поездки (деловая, работа, туризм, учеба, транзитный проезд, переезд на ПМЖ, частная, обслуживающий персонал транспортных средств)». По большей части

иностранные граждане, приезжающие работать в Россию, – из стран СНГ. Лидерство за первую половину 2019 г. принадлежит Узбекистану: из этой страны в Россию прибыли в целях работы 918 тыс. человек. На втором месте Таджикистан – 523,9 тыс. человек, затем следуют Киргизия – 265 тыс., Украина – 164,6 тыс. и Казахстан – 105,3 тыс. человек [1].

В высказанном ранее тезисе была обозначена проблема снижения роста заработка из-за притока нелегальных и легальных мигрантов. Из-за пандемии COVID-19 произошел резкий отток мигрантов, что в свою очередь привело к увеличению средней заработной платы на 15–25 %. Такие сведения предоставляют сотрудники РБК, проанализировав электронные ресурсы, размещающие вакансии для найма новых работников в различные сферы трудовой деятельности: «По данным HeadHunter, желаемая зарплата среди низкоквалифицированных сотрудников в среднем увеличилась на 15 %. Как сообщила руководитель пресс-службы Superjob Наталья Ильченко, отъезд мигрантов спровоцировал конкуренцию за рабочих и повысил зарплаты в строительстве за шесть месяцев 2021 г. на 9,8 %, за год – на 15,8 % (без учета инфляции). В отдельных рабочих специальностях прирост был еще более значительным. За год пандемии средний заработок плиточников в Москве вырос более чем на 40 %, монтажников окон ПВХ – более чем на четверть, стропальщиков и электрогазосварщиков – более чем на 20 %. Количество вакансий в сфере строительства выросло на 210 %, а резюме стало больше лишь на 7 %. Конкурс на вакансию снизился практически в 2,7 раза» [2].

Рассуждая о проблеме неконтролируемой миграции в России глава Всероссийской полицейской ассоциации генерал-лейтенант полиции Юрий Жданов заявил в «Российской Газете»: «За январь–июль в России осуществлено 6 475 509 постановок на миграционный учет иностранных граждан и лиц без гражданства. По итогам полугодия две трети поставленных на учет прибыли из Средней Азии: из Узбекистана – 1 869 275, из Таджикистана – 1 073 313, Киргизии – 464 339, Казахстана 225 880». Кроме того, как заявил Глава Всероссийской полицейской ассоциации, никто достоверно не знает точное количество нелегальных мигрантов в России. Однако первый заместитель главы МВД России генерал-полковник полиции Александр Горовой сделал следующее заявление: «В России сейчас находится

почти 5,5 млн граждан других стран СНГ. Из них 819,6 тыс. не имеют законных оснований для пребывания» [3]. Также из-за пандемии 2020 г., с 1 октября в России формально прекратил действовать мораторий на депортацию нелегальных мигрантов, введенный весной 2020 г.

Произошедшие ранее конфликты среди мигрантов из стран СНГ в Москве сподвигли власти столицы к проведению эксперимента, заключающегося в сокращении трудящихся мигрантов на стройках города. Так, вице-мэр Москвы Бочкарев отметил, что раньше в сфере насчитывалось около 120 тыс. мигрантов, сейчас – не более 40 тыс. Рабочие прекрасно справляются со своей работой [4].

Как было ранее сказано, мигранты приезжают в Российскую Федерацию для получения заработка, так как в странах, из которых они прибыли, их трудовые навыки не так востребованы либо малооплачиваемы. Решение проблемы, связанной с падением заработка коренного населения, содержится в ст. 18.10 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях. Так, в современных реалиях происходит следующая ситуация: получив разрешение на работу на фермерских угодьях, мигрант приезжает в фермерское хозяйство для сбора урожая. Проработав месяц в поле, иностранный гражданин увольняется и переходит в иную сферу деятельности, где у него отсутствует разрешение на данный вид работ.

Мы предлагаем решение этой проблемы, которое заключается в том, чтобы трудовой мигрант за месяц до выезда из страны представлял документ о собственных доходах со своего места работы для уплаты налогов. В случае непредставления данного отчета либо его подделки иностранный рабочий навсегда покидает пределы Российской Федерации без права возвращения в целях получения заработка.

Список библиографических ссылок

1. Старостина Ю. ФСБ впервые за 20 лет раскрыла число приехавших работать иностранцев // rbc.ru: сайт. URL: <https://www.rbc.ru/economics/16/08/2019/5d556-979a7947af4fa8a883> (дата обращения: 22.10.2022).

2. Корнев Т., Чебакова Д., Федорова Н. Дефицит мигрантов привел к росту зарплат разнорабочих // rbc.ru: сайт. URL: https://www.rbc.ru/technology_and_media/23/08/2021/611fa69d9a7947f545ce3f5c (дата обращения: 22.10.2022).

3. Фалалеев М. Какие угрозы несет России неконтролируемая миграция // РГ.ру: сайт. URL: <https://rg.ru/2021/09/12/kakie-ugrozy-neset-rossii-nekontroliruemaia-migraciia.html> (дата обращения: 22.10.2022).

4. Гусаров С. «Отмечается рост тяжких и особо тяжких преступлений»: Бастрыкин предложил ввести геномную регистрацию для мигрантов // RT на русском: сайт. URL: <https://russian.rt.com/russia/article/924165-bastrykin-genomnaya-registraciya-migranty> (дата обращения: 03.11.2022).

© Новичихин П. Г., 2023

Дистанционное судопроизводство как форма защиты конституционных прав человека с помощью гражданско-процессуальных средств

Современные реалии таковы, что признание, соблюдение, а также защита конституционных прав человека является государственной и общественной сферой жизни, которая привлекает к себе наибольшее внимание исследователей теории частноправовых отраслей и практикующих юристов. Правоприменительные проблемы, связанные с нарушениями конституционных прав и свобод участников судопроизводства, являются приоритетным объектом исследования. Научный и практический интерес обусловлен, прежде всего, вопросами защиты процессуальных прав и свобод в условиях противоэпидемических ограничений и низкой осведомленностью в их значимости участников судопроизводства, а также общим низким уровнем правовой культуры граждан. Зачастую люди не знают обо всех своих правах и обязанностях в условиях противоковидных ограничений и как осуществлять свои процессуальные права и защищать их в случае нарушения.

Говоря о действенном способе соблюдения, защиты, а самое главное восстановления нарушенных прав и свобод человека стоит обратиться прежде всего к гражданско-процессуальным средствам. Как наиболее характерный можно отметить тот факт, что в Гражданском кодексе Российской Федерации (далее – ГК РФ) установлено правило: «гражданское законодательство основывается на признании равенства участников регулируемых им отношений, неприкосновенности собственности, свободы договора, недопустимости произвольного вмешательства кого-либо в частные дела, необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав, обеспечения восстановления нарушенных прав, их судебной защиты» [1].

Если произвести анализ всех возможных гражданско-процессуальных средств защиты и критично оценить все «за» и «против» применения каждого из них, то можно сделать вывод о том, что из всех

способов, перечисленных в Гражданском кодексе Российской Федерации, наиболее актуальным и наиболее эффективным является судебная защита. В отличие от других средств, где результатом является, например, то поведение человека, которое мы хотели бы видеть, в судебной защите это не что иное, как восстановление нарушенных прав с помощью судебных органов.

В соответствии со ст. 46 Конституции Российской Федерации [2], гарантирующей каждому судебную защиту прав и свобод, а также Гражданским процессуальным кодексом Российской Федерации заинтересованное лицо вправе обратиться в суд за защитой нарушенных либо оспариваемых прав, свобод или законных интересов [3]. Ведь если рассмотреть главные задачи гражданского судопроизводства, то можно выделить такие как правильное и своевременное рассмотрение гражданских дел, их разрешение в целях защиты нарушенных или оспариваемых прав, свобод и законных интересов граждан. Так, с помощью существования судебной защиты в Российской Федерации конституционные права и свободы граждан соблюдаются, восстанавливаются и защищаются в полном объеме.

Примером эффективной защиты конституционных прав граждан может служить право частной собственности. Например, в ст. 35 Конституции Российской Федерации закрепляется положение, что каждый вправе иметь имущество в собственности, владеть, пользоваться и распоряжаться им как единолично, так и совместно с другими лицами. Никто не может быть лишен своего имущества.

Подтверждением этому является решение Арбитражного суда Кировской области от 3 сентября 2021 г., где прокурор Кировской области в интересах муниципального образования Поломское в лице главы поселения обратился с иском к обществу с ограниченной ответственностью «АНТУРАЖ» об истребовании в пользу муниципального образования Поломское в лице администрации Поломского нежилого помещения. Исковые требования были мотивированы тем, что заключенный ранее договор аренды муниципального имущества от 1 июня 2020 г. № 2 не зарегистрирован в должном порядке. В соответствии с этим он признается недействительным. Истец также указывает на допущенные в процедуре заключения договора аренды нарушения, предусмотренные Федеральным законом от 26 июля 2006 г. № 135-ФЗ «О защите конкуренции», так как договор был заключен без проведе-

ния торгов. Если спор, который был вызван из-за наступивших последствий и между лицами отсутствуют договорные отношения, он подлежит разрешению по правилам, закрепленным ст. 301 ГК РФ. Основываясь на сказанном выше, суд пришел к выводу о том, что Общество владеет спорным нежилым помещением, поскольку отсутствуют законные основания данного владения.

В силу установленных судом обстоятельств исковые требования являются обоснованными и подлежат удовлетворению. Поэтому нежилое помещение будет истребовано в пользу муниципального образования Поломское в лице администрации Поломского [4].

Одним из проблемных аспектов, существующим в настоящее время, является доступ к правосудию, закрепленный в ст. 52 Конституции Российской Федерации. Он выступает особым и неотъемлемым элементом права на судебную защиту, который соблюдается не в полном объеме. Ведь в связи с распространением коронавирусной инфекции в последние два года не все граждане имеют реальную возможность обратиться напрямую в суд для защиты своих прав.

Многие суды в 2020–2021 гг. запретили прием заявлений от граждан в очной форме и отложили рассмотрение дел. А если точнее, то им дали право самостоятельно принимать решение о том, рассмотреть дело сейчас или по прошествии неопределенного срока. Позже начали рассматривать и разрешать гражданские дела только безотлагательного характера с участием сторон посредством видео-конференц-связи.

Единственными и доступными средствами стали подача заявлений с помощью почты и заполнение заявления на сайте суда через онлайн-сервис. Однако несмотря на введенные ограничительные меры, количество поданных заявлений и рассмотренных судами дел не только не сократилось, но и наоборот увеличилось по сравнению с 2019 г., когда доступ к правосудию проявлялся в полном объеме. Выросла также востребованность электронных ресурсов. По данным статистики, число пользователей онлайн-сервиса «Правосудие» выросло до 18,5 млн человек, а количество заявлений превысило 3 млрд [5]. Очевидно, что современное судебное делопроизводство должно максимально освобождаться от архаичных «присутственных мест», канцелярий, переполненных посетителями и забитых участниками процессов коридоров мировых и районных судов.

Полагаем, что дистанционный метод является действительно эффективным для осуществления правосудия по гражданским делам с точки зрения судопроизводства как способ реализации гражданами права на доступ к судебной защите прав. Вместе с тем разумным представляется и то, что судебные органы допускают прием заявлений и ходатайств посредством почтовой связи, что позволяет уменьшить нагрузку на судебные канцелярии и обеспечить столь необходимое в условиях пандемии соблюдение социальной дистанции. Очевидно, что все предпринятые органами государственной власти, в том числе и судами, меры позволили обеспечить снижение уровня заболеваемости населения COVID-19 без существенного ограничения конституционных прав.

Таким образом, из всего сказанного выше мы можем сделать о том, что конституционные права человека являются высшей ценностью, которая должна охраняться и защищаться любыми доступными законными способами. Эти способы весьма разнообразны, но гражданско-процессуальные средства наиболее эффективны.

Подтверждением этому служит не только хорошо разработанная теория, но и подтверждающая ее судебная практика. Ведь самым важным является не просто провозглашение и закрепление данных прав в тех или иных законах, важным является то, что их материальное обеспечение и неукоснительное исполнение будет касаться всех членов нашего общества без исключения.

Проблема прав человека уже давно приобрела международный характер и переросла в главный объект защиты для целого мира. На сегодняшний день в приоритете у любого человека находится чувство безопасности. Благодаря государственной гарантии прав и свобод человека, мы можем чувствовать себя полноценными членами общества, у которых есть свобода и самостоятельность в своих действиях и в своем выборе.

Список библиографических ссылок

1. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть первая: федер. закон от 30 ноября 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 25.02.2022). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.03.2022).

3. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Решение Арбитражного суда Кировской области от 3 сентября 2021 г. по делу № А28-4096/2021 // Судебные и нормативные акты Российской Федерации. URL: <https://sudact.ru/arbitral/doc/rKmXTaPbg8N3/> (дата обращения: 20.03.2022).

5. Доклад Генерального директора Судебного департамента на пленарном заседании Совета судей Российской Федерации 2 декабря 2021 г. URL: <https://news.myseldon.com/ru/news/index/264318253> (дата обращения: 18.03.2022).

© Пономарь В. А., Федосеев П. С., 2023

Деятельность частных военных компаний требует правового регулирования

По мнению авторов современной теории национальной безопасности [1; 2], обеспечение самосохранения, самоподдержания и самовоспроизводства многонационального народа России, должно происходить за счет использования собственных сил и средств, находящихся в распоряжении гражданина, общества и государства как форм существования народа в настоящем. Осужденные и заключенные нередко являются носителями национальной пассионарности, проявления которой могут принимать уголовно наказуемые формы в силу отсутствия или несовершенства механизма сублимации личностной и коллективной энтропии в альтруизм, направленный на обеспечение национальной безопасности [3]. Одной из форм такой сублимации является участие осужденных в обеспечении обороны страны или, выражаясь языком теории национальной безопасности, в самосохранении внешней целостности многонационального народа России [4].

Однако в связи с участием в специальной военной операции (далее – СВО), направленной на денацификацию вновь приобретенных в 2022 г. субъектов Российской Федерации, лиц, отбывающих уголовное наказание, в составе частной военной компании (далее – ЧВК), группа известных правозащитников небезосновательно обратилась с коллективным письмом к Генпрокурору России [5] по факту нарушения законности. Не оспаривая полезность данного действия для обеспечения национальной безопасности России, тем не менее следует отметить, что досрочное освобождение от отбывания наказания может быть проведено только:

- а) посредством условно-досрочного освобождения (далее – УДО) (прерогатива судов);
- б) амнистии как конституционного полномочия Государственной Думы Российской Федерации (п. «в» ст. 89 Конституции Российской Федерации);

в) помилования как конституционного полномочия Президента Российской Федерации (п. «ж» ст. 103 Конституции Российской Федерации);

г) в результате так называемой актации (вследствие невозможности дальнейшего отбывания наказания по мотиву смертельно неизлечимого заболевания на последних стадиях болезни). Это прерогатива администрации места отбывания наказания. Крайне редкий вариант освобождения, на который исполнительная система идет очень неохотно.

Гипотетически возможен и пятый вариант. И в нашей истории подобное было несколько раз. Это ситуация, когда рушатся все государственные институты и осужденные остаются предоставленными своей собственной судьбе. К праву и государственному строительству это никакого отношения не имеет. Но упомянуть об этом варианте мы обязаны. Почему? Ответ впереди.

На плацу колонии в своем выступлении гражданин Пригожин так обрисовывал ближайшие перспективы осужденного, выразившего согласие принять участие в СВО. За полгода успешной службы в рядах ЧВК добровольцам гарантируется помилование, после чего они вольны отправиться домой или остаться в рядах «Вагнера». В случае гибели их похоронят согласно волеизъявлению, а в случае ранения им будет оказана квалифицированная медпомощь. Глава компании подчеркнул, что статус бывших осужденных ничем не будет отличаться от статуса иных бойцов компании. Главное условие, которое обязаны соблюдать бывшие осужденные: «Быть как все». Разумеется, забыв склонность к криминальному поведению.

Это нормально. Один из авторов статьи помнит свою молодость, часть которой пришлось на службу в условиях таежного лесоповала. Дело в том, что он начинал свою службу в МВД после окончания Рязанской высшей школы МВД СССР в уральской тайге (Учреждение В-300 Главспецлеса МВД СССР) в системе, как сейчас именуют, исполнения наказания. В ту эпоху практически весь спецконтингент исправительно-трудовых учреждений являлся весьма серьезной частью общего мобилизационного резерва на случай войны. Подавляющее число всех осужденных в ту эпоху имело военно-учетную специальность и подлежало мобилизации в случае начала войны. Исключение составляли особо опасные рецидивисты (ООР), лица,

совершившие особо тяжкие государственные преступления, и лица, вынашивающие преступные и изменнические намерения, а также лица, ранее отбывавшие наказание в воспитательно-трудовых колониях для малолетних преступников и переводом этапированные для дальнейшего отбывания наказания в так называемые взрослые исправительно-трудовые колонии. Поэтому сам факт привлечения части спецконтингента к участию в боевых действиях в нас не вызывает никаких противоречий. Внутренние противоречия вызывают иные обстоятельства.

Первое. Досрочное освобождение очень жестко урегулировано, в том числе и Конституцией России. Это очень сложный, многоступенчатый процесс. И администрация мест лишения свободы и суды – это еще не все. В соответствии с Законом решение суда о смягчении режима отбывания наказания или условно-досрочное освобождение возможно только при согласии потерпевшей стороны. Между тем часто потерпевшие такого согласия не дают, ибо и в заключении значительная часть осужденных не считают своим долгом гасить исковые заявления от потерпевших, раскаиваться в содеянном... Зачастую они и из-за колючей проволоки продолжают морально терроризировать потерпевших, что, будем честными, современный режим отбывания наказания вполне себе позволяет делать практически безнаказанно. И что? Все осужденные, согласившиеся на «работу» в ЧВК, получили согласие на их УДО от потерпевших? Вероятнее всего, нет. Это в условиях демонстрируемой спешки процесса УДО невозможно в принципе.

Далее. Любой опытный пенитенциарный криминолог или психолог сообщат нам, что максимальный срок сохранения стабильной психики и сохранения здорового нравственного стержня в личности возможен только до наступления 7–8 лет отбывания наказания в виде лишения свободы. Затем начинается необратимая деформация личности. Безусловно, это правило имеет много допущений. Каждый человек уникален, но принимать на работу в ЧВК «сидельца» с двадцатилетним тюремным стажем – это кажется слишком уж легкомысленно. А потом сеть и общество сотрясают скандалы. Мы это пишем, прочитав и посмотрев видеосюжет о кровавой дикой расправе над дезертиром из ЧВК [6] в первых числах ноября 2022 г.

Судя по имеющейся от него самой информации, он – бывший осужденный – вынашивал изменнические намерения изначально, потому что после двадцати лет отбывания в местах лишения свободы он стал абсолютно аморальным типом человека. Вот и все. И не надо искать нечто сложное там, где больше ничего нет. Только у нас как у граждан и правоведов появляется неизбежный вопрос о качестве морали тех, кто ему с чистой совестью документы на освобождение подписывал. У нас теперь законы настолько аморальны, что подобных типов на войну с почетом провожаем?

А кто еще остается за бортом справедливости помимо потерпевших? Да само право в целом [7, с. 40–46], «...поскольку невинными обстоятельствами, никак не связанными с общими для всех правилами, изменяет последствия для отдельного виновного. Перекашивается соразмерность и обязательность наказания, а значит, права одних (всех и каждого, продолжающих нести назначенное судом наказание) не равны правам других (освобожденных от наказания неведомыми силами)» [8].

Наш невидимый оппонент, казалось бы, вправе напомнить нам всем о том историческом факте, что наше государство в прошлом, в годы Великой Отечественной войны уже прибегало к вынужденной мере мобилизации осужденных. Например, 24 ноября 1941 г. был издан Указ Президиума Верховного совета СССР «Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений» [9, с. 19–20]. Всего на февраль 1942 г. было освобождено 279 068 человек, которых немедленно призвали в ряды РККА и отправили после краткого обучения и боевого слаживания в запасных подразделениях на передовую [10, с. 19].

Есть ли сегодня подобный нормативный акт? Нет. В противном случае мы бы нашли ответ Генпрокурора России группе правозащитников, отправивших ему коллективное письмо с вопросом, который и стал предметом нашего краткого исследования.

Значит, его надо срочно принять. Учитывая то обстоятельство, что Госдума и Совет Федерации у нас теперь могут работать со скоростью максимально сжатых сроков принятия закона, надо принять федеральный закон, дополняющий уголовно-исполнительное наказание и административно-судебное производство по такого рода мероприятиям.

Впрочем, глава государства может издать собственный указ чрезвычайного характера по этому поводу. Все необходимые полномочия у него для этого есть [11, с. 149–160].

В противном случае это очень и очень тревожный симптом болезни, которая в науке и государственно-правовой практике именуется кризисом законности. И не только. Это в целом и свидетельство очень глубокого нравственного кризиса общества. Если даже большевики, которых тридцать лет клеймили как ярко выраженных правовых нигилистов, выглядят сегодня на фоне явно выходящих за рамки существующего законодательства движений «Вагнера» и отдельных представителей власти, как матерые законники и формалисты легитимизма.

И еще. Состав группы правозащитников, опубликовавших письмо в адрес Генпрокурора России, на наш взгляд, неоднороден, поскольку часть этих граждан постоянно вступает в противоречие с национальными интересами российского государства и отнюдь не способствует оздоровлению российского общества от внутренних противоречий. Но в этот раз они попали в точку излома, пройдя которую, мы можем оказаться вне поля правового государства.

В практике эксплуатации двигателя внутреннего сгорания водители изредка встречаются с таким явлением, как работа двигателя «в разнос». Это ситуация, когда перегретый от легкомыслия или незнания водителя авто, спецтехники или судоводителя двигатель начинает жить своей жизнью. Отключить его нельзя. Невозможно. Он может работать умеренно, но иногда работает с увеличением оборотов. И это чаще всего заканчивается очень большими неприятностями. Так и государственный механизм. Он тоже может «идти в разнос». Лучше этого не допускать. Но коли уж случилось, то следует немедленно принимать меры к устранению причин и условий выхода исполнителей за рамки правового пространства.

Никто не мешает современному российскому законодателю в кратчайшие сроки разрешить эту и ряд иных, сугубо правовых проблем эпохи проведения СВО. Надо просто заглянуть в собственный исторический опыт. А то получается, что сталинский СССР был в большей степени правовым государством, нежели современная демократическая Россия с ее правовой государственностью.

Список библиографических ссылок

1. Мелихов А. И. Национальная безопасность в свете органической теории государства // Вопросы безопасности. 2022. № 3. С. 79–92. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=38550 (дата обращения: 16.10.2022).
2. Основы теории национальной безопасности: учеб. пособие / Е. А. Матвиенко, И. А. Мингес, А. И. Мелихов [и др.]. Волгоград: ВА МВД России, 2015. 406 с.
3. Мелихов А. И. Энтропийная преступность как угроза национальной безопасности // Юрист-Правовед. 2022. № 2 (101). С. 150–156.
4. Мелихов А. И., Працко Г. С., Никитина Г. А. Понятие «безопасность» в современных гуманитарных науках и законодательстве России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2019. № 2 (49). С. 183–188.
5. Обращение к Генеральному прокурору Российской Федерации с просьбой разъяснить ситуацию с заключенными, принимающими участие в СВО / А. М. Верховский, Л. М. Евдокимова, Н. К. Сванидзе [и др.]. URL: <https://hrcspb.org/2022/09/18/obrashhenie-k-general-nomu-prokuroru-rf-s-pros-boj-raz-yasnit-situatsiyu-s-zaklyuchenny-mi-prinimayushhimi-uchastie-v-svo/> (дата обращения: 16.10.2022).
6. Кутепов С. Что известно о казни экс-бойца ЧВК Вагнера. RTVI. 13.11.2022. URL: <https://rtvi.com/news/tak-zhivotnyh-ne-ubivayut-kak-eti-nelyudi-cto-izvestno-o-kazni-eks-bojca-chvk-vagnera-evgeniya-nuzhina/> (дата обращения: 16.10.2022).
7. Попов М. Ю. Гражданство как элемент социально-политической основы конституционного государства в России // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2018. № 1 (44). С. 40–46.
8. Меркачева Е. Правозащитники обратились к Генпрокурору из-за вербовки заключенных на спецоперацию. Московский комсомолец. 19.09.2022. URL: <https://www.mk.ru/social/2022/09/19/pravo-zashhitniki-obratilis-k-genprokuroru-izza-verbovki-zaklyuchennykh-na-spesoperaciyu.html> (дата обращения: 16.10.2022).
9. Об освобождении от наказания осужденных по некоторым категориям преступлений: Указ Президиума Верховного совета СССР

от 24 ноября 1941 г. // Военно-исторический журнал. М.: 1991. № 1. С. 19–20.

10. Белоусова О. А. История Уголовно-исполнительной системы России. Ч. 2: учеб. пособие. Новокузнецк: ФКОУ ВПО Кузбасский институт ФСИН России, 2015. 59 с.

11. Грачев Н. И. Империя как политико-правовой концепт современности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 1 (32). С. 149–160.

© Попов М. Ю., Андリュщенко Т. И., 2023

Территориальная целостность и право на самоопределение в современной России

Продиктованная политико-экономическими интересами давняя нелюбовь Запада к России общеизвестна. Но в последнее время, эпоху ренессанса «Русского мира», возврата в родную гавань Крыма и вынужденного проведения СВО на территории плохо себя ведущего соседнего государства, эта нелюбовь, кажется, вышла на иной, экзистенциальный уровень.

Теперь диалог в отношениях России и Запада вышел за рамки бессмертной формулы, выведенной русской литературой: «Уж тем ты виноват, что хочется мне кушать» [1, с. 57]. Теперь речь идет ни много ни мало, как об изначально подлой сущности российского государства, базирующейся на порабощении различных народов, вынужденно оказавшихся в ее государственных границах. Оказывается, Россия есть, ни много, ни мало, последняя в современном мире колониальная держава.

Такой программной стать ей разродилось весьма почтенное (для нас в прошлом) издание «The Wall Street Journal» [2]. Смысл опубликованного пасквиля можно свести к тому, что все территориальные части России являются колониями Москвы и Санкт-Петербурга. Было менее тревожно, если бы это многоуважаемое издание, как в былые эпохи, опубликовало статью о песьеголовых людях и «русском запое» на территории, именуемой «Татар-монгол». Как раз в стиле уровня образованности среднестатистического гражданина США. Но нет. Взяли именно тему «последней колониальной державы».

Зачем? А затем, что именно в такой форме американский политикум решил ответить на программное заявление российского министра иностранных дел в ходе его африканского политического турне. С. Лавров публично заметил, намекая на кровавое и бесчестное колониальное прошлое Британии, Франции, Нидерландов, Бельгии, Италии и пр. что «Россия не запятнала себя кровавыми преступлениями колониализма».

«Как же так? – сетует автор редакционной статьи указанного журнала. – Как можно превратиться в трансконтинентального гиганта без завоевания и ограбления коренных народов Сибири, Урала, Поволжья и т. д. В чем разница между Кортесом и Ермаком? Да ни в чем, – приходит к выводу автор американской статьи». Разница только в том, что один отправился за океан, а другой преодолел горы. Вот и все.

Порабощая коренные народы Сибири и нынешнего Юга страны, по мнению редакции журнала, россияне из-за МКАД умудрились отобрать все панты, пушнину и сайгачьи рога у российских аборигенов. И таким образом Россия наряду с европейскими колонизаторами просто обязана нести свою долю ответственности не только за свое прошлое, но и за настоящее, сохранившее в себе многие черты «ясачного права» (о котором западный исследователь имеет очень поверхностное представление). В настоящий момент якобы жителям российских регионов пора прозреть, а политическому руководству в Москве признать, что Россия несет на себе такую же вину, как и европейские империи прошлого.

Представляется, что авторы журнальной статьи намеренно смешали такие понятия, как «экспансия» и «колониализм». Дело в том, что экспансия – это расширенное воспроизводство человеческих сообществ как механически, так и культурно-политически, в том числе и путем миграции. Не будь экспансии, то и не было бы человечества. Так и остались бы на территории Африки человекоподобные существа. Не было бы ничего. Ни Азиатских деспотий, ни Эллады, ни Цезаря, ни высадки американских граждан на Луну.

Колониализм с экспансией имеет мало общего. Здесь главная цель – «обобрать и переварить», а также принудить территорию к неравноправному экономическому взаимодействию в условиях собственной монополии. Будущее «подмандатных территорий» в этом случае не волнует никого. Примерно так себя сегодня ведут США по отношению к Старому Свету. В условиях, когда хотели в очередной раз решить свои проблемы за счет России и не получилось... Тут же переключились на так называемых союзников, страны Европы, по сути, превратив их в колонии. Роли поменялись, но содержание то же, что и в 17–19 вв. Ограбление под военно-политическим принуждением.

Итак, США и их европейские клевреты в виде полуколоний (что временно – будут и колониями) очень сильно озаботились «правом российских народов на самоопределение».

Самоопределение народа в наиболее широкой форме представляет собой гипотетическое право некоей достаточно большой, компактно проживающей в пределах определенной территории обособленной группы людей самостоятельно решать вопросы своего государственно-правового бытия, выбирая для этого любые доступные государственно-правовые формы реализации: от национально-культурной автономии до суверенного государства, от монархии до республики. Примером может служить территория Ближнего Востока, которая в прошлом была частью Османской империи. Некоторые новообразованные страны на этой территории в течение первой половины XX столетия стали республиками (Сирия, Ирак, Йемен...), а другие превратились в монархии (Иордания, Оман, Саудовская Аравия...). Часть стран осталась в унитарном состоянии, а ОАЭ превратились в федеративное государственно-территориальное образование.

Россия тоже изначально не была федерацией. Федерацией Россия стала в соответствие с Конституцией 1918 г. Затем была долгий период сложноунитарным образованием в составе СССР. И вновь к истинно федеративным началам вернулась с принятием Декларации о государственном суверенитете 12 июня 1990 г. [3], где было зафиксировано положение об обеспечении каждому народу права на самоопределение в избранных им национально-государственных и национально-культурных формах (п. 4). Впоследствии это положение в несколько иной формулировке плавно перетекло в ст. 5 Конституции Российской Федерации.

Следует отметить, что указанное положение целиком и полностью соответствует международным стандартам государственно-правового строительства в части самоопределения народов. Так, например, оно полностью совпадает со ст. 1 Международного пакта о гражданских и политических правах от 16 декабря 1966 г., ратифицированного Верховным Советом СССР 18 сентября 1973 г. [4]. Исследование международных актов крайней эпохи указывает на то, что российские стандарты в этой части продолжают оставаться на международном уровне. Так, положения российского законодательства в части

самоопределения народов полностью соответствуют Декларации ООН 2007 г. о праве коренных народов [5].

Единого понимания и реализации права коренных народов на самоопределение не существует в принципе, а все попытки установить такое единое понимание в размерах Земли провалились. Тем более что политический интерес самого «установителя» девальвировал все эти попытки (речь идет о менторской международно-правовой привычке нынешнего гегемона – США. Стране, которая меняет свою международную практику, как плохой парень из вестерна, действуя исключительно в угоду своим интересам. Это разрушило международное право).

Самоопределение на практике происходит по-разному. Оно может быть реализовано в «ленинском варианте самоопределения», как вариант вплоть до образования самостоятельного государства. В итоге так и случилось. Разразилась геополитическая катастрофа распада СССР. Может быть реализовано с отказом от какой-то независимости вообще, как культурно-историческая автономия исторических областей Испании [6, с. 602–607]. Или со значительной передачей наиболее важных в государственно-правовом отношении институтов власти и полномочий в общий «карман» центральных органов власти с сохранением за собой не великих, но значимых полномочий, и, в первую очередь, культурно-языковую (если они присутствуют) и территориальную неприкосновенность. Как в российском варианте.

Принципиальное отличие современного российского федерализма, в отличие от иных сегодняшних и советского прошлого, заключается в том, что Российская Федерация есть государственно-территориальная организация, основанная на самой широкой возможности самоопределения народов, населяющих Россию, но исключительно в территориальных границах страны. Поскольку политическую основу российского государства составляет «многонациональный народ России» (ч. 1 ст. 3 Конституции Российской Федерации), то национальные (территориальные) отдельные суверенные права относительно обособленных сообществ имеют вторичный характер и не могут быть реализованы в абсолютно полной мере (вплоть до отделения и образования самостоятельного государства). Именно в силу этого фундаментального конституционного положения вопросы самоопределения в России можно решать только в границах Российской Федерации.

Если есть право, то, следовательно, должен быть носитель этого права. В России носителями права на самоопределение народа выступают:

1) самая большая культурно-историческая общность – русский народ, являющийся фактически главным носителем народного суверенитета [7, с. 149–160], основателем российского государства и становым хребтом российской многонациональной общности и государственности. И, таким образом, его право на самоопределение реализуется в границах Российской Федерации в целом [8, с. 60], а также в форме административно-территориальной автономии различных видов [9, с. 26–32];

2) народы, выступившие культурно-исторической и социально-политической базой таких субъектов Российской Федерации, как республика. Следует отметить, что так называемый титульный народ не всегда составляет этническое большинство на территории республик России, где, как и по всей стране, чаще всего присутствует гарантированное национальное многообразие. Исключение составляют Республика Тыва и Чеченская Республика;

3) коренные малочисленные народы, имеющие особый статус в целях сохранения их самобытности, образа жизни, культуры, языка;

4) этнические общности, которые в границах административно-территориальной единицы составляют некое меньшинство, боящееся поглощения и дискриминации.

Право на самоопределение его носителям гарантирует Конституция Российской Федерации (ст. 3, 5, 9, 13, 19, 26, 29, 30, 32, 55, 68, 69).

Законодательство, непосредственно реализующее право народов на самоопределение в России, состоит из нескольких уровней: Конституция России; федеральные законы; конституции и уставы субъектов Российской Федерации, законы субъектов Российской Федерации, постановления Конституционного суда Российской Федерации и конституционных и уставных судов субъектов Российской Федерации, уставов муниципальных образований и иных муниципальных актов [10].

Как видим, уже на основе самого широкого перечня только видов источников российского права, нацеленных на разрешение реализации права народов России на самоопределение, можно сразу же делать

выводы о реальности такого права. И что именно Россия сегодня может выступить истинным гарантом реализации права народов на самоопределение.

А публикации в чужом культурно-научном пространстве оставим этому пространству, потому что такие публикации – это оружие информационной войны.

Исследование основных черт и особенностей новообразованных российских субъектов последних лет требует времени для качественного анализа и выводов произошедшего, в целях ухода в будущем от повторения ошибок прошлого в области государственного управления. Сейчас в условиях проведения СВО научные изыскания на эту тему по-прежнему остаются актуальны, а вот законодательная деятельность должна проводиться предельно осторожно.

Список библиографических ссылок

1. Крылов И. А. Волк и ягненок // Басни. М.: Самовар. 2017. 80 с.
2. Плотников С. США призвали покаяться Россию в грехе колонизаторства // Петербургская газета. 12 августа 2022 г. URL: <https://petrogazeta.ru/material/2022/08/12/22957ssha-prizvali-rossiyu-pokayatsya-v-grehe-kolonizatorstva> (дата обращения: 24.10.2022).
3. Ведомости Съезда народных депутатов и Верховного Совета РСФСР. 1990. № 2. Ст. 22.
4. Ведомости Верховного Совета СССР. 1973. № 40. ст. 564.
5. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов: резолюция Генеральной Ассамблеи ООН от 13 сентября 2007 г. № 61/295 // Гарант: информ.-правовой портал. URL: <https://www.garant.ru> (дата обращения: 24.10.2022).
6. Конституционное право зарубежных стран: учебник для вузов / под общ. ред. М. В. Баглая. М: НОРМА-ИНФРА, 1999. 832 с.
7. Грачев Н. И. Империя как политико-правовой концепт современности // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 1 (32). С. 149–160.
8. Кокотов А. Н. Русская нация и российская государственность: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург: Уральская государственная юридическая академия. 1994. 342 с.

9. Попов М. Ю. Основные черты организации представительной и законодательной власти в Волгоградской области // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2015. № 4 (35). С. 26–32.

10. О муниципальных районах Республики Карелия: Закон Республики Карелия от 1 декабря 2004 г. // Собрание законодательства Республики Карелия. Петрозаводск, 2004. № 82. Ст. 1392.

© Попов М. Ю., Истратенков А. Ю., 2023

О взаимодействии органов опеки и попечительства с подразделениями по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации

В настоящее время одним из наиболее ключевых направлений деятельности Российской Федерации является обеспечение прав и законных интересов ребенка, охрана его здоровья, нравственности. В силу п. 4 ст. 67.1 Конституции Российской Федерации дети являются важнейшим приоритетом государственной политики России [1]. Основные функции по реализации данной политики возложены на государственные органы, среди которых главная роль отводится органам опеки и попечительства, подразделениям по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации (далее – ПДН ОВД).

Каждый ребенок имеет право на защиту своих прав и законных интересов [2, ст. 56]. Безусловно, родители обязаны осуществлять защиту своего несовершеннолетнего ребенка. В настоящее время нередки случаи, когда родители нарушают права своих детей, ненадлежащим образом исполняют обязанности по воспитанию и содержанию несовершеннолетних, ставя под угрозу их жизнь и здоровье. При данных обстоятельствах органы опеки и попечительства, правоохранительные органы, прокуратура и суд должны оперативно и квалифицированно разрешать конкретные ситуации, принимать необходимые меры, направленные на защиту прав и законных интересов ребенка.

ПДН ОВД – основное подразделение органов внутренних дел, занимающееся вопросами профилактики и предупреждения правонарушений со стороны несовершеннолетних, а также вопросами защиты и восстановления прав несовершеннолетних. Сотрудники ПДН ОВД оказывают содействие органам опеки и попечительства в выявлении несовершеннолетних оставшихся без попечения родителей, немедленно информируют о выявлении несовершеннолетних, находящихся в обстановке, представляющей угрозу их жизни, здоровью или препятствующей их воспитанию [3].

При непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью орган опеки и попечительства вправе немедленно отобрать ребенка у родителей (одного из них) или у других лиц, на попечении которых он находится [2, ст. 77]. За последние три года отмечено незначительное снижение численности несовершеннолетних, отобранных у родителей с 1 990 человек в 2017 г. до 1 959 человек в 2019 г. [4]. Часто после немедленного отобрания ребенка у родителей наступает процедура ограничения родительских прав, если оставление ребенка с родителями (одним из них) опасно для него. Стоит отметить, что в Алтайском крае численность родителей, ограниченных в родительских правах, остается приблизительно равной на протяжении пяти лет. В 2019 г. большая часть случаев ограничения в родительских правах, а именно 117, произошли по причине поведения родителей, 19 – в связи с наличием психического расстройства или иного хронического заболевания и 9 случаев – вследствие стечения тяжелых обстоятельств [5].

Ключевое направление деятельности ПДН ОВД – индивидуальная профилактическая работа в отношении несовершеннолетних и их родителей, реализуемая посредством проведения профилактических рейдов. Именно в рамках совместного посещения органы опеки и попечительства, инспекторы ПДН ОВД, сотрудники социальной защиты населения, сотрудники комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав осуществляют проверку семей, состоящих на профилактическом учете, на контроле. Главная задача – удостовериться в отсутствии какой-либо угрозы жизни и здоровью ребенка. Если в рамках проверки установлено, что родители находятся в состоянии опьянения, ребенок не обеспечен предметами первой необходимости, на теле ребенка имеются повреждения, травмы, родители уклоняются от необходимой медицинской помощи, ребенок систематически находится без надзора, в опасных местах, то требуется предпринять все необходимые меры по спасению ребенка. Одной из таких мер (процедур) является немедленное отобрание ребенка у родителей. Реализуется данная процедура исключительно органами опеки и попечительства.

В ежедневной практической деятельности инспекторов ПДН ОВД довольно часто возникают ситуации, не терпящие отлагательств, когда действовать нужно незамедлительно, спасая ребенка. Однако

при непосредственной угрозе жизни и здоровью ребенка сотрудник ПДН ОВД не вправе отобрать ребенка у родителей. При данных обстоятельствах сотрудник ПДН ОВД должен уведомить органы опеки и попечительства, инициировать немедленное отобрание ребенка. Как показывает практика, часто возникают сложности с привлечением сотрудников органов опеки и попечительства в выходные, праздничные дни, вечернее и ночное время. В результате сотрудники органов внутренних дел, действуя на грани превышения должностных полномочий, вынуждены пользоваться несколько иными полномочиями по определению детей, находящихся в беспомощном состоянии.

Значительно повысит уровень и эффективность взаимодействия указанных выше органов системы профилактики безнадзорности несовершеннолетних организация и проведение следующих совместных мероприятий: своевременный обмен информацией; ежемесячное проведение заседаний и совещаний, подготовка документации; анализ и оценка оперативной обстановки о состоянии безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в конкретной зоне обслуживания; еженедельное проведение профилактических мероприятий, рейдов. Кроме того, необходимо рассмотреть вопрос о возможности введения ненормированного рабочего дня для сотрудников органа опеки и попечительства, в том числе вечером и ночью.

Реализация конституционных положений требует от законодателя проработки максимально эффективных механизмов охраны прав и интересов ребенка. Соответственно, необходимо внести изменения в ч. 1 ст. 77 Семейного кодекса Российской Федерации, закрепив за органами внутренних дел право немедленного изъятия ребенка у родителей (одного из них) или у других лиц, на попечении которых он находится при непосредственной угрозе жизни ребенка или его здоровью.

Список библиографических ссылок

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.04.2022).

2. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.04.2022).

3. Об утверждении Инструкции по организации деятельности подразделений по делам несовершеннолетних органов внутренних дел Российской Федерации: приказ МВД России от 15 октября 2013 г. № 845. URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения: 20.04.2022).

4. Официальный сайт Уполномоченного при Президенте Российской Федерации по правам ребенка. URL: <http://deti.gov.ru/detigray/upload/documents/may2020/5iypevfvd8zvvdavge47.pdf> (дата обращения: 20.04.2022).

5. Официальный сайт Уполномоченного по правам ребенка в Алтайском крае. URL: <http://deti.gov.ru/detigray/upload/documents/August2020/Vou567uYJruvEcYXxTMU.pdf> (дата обращения: 20.04.2022).

© Попова О. О., Кабанова Ю. С., 2023

Правовое закрепление традиционных ценностей России

Современный дискурс о традиционных ценностях актуализировался в научных и популистских кругах в рамках поиска идеологических оснований сохранения российской государственности на базе ее исторических консервативных оснований. И хотя термин «традиционные ценности» во многом является сборником устоявшихся воспроизводимых штампов, его содержание позволяет в дальнейшем произвести правовое закрепление и соответствующие защитные ограничения. Ценностная составляющая российского государства получила свое закрепление в 2020 г. в конституционных положениях, где Российская Федерация:

1) объявлена правопреемником Союза ССР на своей территории (ст. 67.1);

2) объединенная тысячелетней историей, сохраняя память предков, передавших нам идеалы и веру в Бога, а также преемственность в развитии Российского государства, признает исторически сложившееся государственное единство (ч. 2 ст. 67.1);

3) чтит память защитников Отечества, обеспечивает защиту исторической правды (ч. 3 ст. 67.1);

4) создает условия, способствующие всестороннему духовному, нравственному, интеллектуальному и физическому развитию детей, воспитанию в них патриотизма, гражданственности и уважения к старшим (ч. 3 ст. 67.1);

5) защищает семьи, институт брака как союза мужчины и женщины, обязанности заботиться о родителях (п. «ж. 1» ч. 1 ст. 72);

6) является многонациональным союзом равноправных народов с государствообразующим русским народом (п. 1 ст. 68).

Часть отечественных публицистов и исследователей традиционные ценности отождествляют в качестве элемента продолжающегося идеологического противостояния постсоветской России с западным миром, их противопоставления. В литературе можно встретить крайне реакционно-консервативные высказывания по этому поводу.

Так, по утверждению В. Н. Дежнева и О. В. Новиковой, традиционные ценности станут важным фактором победы в духовном противостоянии, в вооруженной борьбе в далеко не лучших экономических условиях с Западом. Традиция не исключает изменений, но выступает противником механического перенесения на отечественную почву чуждых, неприемлемых ценностей [1, с. 73–74]. По мнению А. Л. Анисина, противодействие нормам жизни европейской цивилизации воспринимается многими как отстаивание святынь и противодействие злу, приводит к созданию традиционалистами островков «нормальной» жизни в форме землячеств, могущих нести преступный характер [2, с. 10]. В качестве примера приведем конспирологические высказывания В. Д. Червенчука. Алчность транснациональных корпораций, пишет он, толкает их (в погоне за прибылью любой ценой) на разрушение традиционных ценностей, самобытной культуры у всех народов мира. Их цель – превратить все народы в однородную биомассу, алчного потребителя, желаниями которого легко манипулировать посредством рекламы и пропаганды американского образа жизни. Наемному работнику предписано быть (в данной западной системе ценностей) духовно безнравственным и геополитически безграмотным [3, с. 147–148].

В определенной степени отрицательное влияние западной культуры на чувствительные для российского населения институты семьи и воспитания детей (разводы, аборт, брошенные дети, малодетность) имеет в настоящее время преувеличенный характер [4] и вписывается в общий политический курс на укрепление суверенитета. В то же время отрицать влияние западной цивилизации нельзя. Следует согласиться с С. А. Барсуковой, что формирование ценностной системы российского населения сегодня происходит под влиянием одновременно традиционной российской и западной культур, причем фиксируется перемещение интересов с духовной, интеллектуальной сферы в материальную [5, с. 151].

Связывание конфронтационных политических процессов с современной отечественной ценностной средой можно встретить не только в литературе, но и в официальном нормотворчестве. Так, в указе Президента Российской Федерации от 2 июля 2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» угрозами

утраты культурного суверенитета названы информационно-психологические диверсии и «вестернизация» культуры (п. 88). США и их союзники, неправительственные и другие организации распространяют социальные и моральные установки, противоречащие традициям, убеждениям и верованиям народов Российской Федерации (п. 87). Пересмотр базовых норм морали, психологическое манипулирование формируют условия для саморазрушения общества. Увеличивается разрыв между поколениями (п. 20) [6].

Следует констатировать, что политическое манипулирование, как правило, осуществляется на базисе ценностей, имеющих связь с генезисом общности. И эта связь весьма условно-устойчивая, несмотря на попытки ее формализовать. В современном российском обществе традиционные ценности раздроблены и имеют различные исторические основания. Старшие поколения, выросшие в советском государстве, являются приверженцами советских идеологических установок. Молодое поколение более тяготеет к либеральным европейским ценностям, соответствующим глобальным информационно-технологическим тенденциям. Поддерживаемое государственной властью православие воспитывает в части общества патриархальные (монархические) взгляды.

Общепринято в отечественной истории выделять три основных этапа, имеющих различное влияние на общественные ценности: дореволюционный (самодержавный), советский и современный российский.

Образование Русского государства исследователи связывают в основном с преобладанием восточной деспотии, жесткости и произвола власти, принудительного подчинения воле правителя как способов выживания в непрерывных войнах. Впоследствии, начиная с Петра I, предпринимались попытки исправить и приблизить к европейской цивилизации безынициативность населения и отсталость в социально-экономическом развитии, но снова в приказном порядке и с периодическими откатами и контрреформами при Николае I и Александре III. По утверждению Т. А. Рассадиной, в данном историческом этапе управленческое воздействие, использующее традиционные ценности народа в изменениях, одновременно стремящееся к сохранению управляемой социальной целостности, чаще всего было чрезмерно сильным, во многом неадекватным базовым ценностям, усиливало конфликт «власть – общество» [7, с. 28–31].

Советские традиционные ценности формировались в определенной степени как антипод ценностям предыдущего самодержавного капиталистического строя, но с сохранением его державных характеристик, с нерушимой верой в достижимость социалистических идеалов. Строительство советского общества и нового человека, как пишет Л. А. Мясникова, основывалось на замещении духовности идеологией. Коммунизм понимался как коммунальный быт, коллективистская личность, приоритет общественных ценностей над индивидуальными [8, с. 403]. Исследователь А. А. Вилков отмечал, что пропаганда безбожия в советском государстве предполагала не только отказ от религиозных ценностей, но и целенаправленное конструирование новых традиций и ценностей, которые должны были заполнить образовавшийся нравственный вакуум. К концу «перестройки» девальвация «коммунистических ценностей», форм и методов их воплощения привела к постепенному внедрению либеральных ценностей в массовое сознание [9, с. 99–104]. Причинами утраты связи советских граждан со сферой высших ценностей В. С. Мартянов, Л. Г. Фишман называли постоянное усложнение, индивидуализацию и рационализацию повседневной жизни, особенно в городах, все более снижавших эффективность коллективных моральных регуляторов псевдообщинного типа [10, с. 135–149].

Следует признать, что построение новой советской интернациональной культуры не могло и не было осуществлено без частичного сохранения традиционных ценностей предыдущего исторического этапа. Т. А. Рассадина выделила следующие ценности: построение сильного государства, преобладание государственной собственности, общинный характер землепользования, уравнилельно-распределительные принципы, минимизация потребностей населения [7, с. 32].

В современной России наблюдается смена вектора поддержки государством либеральных ценностей на советские ценности с элементами дореволюционного монархизма. Происходит поиск оптимальных преимущественных ценностей, вписывающихся в централизованную модель управления российским обществом. В научной литературе встречаются утверждения о необходимости зарождения на постсоветском пространстве неоидеологии «Традиция, Империя, Народность». В частности, Ф. А. Папаяни в новом прочтении некогда известной триады Уварова под «традицией» понимает возврат

к культурно-религиозным, этническим корням и ценностям; под «империей» – семью народов, симфонию культур; а под «народностью» – использование референдумов и народного представительства в местных органах самоуправления и равноправие в его советском толковании [11, с. 26–37].

Таким образом, в настоящее время отечественный идеологический концепт состоит из традиционных ценностей нескольких исторических эпох, культивирование которых происходит в тех или иных областях жизнедеятельности. Тем самым формируется патриотическое ядро, призванное объединить под своим началом монархистов, социалистов и либералов.

Список библиографических ссылок

1. Дежнев В. Н., Новикова О. В. Традиционные ценности: к определению понятия // Вестник Шадринского гос. педагогического ун-та. 2015. № 4. С. 71–74.

2. Анисин А. Л. Традиционные ценности в эпоху отсутствия традиций // Социальные ценности и выбор времени: материалы V междунар. науч. конф., посвященной 90-летию со дня рождения доктора философских наук, профессора С. М. Шалютина. Курган: Изд-во Курганского гос. ун-та, 2011. 140 с.

3. Червенчук В. Д. О несовместимости традиционных духовно-нравственных ценностей России с «экономикой роста» // VI Сильвестровские педагогические чтения. Духовность и нравственность в образовательном пространстве: уроки истории 1917–2017 гг.: материалы педагогических чтений. Тара, 2017.

4. Котова С. А. Философский анализ трансформации традиционных ценностей в постиндустриальном обществе: автореф. дис. ... канд. филос. наук. М., 2014. 21 с.

5. Барсукова С. А. Базовые общекультурные ценности россиян // Наука. Общество. Государство. 2017. Т. 5. № 1.

6. Иванников И. А. Государственно-правовые ценности России: монография. Ростов-на-Дону; Таганрог: Изд-во Южного федерального ун-та, 2021. 98 с.

7. Рассадина Т. А. Трансформации традиционных русских ценностей в нравственных ориентациях россиян: автореф. дис. ... д-ра социол. наук. М., 2005. 46 с.

8. Мясникова Л. А. Трансформация ценностей российского человека от советского к постсоветскому // Ярославский педагогический вестник. 2016. № 6. С. 337–340.

9. Вилков А. А. Традиционные ценности в политике и задачи модернизации общества: к проблеме совместимости // Межрегиональные Пименовские чтения. 2016. Т. 13. № 13. С. 99–104.

10. Мартыанов В. С., Фишман Л. Г. Советская мораль: от высоких ценностей к «криминальной революции»? // Новый мир. 2020. № 3. С. 135–149.

11. Папаяни Ф. А. Современное прочтение уваровской триады // Ученые записки Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского. Философия. Политология. Культурология. 2018. Т. 4 (70). № 2. С. 26–37.

© Пушкарев Е. А., 2023

А. Н. Садков

Волгоградский государственный университет

Т. Н. Нурканов

Евразийский Национальный университет им. Л. Н. Гумилева

**Ограничение свободы завещания
как элемент социализации частного права
(на примере законодательства
Российской Федерации и Республики Казахстан)**

Говоря об основных принципах гражданско-правового регулирования, нормы ст. 1 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее – ГК РФ) устанавливают, что физические и юридические лица «приобретают и осуществляют свои гражданские права своей волей и в своем интересе». Практически аналогичная норма содержится и в ст. 2 Гражданского кодекса Республики Казахстан (далее – ГК РК). Отличие заключается в том, что казахстанский законодатель, помимо указания на свободное приобретение и осуществление гражданами и юридическими лицами своих гражданских прав, еще подчеркивает и законодательное закрепление за этими субъектами возможности свободного отказа от осуществления своих гражданских прав. Обще-признано, что такое свободное усмотрение не должно противоречить законодательству, действующему в соответствующем государстве.

Несомненно, что приведенные выше формулировки, содержащиеся в гражданском законодательстве Российской Федерации и Республики Казахстан, следует рассматривать как детализацию общего принципа свободного использования своих способностей и имущества, закрепленных в нормах ст. 34 Конституции Российской Федерации и ст. 26 Конституции Республики Казахстан.

Дискутируя о сущности гражданских прав, следует отметить, что легального определения категории «гражданские права» ни в законодательстве Российской Федерации, ни в законодательстве Республики Казахстан нет. Однако, применяя метод системного толкования правовых норм, мы можем установить, что в данном случае речь идет об отношениях, регулируемых гражданским законодательством. Учитывая, что способность иметь гражданские права в соответствии

со ст. 13 ГК РФ и ст. 17 ГК РФ является важнейшей составляющей гражданской правоспособности с учетом установленного в ст. 14 ГК РФ и ст. 18 ГК РФ содержания правоспособности граждан, мы можем сделать вывод о том, что к категории «гражданские права» относятся такие элементы, как: право собственности, право наследовать и завещать, право на занятие предпринимательской и любой иной не запрещенной законом деятельностью, право создавать юридические лица, право совершать сделки, право участвовать в обязательствах, право избирать место жительства, право быть автором произведений науки, литературы и искусства, изобретений и иных охраняемых законом результатов интеллектуальной деятельности и извлекать соответствующие положительные моменты из такого авторства, а также иные имущественные и личные неимущественные права, которые возникают в процессе участия в договорных и иных правоотношениях, основанных на равенстве, автономии воли и имущественной самостоятельности участников. Фактически под гражданскими правами и российский, и казахстанский законодатель рассматривают такие имущественные права, которые характеризуются товарно-стоимостной правовой природой.

Несомненно, что категория «гражданские права» весьма серьезно отличается от категории «политические права». По общему правилу, содержащемуся в нормах ст. 12 ГК РК ст. 2 ГК РФ, объем гражданской правоспособности не зависит от политического, имущественного и функционального статуса человека, т. е. от того, гражданином какой страны он является, какими средствами обладает, каким видом деятельности занимается. Исключения из этого правила допускаются только на основании специальных законодательных норм.

Свобода завещания, провозглашенная в ст. 1119 ГК РФ и ст. 1046 ГК РК, является одним из институциональных принципов наследственного права как в Российской Федерации, так и в Республике Казахстан. Несомненно, что свобода завещания – это дальнейшая детализация принципа свободы экономической деятельности, прописанного в Конституции РФ и Конституции РК. Принцип свободы завещания следует рассматривать как развитие идеи тесной взаимосвязи экономической свободы и права собственности [1, с. 14].

Суть завещания достаточно четко определена в нормах ст. 1118 ГК РФ и ст. 1046 ГК РК, где завещание рассматривается как один

из способов распоряжения своим имуществом на случай смерти. По общему правилу, завещатель вправе самостоятельно определить дальнейшую юридическую судьбу всего принадлежащего ему на момент смерти имущества исключительно по своему усмотрению. При этом категория «имущество» понимается в рамках наследственных отношений в широком смысле. Имущество в свете ст. 1112 ГК РФ – это не только вещи, принадлежащие наследодателю на день открытия наследства на праве собственности, но и имеющиеся у него имущественные права и имущественные обязанности. В то же время следует помнить о том, что «имущественные права и обязанности, которые неразрывно связаны с личностью наследодателя, в порядке наследования передаваться не могут» [2, с. 7].

Свобода завещания заключается не только в предоставлении завещателю права определять судьбу принадлежащего ему на момент открытия наследства имущества. Свобода завещания проявляется еще и в том, что завещатель в любой момент правомочен отменить или изменить завещание, установить иной круг наследников, нежели это определено в ранее составленном завещании или прописано в нормах, регламентирующих очередность наследования. Несомненно, что в этом есть определенная логика: если это имущество принадлежит гражданину на праве собственности, то и судьбу этого имущества должен определять не кто иной, как собственник.

Следует иметь в виду, что свобода завещания не является безграничной. Недопустимо передать кому бы то ни было прав больше, чем имеешь сам: нельзя завещать не существующие на момент открытия наследства вещи, несуществующие права и обязанности. Кроме того, нельзя завещать наследникам совершение действий, прямо запрещенных законом, действий, квалифицируемых как «злоупотребление правом», действий в обход закона, а также иных действий, нарушающих законные права и охраняемые законом интересы других участников гражданского оборота [3, с. 35].

Только этим свобода завещания не ограничивается. Особое внимание российский и казахстанский законодатели уделяют положениям об обязательной доле в наследстве. В соответствии с нормами ст. 1149 ГК РФ и ст. 1069 ГК РК законодателем определен перечень наследников, которым гарантируется участие в наследственных правоотношениях в качестве правопреемников наследодателя

независимо от его желания, а иногда и вопреки ему. К таким «обязательным» наследникам как российский, так и казахстанский законодатель относят: несовершеннолетних или нетрудоспособных детей наследодателя, а также нетрудоспособного супруга и нетрудоспособных родителей наследодателя. При этом российский законодатель устанавливает более широкий круг обязательных наследников, нежели это определено в ГК РК: в соответствии с п. 1 ст. 1149 ГК РФ помимо названных выше категорий физических лиц к категории обязательных наследников относятся еще и нетрудоспособные иждивенцы наследодателя, подлежащие призванию к наследованию на основании п. 1 и 2 ст. 1148 ГК РФ. Полагаем, что такое расширение круга обязательных наследников, демонстрируемое российским законодателем, следует признать обоснованным и более гуманным, нежели соответствующие правила, содержащиеся в нормах ГК РК, хотя размер доли обязательных наследников в ГК РФ и ГК РК определен одинаково («не менее половины доли, которая причиталась бы каждому из них при наследовании по закону»).

Мы поддерживаем позицию А. В. Баркова, который обоснованно утверждает, что социализация экономики и права является одним из факторов развития гражданского законодательства в странах, ориентированных на построение модели социального государства [4, с. 104]. Учитывая, что смыслом социализации частного права становится поиск решений, направленных на согласование публичных интересов всего общества и частных интересов отдельного индивида [5, с. 158], думается, что подход российского и казахстанского законодателей, направленный на ограничение свободы усмотрения наследодателя при составлении завещания, – один из элементов социализации частного права, так как предоставление нетрудоспособным лицам, находящимся на иждивении наследодателя, гарантий в получении части его имущества в целях обеспечения их дальнейшего существования вполне соответствует иерархической системе социально-правовых статусов государства, относящего себя к категории «социальных» государств (о чем недвусмысленно прописано в нормах ст. 7 Конституции РФ и ст. 1 Конституции РК). Ограничение свободы завещания подтверждает жизнеспособность концепции, предлагаемой ранее, в соответствии с которой «вполне возможно построить такую

модель гражданского права, которое останется частным только по специфике правоотношений, но направлено будет на достижение целей, имеющих общесоциальный характер» [6, с. 26].

Список библиографических ссылок

1. Гафаров Ш. Х. Экономическая свобода и право собственности // Вестник экономики, права и социологии. 2007. № 3. С. 14–21.

2. Основы гражданского права. Наследственное право (для иностранных слушателей образовательных организаций системы МВД России): учеб. пособие / Н. В. Котельников, П. М. Филиппов, Н. И. Батурина, Ю. В. Репникова. Волгоград: ВА МВД России, 2020. 88 с.

3. Основы гражданского права: Общая часть (для иностранных слушателей, обучающихся в образовательных организациях системы МВД России): учеб. пособие / редкол.: П. М. Филиппов, А. Н. Садков, Н. В. Котельников. Волгоград: ВА МВД России, 2017. 264 с.

4. Барков А. В. О необходимости учета тенденции социализации частного права при совершенствовании российского гражданского права // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. 2015. № 4. С. 104–110.

5. Садков А. Н., Мамедов Р. Ю., Карпычев М. В. Социализация частного права как тренд российской и азербайджанской правовой системы // Актуальные проблемы частного и публичного права: сб. науч. тр. Всерос. науч.-практ. конф., г. Волгоград, 25 октября 2019 г. / редкол.: Н. В. Котельников, П. М. Филиппов, Н. И. Батурина, Ю. В. Репникова. Вып. 12. Волгоград: ВА МВД России, 2020. С. 157–161.

6. Рыженков А. Я., Садков А. Н. Социализация частного права: природа и основные направления (на примере гражданского права) // Вестник Волгоградской академии МВД России. 2020. № 1 (52). С. 22–28.

© Садков А. Н., Нурканов Т. Н., 2023

Некоторые особенности учета и обращения цифровых финансовых активов

Нормами федерального закона от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ «О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» [3] (далее – ФЗ № 259) в сферу правового регулирования введена такая категория, как «цифровые финансовые активы». Согласно ст. 1 ФЗ № 259 под цифровыми финансовыми активами (далее – ЦФА) в российском праве понимаются определенные требования имущественного характера, отнесенные к категории «цифровые права». Сутью ЦФА являются имущественные требования, к которым российский законодатель относит: 1) некоторые денежные требования; 2) возможность осуществления прав по эмиссионным ценным бумагам; 3) права участия в капитале непубличного акционерного общества; 4) право требовать передачи эмиссионных ценных бумаг. Чтобы указанные выше требования квалифицировались как ЦФА, они должны отвечать целому ряду условий.

Проводя анализ категории имущественных прав, относимых российским законодателем к категории ЦФА, мы пришли к выводу о том, что по своей сути ЦФА – это не какие-либо новые имущественные требования, ранее неизвестные российской правовой системе, а новый способ фиксации определенной совокупности обязательственных и корпоративных прав участников гражданского оборота, обозначенных российским законодателем в нормах п. 2 ст. 1 ФЗ № 259. Такая фиксация осуществляется посредством использования цифровых технологий распределенного реестра и функционирования информационных систем, позволяющих обеспечить должный уровень дистанционного взаимодействия контрагентов [2].

Согласно ст. 4 ФЗ № 259 ЦФА должны подлежать учету в информационных системах, в которых они были выпущены, в виде записей, которые осуществляются согласно способам, установленным правилами данных информационных систем. Как справедливо отмечает

Л. Ю. Василевская, цифровые финансовые активы входят в категорию «киберпространство» как способ существования цифровой материи, существующей в информационных системах, созданных человеком [3, с. 112].

Пункт 6 ст. 4 ФЗ № 259 ЦФА вносит особенности возникновения ограничений или обременения правом распоряжения ЦФА. Они могут возникать с момента внесения в информационную систему соответствующей записи. В. А. Микрюков, рассуждая на тему ограничения или обременения права собственности, говорит о том, что следует различать ограничения права собственности и его прекращение в принудительном порядке [4]. К ограничениям права собственности на ЦФА относят установленные законом случаи. Например, запрет на принятие ЦФА в качестве средства платежа или иного встречного предоставления за передаваемые товары, установленный в ФЗ № 259 ЦФА. А к обременению прав собственника на ЦФА допускаются случаи, где правообладатели ЦФА стесняются из-за наличия прав третьих лиц. К перечню таких случаев можно отнести, например, залог ЦФА.

Одной из особенностей учета и обращения ЦФА является наличие доступа к информационной системе, который обеспечивается в соответствии с правилами указанной информационной системы, в том числе с использованием программно-технических средств, которые позволяют реализовать обязанности оператора информационной системы, предусмотренные настоящим Федеральным законом. Допустимо говорить об обязательном признаке гражданско-цифровой сделкоспособности субъекта оборота прав, удостоверенных по конструкции ЦФА. Без персонального компьютера или смартфона, подключенных к Интернету, и соответствующего программного обеспечения, технических устройств, позволяющих выявить надлежащую правосубъектность контрагента в электронно-виртуальной среде, установить взаимодействие между субъектами невозможно.

Список библиографических ссылок

1. О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: федер. закон от 22 июля 2020 г. № 259-ФЗ (с послед. доп. и изм.) // Собрание законодательства РФ. 2020. № 31. Ст. 5018.

2. Садков В. А. Цифровые финансовые активы как объекты гражданских прав и их оборот: автореф. ... канд. юрид. наук. Волгоград, 2022. 22 с.

3. Василевская Л. Ю. Токен как новый объект гражданских прав: проблемы юридической квалификации цифрового права // Актуальные проблемы российского права. 2019. № 5 (102). URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/token-kak-novyuy-obekt-grazhdanskih-prav-problemy-yuridicheskoy-kvalifikatsii-tsifrovogo-prava> (дата обращения: 14.09.2022).

4. Микрюков В. А. Содержание ограничений и обременений права собственности // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2011. № 2. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/soderzhanie-ogranicheniy-i-obremeneniya-prava-sobstvennosti> (дата обращения: 14.09.2022).

© Садков В. А., 2023

Особенности развития советского права в период новой экономической политики

Новая экономическая политика выступает в виде необходимых изменений в стране после ранее существовавшей политики «военного коммунизма». Причинами перехода к новой экономической политике и введения изменений не только в государственный политический курс, но и в правовые акты являются массовые недовольства населения, вызванные гражданской войной и голодом. Для разрешения вопроса экономической нестабильности страны принимается решение о переходе к новой экономической политике. В соответствии с решениями X съезда РКП(б) ВЦИК 21 марта 1921 г. принимает декрет «О замене продовольственной и сырьевой разверстки натуральным налогом», в котором отмечалось: «Для обеспечения правильного и спокойного ведения хозяйства на основе более свободного распоряжения земледельца продуктами своего труда и своими хозяйственными средствами, для укрепления крестьянского хозяйства и поднятия его производительности, а также в целях точного установления падающих на земледельцев государственных обязательств разверстка как способ государственных заготовок продовольствия, сырья и фуража заменяется натуральным налогом» [1, с. 73]. Так, с 1921 по 1928 г. в стране реализуются поставленные новой экономической политикой задачи по выведению из кризиса и подъема страны в экономике и сельском хозяйстве [2, с. 248]. Несмотря на ориентированность политического курса, именно на преобразование в экономической сфере нэп вносит существенные изменения в советское право.

В условиях проведения новой экономической политики несистематизированное законодательство затормаживало развитие государственно-правовых отношений. Требовалась кодификация и упразднение законодательных и нормативных правовых актов для совершенствования не только экономических отношений страны, но и советского права. С 1922 по 1928 г. изменения были внесены во все области

советского права. Рассмотрим особенности внесенных изменений в уголовное, гражданское, трудовое и семейное право.

Уголовное право в период новой экономической политики претерпевает ряд изменений, существенно повлиявших на дальнейшее развитие правовых отношений в стране. Так, в 1922 г. сделан первый шаг к систематизации законодательства в сфере уголовно-правовых отношений введением нового Уголовного кодекса РСФСР, который содержал введение и две части. Уголовное законодательство подразделяется на Общую и Особенную части, которые включают в себя 227 статей [2, с. 262]. Общая часть говорит об основных положениях уголовно-правовых отношений, включая в себя основные задачи и понятия, используемые в кодексе. Одной из основных задач нового Уголовного кодекса является защита трудящегося населения от преступных посягательств. Во время проведения новой экономической политики трудящееся население – это особая ценность государства, именно поэтому его защита от любых неправомерных посягательств выступает основополагающей задачей уголовно-правовых актов.

Особенностью уголовной ответственности малолетних и несовершеннолетних была закрепленная в ст. 18 рекомендация о применении к ним в виде санкции мер медико-педагогического характера. При этом уголовная ответственность наступала с 14 лет, а совершеннолетними считались лица, достигшие 16-летнего возраста, что существенно отличается от современных реалий уголовного права. Уголовный кодекс 1922 г. также четко систематизировал систему наказаний. К санкциям относились, например, изгнание за пределы РСФСР на определенный срок либо бессрочно, условное осуждение, общественное порицание, лишение должности. Каждая из санкций несла в себе определенный воспитательный характер. Так, общественное порицание воспринималось виновным как одна из самых суровых мер, поскольку уважение в обществе заслуживалось и ценилось. Одним из самых опасных видов преступления признавались действия, направленные на свержение власти, например, контрреволюционные действия. За них применялась санкция в виде расстрела. Общественная опасность преступных деяний строилась на основе от общего к частному, т. е. от преступлений, посягающих на государственный строй, трудовые отношения,

только потом на жизнь и здоровье личности. Особенности такого построения нормативных правовых актов показывают направленность государственных органов на защиту границ государства и интересов государственной власти и второстепенное отношение к личности. В 1924 г. предпринимается попытка по объединению уголовного законодательства СССР и изменению термина «наказание» на термин «социальная защита», но такие изменения не получили признания среди законодательных кругов и быстро были отвергнуты. Так, новая экономическая политика привнесла в уголовное законодательство систематизацию мер наказания и ориентированность на интересы государства и государственной власти. В 1926 г. введен новый Уголовный кодекс, не принесший существенных изменений в советское уголовное законодательство.

Новая экономическая политика вносит изменения и в гражданское законодательство. Именно отношения, связанные с собственностью, являются значимыми для экономического уклада страны [1, с. 73–75]. Гражданский кодекс 1922 г. подробно регламентирует отношения, связанные с имущественными правами. Гражданское законодательство РСФСР предусматривает в условиях нэпа наличие многоукладной экономики и подъем в развитии товарно-денежных отношений. Основной особенностью становится усиление вмешательства государства в отношения имущественной собственности. Государственная власть в условиях новой экономической политики старается регулировать сферы деятельности, связанные с экономическими благами. Такой подход органов власти не всегда удовлетворяет гражданское население, так как граждане чаще всего остаются не услышанными. Гражданский кодекс как основной правовой акт, регулирующий гражданско-правовые отношения, состоит из четырех разделов. Первый раздел включал в себя основные положения гражданского законодательства, три последующих детализировали гражданско-правовые отношения в области наследственного, обязательственного, вещного права, которые делились на главы и статьи. Гражданский кодекс также подразделял собственности на государственную, частную и кооперативную, отмечая, что леса, недра, железные дороги и прочие богатства страны должны принадлежать государству и являться его неотъемлемой частью.

Пользование земельными угодьями получал каждый гражданин при условии обработки земли руками и использования не в предпринимательских целях [3]. К частной собственности гражданское законодательство относило большой перечень того, что не принадлежало государству. Например, предприятия могли считаться частной собственностью, если не превышали установленное законом число рабочих. Кооперативной собственностью считались предприятия, принадлежащие организациям. Собственник имел закрепленные в гражданском законодательстве права владения, пользования и распоряжение принадлежащим ему имуществом. Особенности гражданского законодательства выступают ограничения по расширению частной собственности. Строения, которые не были муниципализированы, имели право на продажу только при условии, что у покупателя и его близких родственников не находится более одного владения в собственности. Условиями продажи для продавца также выступали ограничения по реализации не более одного владения в год. При введении таких имущественных ограничений государство берет под контроль все сделки купли-продажи собственности. Отношения, связанные с кредитованием, ограничивали кредитора, вводя единую процентную ставку не более 6 % годовых, что являлось выгодным условием для заемщика. Наследственные отношения включали в себя право наследования как по завещанию, так и по закону, но имели свои особенности, заключающиеся в сумме наследства не более 10 тыс. золотых рублей. Данное условие упразднено в 1926 г., но на его смену пришло менее выгодное: любое наследство в любой сумме облагалось высоким государственным налогом. Государство в сфере гражданско-правовых отношений ведет реализацию контроля финансово-экономических сделок и предусматривает строгие санкции за нарушение закрепленных в гражданском законодательстве требований.

Семейное законодательство в условиях новой экономической политики представлено в виде принятого в 1926 г. Кодекса законов о браке, семье и опеке [2, с. 263]. Кодекс регламентировал брачные отношения и возраст, с которого брак мог быть зарегистрирован. Закон устанавливал возраст супругов от 18 лет. В 1928 г. брачный возраст для женщины мог быть снижен на один год при наличии обстоятельств, обуславливающих такое снижение возрастного ценза

для браков. Семейное право регулировало не только семейные отношения, но и отношения, связанные с общим имуществом супругов, что законодательно закрепляло возможность раздела общего имущества при расторжении брака. Кодекс давал ранее не регламентированную законодательно возможность супругов оставлять свои добрачные фамилии и вступать в брак, но документально оставаться с ранее носимой фамилией. Семейное законодательство в условиях нэпа не только охраняло и защищало права семьи как основной части общества, но и регулировало отношения детства, опеки и попечительства. Кодекс регламентировал возможность судов изымать детей из неблагополучных семей и передавать их органам опеки для защиты от асоциального воспитания родителей. Возможность опеки была предоставлена гражданам как над детьми до 14 лет, так и над душевнобольными и слабоумными. Над несовершеннолетними могла быть установлена не только опека, но и процедура усыновления, а органам опеки законодательно запрещалось разглашать тайну усыновления ребенка. Новая экономическая политика не вносит особых изменений в семейное советское право. Государство по-прежнему старается защищать от незаконных посягательств отношения семьи, детства и попечительства.

В условиях новой экономической политики трудовые отношения претерпевают ряд изменений. Трудовое право включает в себя особые черты развития, характерные для экономического направления страны. В 1922 г. вводится в правовое поле Кодекс законов о труде, который существенно отличается от предыдущего. Основной особенностью нового трудового законодательства в условиях нэпа является отмена общей трудовой повинности и регламентация добровольных трудовых отношений. Трудовые отношения возникали на условиях заключения добровольного трудового договора между работником и работодателем [4, с. 354]. Трудовая повинность могла быть обязательной в случае чрезвычайных ситуаций и при нехватке рабочей силы по постановлению СНК. Трудовое законодательство также включало в себя социальное страхование граждан от несчастных случаев на предприятии. Трудовое советское право в условиях нэпа значительным образом улучшается, систематизируется и старается защитить интересы граждан.

Таким образом, советское право в годы новой экономической политики изменяется и развивается. Наличие большого количества не систематизированных и не подлежащих кодификации правовых актов приводит к необходимости изменения курса правового поля в период нэпа. Проблемы в законодательстве, допущенные ранее, требовали устранения для соответствия новому политическому курсу государства. Особенности построения советского права в годы проведения новой экономической политики обусловлены необходимостью и желанием государственных органов контролировать финансово-экономические отношения и привести задачи принятого направления курса до логического завершения.

Список библиографических ссылок

1. Рассказов О. Л. Развитие гражданского законодательства в период НЭПа // Философия права. 2008. № 6 (31). С. 73–75.
2. Бабенко В. Н. История отечественного государства и права: учебник. М.: ЮСТИЦИЯ, 2016. 380 с.
3. Карлин К. Г. Советское государство и право в период нэпа: лекция. Хабаровск, 1999. URL: http://pnu.edu.ru/ru/faculties/full_time/uf/iogip/study/studentsbooks/lectures2/iogplecture3 (дата обращения: 16.08.2022).
4. История отечественного государства и права: учебник для СПО / под общ. ред. А. П. Альбова, С. В. Николюкина, С. С. Горюхой. 2-е изд. М.: Юрайт, 2016. 521 с.

© Самарский А. Н., 2023

Вопросы правового статуса спортивного арбитража в Лозанне

В современном международном сообществе существует особая разновидность судопроизводства, систему которого возглавляет специализированный международный третейский суд – Спортивный арбитражный суд в г. Лозанне (далее – CAS). Спортивная юстиция, помимо этого судебного органа, представлена также и третейскими судами международных спортивных федераций (МСФ), а также третейскими судами национальных спортивных федераций (НСФ), которые являются общественными организациями, входящими в систему управления мировым спортивным движением [1, с. 12]. Таким образом, вся совокупность спортивных судов, во-первых, – это третейские суды, которые функционируют обособленно от внутригосударственной судебной системы. Во-вторых, их нельзя признать органами международного правосудия, так как они не были созданы усилиями государств (как, например, Международный суд ООН или Европейский суд по правам человека). В-третьих, при рассмотрении дел спортивным судом они не основываются ни на нормах национального законодательства, ни на правилах международного права, поскольку CAS и другие подобные арбитражи при вынесении решений исследуют вопросы правильности применения спортивных правил и их справедливости, которые зафиксированы не в правовых источниках. В-четвертых, деятельность этого суда имеет существенные отличия от традиционного порядка рассмотрения судебных споров, установленного арбитражным регламентом ЮНСИТРАЛ 1976 г. [2].

В отличие от коммерческих арбитражей, стороны лишены свободы выбора его места, поэтому все судебные заседания CAS согласно ст. R28 Кодекса CAS проходят по умолчанию по месту его расположения в Лозанне [3]. В сфере спорта можно констатировать отсутствие привычных источников правовых норм, которые бы регламентировали процедуры рассмотрения спортивных споров. Аналогично

отсутствуют какие-либо правовые основы, посвященные спортивному праву и на уровне общественных объединений (МСФ и НСФ). При создании CAS предполагалось, что его существование восполнит пробелы в праве и позволит не только выработать практику разрешения спортивных споров, но и существенно улучшит качество их рассмотрения, так как не каждый судья, обладающий познаниями в праве, будет компетентным в правилах осуществления конкретного вида спорта [4, с. 167].

При выборе сторонами применимого к спору права, т. е. решения коллизионной проблемы (вопроса), сохраняются действия автономии воли (*lex voluntatis*), и стороны в силу ст. R45 Кодекса CAS могут самостоятельно выбрать применимое право. Однако, в случае если они не воспользовались этим правомочием, то для урегулирования спора по умолчанию будет применяться Швейцарское законодательство.

В судопроизводстве CAS в ст. R47–R62 Кодекса CAS предусмотрена процедура апелляции. Так, в ст. R47 указанного норматива закреплено, что «сторона может обжаловать решение дисциплинарного суда или аналогичной инстанции федерации, ассоциации или другого спортивного органа, (1) если уставы или регламенты перечисленных выше спортивных организаций это предусматривают; (2) или если стороны заключили отдельный арбитражный договор, (3) а также при условии, если истец исчерпал правовые возможности, предшествующие апелляции, которыми он располагал в соответствии с уставами и регламентами перечисленных спортивных организаций».

Считается, что апелляционная инстанция – одна из уникальных особенностей этого арбитража, так как CAS не действует как «дополнительный компонент внутреннего правового процесса ассоциации». Даже в процессе апелляционного рассмотрения этот суд на основе ст. R57 проводит по существу разбирательство как первая инстанция, т. е. на этой стадии процесса арбитраж не связан фактами, юридическими выводами или доказательствами, полученными в предшествующей стадии. CAS может полностью или частично отменить предыдущее решение или заменить его новым решением, или оставить в неизменном виде.

Для решений CAS характерно выполнение принципа публичности, т. е. если классическое арбитражное разбирательство предполагает

конфиденциальность, то решения этого суда обязательно подлежат публикации на специальном веб-сайте.

Как уже было упомянуто, CAS нельзя считать международным судебным органом. Тем не менее его решения исполняются даже в случаях, когда они противоречат нормам национального права страны-участника процесса. Так, в отечественном законодательстве вплоть до принятия Федерального закона от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ «Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации» [3] не допускалось возможности рассмотрения третейским судом споров из трудовых отношений, но решения Лозанского арбитража исполнялись на территории Российской Федерации [6, с. 132].

Арбитры, рассматривающие споры, назначаются из списка, сформированного самим CAS. Если сторона выбрала для рассмотрения дела другого судью, который не включен в этот перечень, то суд вносит соответствующие изменения в свои списки. Однако CAS вправе самостоятельно назначить арбитра для стороны, которая выбрала его не из списка. Такого рода обстоятельства и считают ключевой причиной предвзятости решений CAS [7, с. 27].

Чтобы позитивно разрешить эту ситуацию, мы бы предложили несколько перераспределить полномочия по рассмотрению спортивных споров. Представляется, что в силу отсутствия статуса международного судебного органа CAS следует сделать органом, который первым в качестве общественной международной организации будет рассматривать спортивные споры по существу. Одновременно необходимо предусмотреть, что его решения могут быть обжалованы в национальный или международный суд, где судья, опираясь на позицию арбитра CAS и с помощью арбитров-консультантов CAS (которые могут выступать как аналог присяжных заседателей), вынесет решение, обладающее большей юридической силой в соответствии с принципами судопроизводства ЮНСИТРАЛ.

Прототипом построения новой системы рассмотрения спортивных споров может выступить существующий в настоящее время в России порядок урегулирования споров потребителей с финансовыми организациями. Так, положениями Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг» была изменена процедура рассмотрения споров

потребителей с организациями, оказывающими финансовые услуги [8]. В статьях 15–31 этого акта предусмотрена досудебная стадия разбирательства с участием финансового уполномоченного, решения которого обязательны для исполнения сторонами, но могут быть обжалованы в суде. Таким образом, финансовый уполномоченный выступает своеобразной буферной зоной. Специализируясь на защите прав потребителей, он объективно рассматривает дела по существу, несколько разгружая суды. Тем не менее стороны не лишены права на классическое судопроизводство.

Представляется, что использование подобного этапа рассмотрения спора в области спорта одновременно позволит: (1) соблюсти интересы спортсменов, (2) предоставит дополнительную возможность рассмотреть дело компетентными специалистами, (3) сохранит право на судебную защиту по международным правилам, а также (4) снимет вопросы о юридической силе такого рода решений.

Список библиографических ссылок

1. Арбитражный регламент ЮНСИТРАЛ. Нью-Йорк: Организация Объединенных Наций, 1977. 36 с.
2. Code de l'arbitrage en matiere de sport Entre en vigueur le 1er janvier 2017 – Code of Sports-related Arbitration In force as from 1 January 2017. URL: http://www.tas-cas.org/fileadmin/user_upload/Code_2017_FINALen_.pdf (дата обращения: 26.10.2022).
3. Об арбитраже (третейском разбирательстве) в Российской Федерации: федер. закон от 29 декабря 2015 г. № 382-ФЗ (ред. от 27.12.2018) // Собрание законодательства РФ. 2016. № 1 (ч. I). Ст. 2.
4. Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг: федер. закон от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2018. № 24. Ст. 3390.
5. Иловайский И. Б., Сарбаев В. В. Международные спортивные организации: правовые аспекты возникновения и осуществления деятельности (на примере FIFA) // Научный вестник Волгоградского филиала РАНХиГС. Серия: Юриспруденция. 2018. № 1. С. 25–29.
6. Пешин Н. Л. О статусе и юрисдикции спортивного арбитражного суда в Лозанне // Journal of Foreign Legislation and Comparative Law. 2019. № 5. С. 132.

7. Погосян Е. В. Формы разрешения спортивных споров: монография. М., 2011. 160 с.

8. Сарбаев В. В. Источники правового регулирования деятельности общественных спортивных организаций // Вопросы устойчивого развития общества. 2022. № 1. С. 166–169.

© Сивашов А. С., Иловайский И. Б., 2023

Н. К. Соколов
Волгоградская академия МВД России
Научный руководитель:
Н. И. Батурина

Роль и значение прокурора в гражданском процессе

Судебная защита прав и свобод человека и гражданина представляет собой правовой механизм, посредством которого государство обязано обеспечивать права каждого из них, о чем закреплено в Основном законе России [1]. Гражданское судопроизводство является одним из пяти видов судопроизводств, предусмотренных на территории Российской Федерации для осуществления правосудия для восстановления нарушенных законных прав и интересов участников различных правоотношений. Следует отметить, что по сравнению с западноевропейской моделью защиты прав человека в гражданском судопроизводстве можно выделить отличия, одним из которых является участие прокурора в гражданском процессе. Вопрос о статусе прокурора в гражданском судопроизводстве остается одним из самых актуальных и по сей день.

Правовую основу деятельности прокурора в гражданском процессе регулируют положения ст. 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее – ГПК РФ) [2], Федеральный Закон «О прокуратуре Российской Федерации» [3], согласно которому помимо осуществления общих функций по отраслям надзора прокурор имеет право участвовать в гражданском и иных видах судопроизводств.

Прокурор в качестве лица, участвующего по гражданскому делу, – самостоятельный субъект гражданского судопроизводства. Он не может быть стороной по делу, так как не имеет какого-либо правового интереса и не является субъектом судебного решения. Прокурор не может быть привлечен к ответственности по встречному иску. Кроме того, он не может быть представителем стороны или представителем третьей стороны. Это связано с тем, что представитель тесно связан с представляемым им лицом, а прокурор при реализации полномочий, предусмотренных в ст. 45 ГПК РФ,

осуществляет защиту прав и интересов, перечисленных в данной норме лиц независимо от них. Круг лиц, права, свободы и законные интересы, чьи он вправе защищать, достаточно разнообразны. Это и конкретные граждане или неопределенный круг лиц, а также Российская Федерация, ее субъекты и муниципальные образования.

Следует отметить, что участие прокурора по гражданскому делу возможно только в том случае, когда заявление в защиту законных прав, свобод и интересов граждан по состоянию своего здоровья или недееспособности, или возрасту, или другим уважительным причинам не способен подать самостоятельно. Вместе с тем, в законе предусмотрены основания, при наличии которых прокурор вовлекается в гражданское судопроизводство. Ни правоприменительная практика, ни гражданское процессуальное законодательство не определяют таких понятий, как «состояние здоровья», «возраст», «иные уважительные причины», что позволяет толковать их как в узком, так и в широком плане.

На законодательном уровне отсутствуют четкие критерии определения состояния здоровья гражданина, при которых он не сможет самостоятельно защищать свои права и законные интересы в гражданском процессе. Более того, не сказано и о том, какое состояние здоровья следует считать причиной обращения прокурора в целях защиты данных прав и интересов.

Рязанский областной суд попытался определить категорию «состояние здоровья», выпустив в 2016 г. тематический обзор практики по делам, связанным с обращениями прокурора в суд общей юрисдикции в порядке ст. 45 ГПК РФ. Было определено, что только хроническая болезнь, которая мешает гражданину в физическом или психоэмоциональном плане, является препятствием для защиты своих прав и законных интересов. Таковыми, например, считаются инвалидность I группы, наличие у гражданина хронического алкоголизма или наркомании [4].

О. А. Фирсова, в свою очередь, считает, что прокурор может обратиться с заявлением в защиту законных интересов гражданина в гражданском процессе не только в случае, если последний имеет явные физические или психологические расстройства, но и при потенциальной возможности нарушения состояния здоровья из-за эмоционально-психологических нагрузок, обусловленных самостоятельным

обращением гражданина в суд в рамках гражданского судопроизводства. Это может являться следствием прошедших или существующих факторов (например, беременность, сердечно-сосудистые заболевания и т. д.) [5].

Неясность в толковании содержания терминологии имеется и в определении категории «возраст» гражданина, при котором на защиту его законных прав и интересов встает прокурор. Эта неопределенность вызвана неточностью в установлении той возрастной группы, к которой это понятие должно применяться. Это могут быть пожилые граждане, которые в силу истощения организма и утраты им определенных свойств фактически не защищают свои права и интересы в гражданском процессе или которые в силу своего правового развития в недостаточной мере осознают новизну общественных отношений, в том числе правовых, что не позволяет им в полной мере или вообще не позволяет защищать свои законные интересы.

Под данную категорию подпадают и несовершеннолетние лица. И здесь возникает небольшая коллизия между институтами законного представительства и участия прокурора в гражданском процессе в обеспечении защиты прав данных лиц. Может сложиться так, что суд отклонит исковое заявление прокурора в защиту интересов несовершеннолетних, мотивируя это тем, что наличие у последнего законных представителей достаточно для обеспечения его защиты. Однако данное положение ошибочно ввиду того, что прокурор в исковом заявлении указывает на нарушения прав несовершеннолетнего лица, а не законных представителей. Отсутствие полной дееспособности является безусловным основанием для реализации права прокурора.

Формулировка «иные уважительные причины» имеет более абстрактные трактовки. Формально к ним относят: командировку, длительное заболевание, период боевых действий, стихийные условия и иные обстоятельства, не позволяющие лицу самостоятельно защищать свои права и законные интересы в гражданском процессе.

Чтобы решить указанную проблему с оценочными понятиями, необходимо выработать на законодательном уровне более полный перечень всех обстоятельств, относительно которых могут наступить случаи применения ч. 1 ст. 45 ГПК РФ.

Еще одной проблемой участия прокурора в гражданском процессе является дача им заключения по вопросам, предусмотренным ч. 3 ст. 45 ГПК РФ.

Законодатель не определяет типовую форму данного заключения, ввиду чего она носит весьма условный характер, что порождает дискуссии о допустимости его подачи прокурором в ходе гражданского судопроизводства, о возможности повлиять на решение судьи, нарушая тем самым принципы невмешательства и диспозитивности.

Расходятся также мнения в форме указанного заключения. Она может быть как устной, так и письменной.

Сторонники первой считают, что письменная форма заключения не целесообразна ввиду инстанциональности гражданского судопроизводства. Сторонники второй, наоборот, говорят, что содержание устной формы не в полной мере отражается секретарем в протоколе судебного заседания, в то время как письменная форма полностью оценивается судом и прилагается к данному протоколу [6].

Наиболее целесообразной в данной ситуации является установленная общая типовая форма подачи заключения прокурора для каждой ситуации, указанной в ч. 3 ст. 45 ГПК РФ, которая предусматривает ее электронный вариант.

Участие прокурора в гражданском судопроизводстве не ограничивается только защитой законных прав, свобод и интересов граждан, неопределенного круга лиц, Российской Федерации и ее субъектов, муниципальных образований, когда по его инициативе подается соответствующее заявление в суд, но и его участие возможно для обеспечения законности по делу. Так, прокурор по своей инициативе или по волеизъявлению суда вправе вступить в дело. Кроме того, это возможно сделать на любой стадии гражданского процесса, для дачи заключения по делу, по основаниям, предусмотренным ч. 4 ст. 45 ГПК РФ. К таковым законодатель относит заключения: о признании сделки недействительной, устанавливающей совершенные с нарушением законодательства специальные экономические меры, «меры воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств; при рассмотрении судом заявления о выдаче исполнительного листа на принудительное исполнение решения третейского суда, ходатайства о признании и приведении в исполнение решения иностранного суда и иностранного арбитра

ражного решения; в случае выявления обстоятельств, свидетельствующих о том, что являющийся предметом судебного разбирательства спор инициирован в целях уклонения от исполнения обязанностей и процедур, предусмотренных законодательством о противодействии легализации (отмыванию) доходов, полученных преступным путем, и финансированию терроризма, законодательством о налогах и сборах, валютным законодательством Российской Федерации, правом Евразийского экономического союза в сфере таможенных правоотношений и законодательством Российской Федерации о таможенном регулировании, а также законодательством, устанавливающим специальные экономические меры, меры воздействия (противодействия) на недружественные действия иностранных государств, и (или) возник из мнимой или притворной сделки, совершенной в указанных целях» [7].

Защита прокурором частного, общественного и государственного интересов требует к себе детального внимания, обсуждения и решения существующей проблематики, так как именно прокуратура может оперативно и эффективно реагировать на возникающие в обществе и государства противоречия, помогать социально незащищенным гражданам и обеспечить защиту интереса неопределенного круга лиц в различных обстоятельствах.

Список библиографических ссылок

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.; см. п. 1 ст. 46). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. О прокуратуре Российской Федерации: федер. закон от 17 января 1992 г. № 2202-1 (последняя редакция). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

4. Обзор судебной практики по делам, связанным с обращениями прокурора в суд общей юрисдикции в порядке ст. 45 ГПК РФ: утвержден Президиумом Верховного суда Российской Федерации 6 сентября 2016 г. URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/36043456/> (дата обращения: 14.05.2022).

5. Фирсова О. А. Состояние здоровья как обоснование предъявления иска прокурором // Законность. 2007. № 2. С. 9–11.

6. Ергашев Е. Р. О проблемах правовой регламентации и применения правовых средств прокурора, участвующего в рассмотрении судами гражданских дел // Российский юридический журнал. 2017. № 3. С. 95–102.

7. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ч. 4 ст. 45) (ред. от 29.12.2022) (с изм. и доп., вступ. в силу с 01.01.2023). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

© Соколов Н. К., Батурина Н. И. 2023

Отдельные аспекты автономии воли в международном частном праве

Принцип автономии воли является одним из самых заметных и дискуссионных институтов в международном частном праве. Исследователи неоднозначно подходят к определению его сущности и значению. Во многих публикациях одни правоведы акцентируют внимание на том, что автономия воли – источник норм международного частного права, другие авторы указывают на этот принцип как на основу коллизионного регулирования [1, с. 12]. Такая позиция находит свое отражение не только в теоретических трудах исследователей, но и в законодательных актах. Так, в п. 1.2. ст. 1 Закона Азербайджанской Республики «О международном частном праве» непосредственно установлено, что ««право, подлежащее применению наряду с настоящим Законом, устанавливается на основе международных договоров общепринятых международных обычаев, а также по соглашению сторон» [2].

Близкое по своему смысловому значению положение было установлено в п. 1 ст. 1210 ГК РФ, в которой закреплено, что «стороны могут при заключении договора или в последующем выбрать по соглашению между собой право, которое подлежит применению к их правам и обязанностям по этому договору».

Л. А. Лунц полагал, что принцип автономии воли по своей сущности выступает коллизионной нормой (или коллизионной привязкой – *lex voluntatis*), которая существует в силу его закрепления на уровне национального законодательства страны о международном частном праве [3, с. 237].

И. В. Гетьман-Павлова объединяет все точки зрения по этому поводу и полагает, что принцип автономии воли является настолько широкой юридической категорией, что его можно понимать как: (1) источник международного частного права; (2) основополагающий специальный принцип правового регулирования правоотношений в международном частном праве; (3) разновидность коллизионной привязки [4, с. 197].

Оценивая правовую природу автономии воли, нельзя не заметить ее тесную взаимосвязь с принципом диспозитивности. В этом случае значимо разграничить их между собой. Принцип диспозитивности, будучи основополагающим правовым принципом цивилистической науки, в том числе международного частного права, заключается в том, что сторонам дана возможность самостоятельно принимать решение о вступлении в те или иные правоотношения, заключать договоры на тех условиях, которые они посчитают наиболее оптимальными, с учетом специфики правоотношений и их правового статуса. Автономия воли выступает как способ реализации диспозитивного начала в международном праве, как разновидность его воплощения. Поэтому верно будет признать, что, во-первых, диспозитивность и автономия воли соотносятся между собой как общее и частное, а во-вторых, диспозитивность выступает общепризнанным принципом частного права, основанным на материальном праве, Природа автономии воли несет в себе еще и коллизионный аспект [5, с. 94]. Тем не менее нужно специально подчеркнуть, что формирование автономии воли во многом зависит от наличия принципа диспозитивности [6, с. 18].

Реализовать автономию воли на практике возможно тремя способами: (1) стороны прямо устанавливают применимое право в тексте совместного договора (контракта). В пункте 2. ст. 1210 ГК РФ это правило особо конкретизировано положением о том, что «соглашение сторон о выборе подлежащего применению права должно быть прямо выражено или должно определенно вытекать из условий договора либо совокупности обстоятельств дела». Таким образом, законодатель отметил важность осуществления в этом случае известного еще древним римлянам принципа «явно выраженной воли сторон» (*expressis verbis*); (2) стороны после подписания основного соглашения заключают дополнительный договор о выборе применимого права, которое будет применяться к ранее возникшим между ними правоотношениям. Об этом праве сторон непосредственно указано в п. 3 ст. 1210 ГК РФ [7, с. 159]; (3) стороны в ходе судебного разбирательства дают согласие использовать материальные нормы одной и той же юрисдикции для квалификации фактического состава возникшего спора [8].

Первый и второй способы из указанных выше можно называть прямыми, поскольку стороны непосредственно на договорной основе согласовывают условие о применимом праве. Третий способ является косвенным, поскольку отсутствует прямое указание в совместном соглашении на право, подлежащее применению. Тем не менее воля сторон направлена на применение положений нормативных актов одного государства. В юридической литературе неоднократно приводился пример еще одной возможности косвенно использовать рассматриваемый принцип. Это ситуация так называемой «молчаливо выраженной воли», когда одна сторона в суде использует правопорядок конкретного государства в качестве применимого права, а другая не делает по этому поводу возражений, т. е. молчаливо соглашается с таким правоприменением [9, с. 64].

Принцип автономии воли не носит абсолютного характера, так как национальное законодательство, как правило, устанавливает различные ограничения его применения на практике. Их можно свести к следующим ситуациям. Во-первых, устанавливается исчерпывающий перечень правоотношений или их элементов, когда к ним может быть применен принцип автономии воли, как это закреплено в ст. 1215 ГК РФ. Во-вторых, действие автономии воли ограничено пределами действия императивных норм государства (ст. 1192 ГК РФ) и институтом оговорки о публичном порядке (ст. 1193 ГК РФ). Суть такого рода оговорок заключается в возможности отказать в применении норм иностранного права в случаях, когда оно будет противоречить нормам непосредственного применения или вступать в противоречие с основными принципами, регламентирующими жизнь общества и деятельность государства. В-третьих, в законодательстве некоторых стран, например, в ст. 1–105 Единообразного Торгового Кодекса США право выбора применимого права может быть ограничено правопорядками тех государств, к которым принадлежат стороны. Кроме того, существует и ряд ограничений, которые можно охарактеризовать как «объективные», например, временные пределы; пределы, обоснованные участием в правоотношении «специального» субъекта, и т. п. [3, с. 601].

Можно прийти к следующим выводам: во-первых, принцип автономии воли выступает как специфический принцип регулирования частных международно-правовых отношений. Его сущность заключается в предоставлении сторонам, которые являются субъектами

различных юрисдикций, по своему усмотрению выбирать право, которое будет использовано для регламентации существующих (или планируемых) между ними правоотношений; во-вторых, автономия воли выступает как способ реализации диспозитивного начала в международном праве и как разновидность его воплощения. Диспозитивность и автономия воли соотносятся между собой как общее и частное; в-третьих, автономия воли может пониматься одновременно как источник международного частного права; как основополагающий специальный принцип правового регулирования; как разновидность коллизионных принципов (формул прикрепления, т. е. двухсторонних привязок); в-четвертых, сфера применения автономии воли не безгранична и не носит абсолютного характера, так как законодатели большинства стран ограничивают сферу ее применения.

Список библиографических ссылок

1. Асосков А. В. Основы коллизионного права. М.: М-Логос, 2017. 352 с.
2. О международном частном праве: закон Азербайджанской Республики от 6 июня 2000 г. № 889-IQ (с изм. от 09.07.2021). URL: <https://clck.ru/h2CRT> (дата обращения: 26.10.2022).
3. Лунц Л. А. Международное частное право. М.: Юридическая литература, 1970. 384 с.
4. Гетьман-Павлова И. В. Международное частное право. М.: Эксмо, 2005. 751 с.
5. Акимова Ю. М. К вопросу о соотношении понятий автономии воли, диспозитивности и свободы договора. Бизнес в законе. Экономико-юридический журнал. 2014. № 6. С. 94–97.
6. Каримов С. С.-М. Автономия воли: теории о правовой природе // Журнал международного права и международных отношений. 2013. № 4. С. 17–21.
7. Иловайский И. Б. Применение норм Конституции Российской Федерации в международном частном праве // Конституция России: глобальное, национальное, региональное: материалы. междунар. науч.-практич. конф., 5 декабря 2013 г. Волгоград: Волгоградский филиал ФБГОУ ВПО РАНХиГС, 2013. С. 157–160.

8. Обзор практики рассмотрения арбитражными судами дел с участием иностранных лиц: информационное письмо Президиума ВАС РФ от 9 июля 2013 г. № 158 (вместе с «Обзором судебной практики по некоторым вопросам, связанным с рассмотрением арбитражными судами, дел с участием иностранных лиц»). URL: <https://clck.ru/h2CYU> (дата обращения: 26.10.2022).

9. Арбитражная практика за 1996–1997 гг. / сост. М. Г. Розенберг. М.: Статут, 1998. 278 с.

© Таранцев Н. С., Иловайский И. Б., 2023

О семантике термина «коррупция»

Исследователи юридической терминологии обращают внимание на неясность этимологии слова «коррупция» [1, с. 419]. По одной из версий, полисемантический термин «коррупция» берет начало из латинского языка, в котором он первоначально использовался для обозначения процесса порчи чего-либо, находящегося в замкнутом объеме, – воды в сосуде, пищи в желудке. Выражение по смыслу сравнимое с русским «мутить воду».

В латинском юридическом словоупотреблении термин «коррупция» стал обозначать злонамеренный сговор нескольких лиц по поводу одного предмета сделки в целях нарушения правомерного хода торгов или судопроизводства, возникшего из спора по поводу этого предмета [2, с. 433]. Интересную гипотезу происхождения слова «коррупция» выдвигает Г. К. Мишин. По мнению ученого, в основе исследуемой лексемы лежит два латинских слова – *cor* – сердце, душа, рассудок и *ruptum* – разрушать, портить, развращать. Следуя такой версии, можно сделать вывод о том, что коррупция – это процесс обесценивания моральных устоев, падения нравов и продажности, возникающий не только в ходе управления обществом, но и в иных сферах социального бытия. Поскольку правовые методы борьбы со снижением нравственного и этического уровня общественной жизни не всегда применимы, а последствия падения нравов иногда не находятся в сфере правового регулирования, то коррупция стала восприниматься как уголовно наказуемое деяние, сузившись до подкупа, взяточничества или иной формы корыстного покровительства.

Таким образом, в настоящее время понятие «коррупция» стало использоваться как любое проявление поведения, отклоняющегося от предписанного государственным служащим, совершаемое в интересах, противоречащих интересам государственной службы. Однако мы полагаем, что ограничивать коррупцию только злоупотреблениями в сфере государственной или муниципальной службы не следует, поскольку коррупция – это не только и не столько публично-правовое явление, но и социальное зло, имеющее экономические корни.

Следует согласиться с мнением А. И. Сидорова о том, что коррупция – интегральное явление, т. е. феномен, требующий исследования с применением достижений всех социальных наук, а не только юриспруденции. В противном случае те формы коррупции, которые не выглядят как явное преступление, как подкуп, взятка или злоупотребление полномочиями в корыстных интересах, могут восприниматься как проявление предприимчивости или возможности решения вопросов с институтами публичной власти частным порядком. Так, получение непрозрачного дохода от покровительства бизнеса в современной российской литературе именуется «силовой рентой», под которой понимают банальное вымогательство части дохода от наиболее перспективных сфер экономической деятельности в обмен на явное или мнимое покровительство со стороны коррумпированных чиновников [3, с. 181].

В России ведется системное противодействие коррупционной деятельности в первую очередь путем создания последовательной и непротиворечивой нормативной базы. Так, Россия ратифицировала многие акты международного права, служащие источниками для национального антикоррупционного законодательства. Конвенция ООН против коррупции в преамбуле указывает, что борьба с коррупцией требует междисциплинарного подхода. Несмотря на то что составители акта не уточняют, какой смысл они вкладывают в этот тезис, предполагаем, что речь идет именно о необходимости консолидации не только знаний всех отраслей гуманитарных наук для выработки мер предупреждения коррупции, но и объединения юридических методов, предусмотренных всеми отраслями права для противодействия коррупционным правонарушениям [4].

Таким образом, условно можно выделить широкое понимание термина «коррупция», в котором она определяется как любое поведение, не соответствующее государственным интересам, чаще всего преследующее корыстные цели. Для узкого понимания коррупции характерно ее восприятие как использование служебного положения в целях личного обогащения [2, с. 437].

В свою очередь, следует разделять понятие «коррупция» как результат совершения противоправных коррупционных действий и сами действия, приводящие к коррумпированности той или иной сферы социальной активности – экономики, различных отраслей государственной службы – судебной системы, полиции или надзорных

органов. Именно с формами осуществления коррупционной деятельности имеет дело уголовное законодательство, устанавливающее ответственность за взятку, коммерческий подкуп или принуждение к совершению каких-либо действий в пользу обложенного полномочиями лица.

Коррупция как социально-правовой институт может иметь и противоправную коннотацию, когда ей обозначается злонамеренное воздействие на гражданские правоотношения, нарушающее принципы равенства и добросовестности участия в гражданских правоотношениях их субъектов.

Для понимания правовой природы коррупции необходимо решить вопрос о том, является ли ее конститутивным (существенным) признаком использование служебного положения в корыстных целях или же это явление выходит за рамки отношений, возникающих в сфере государственной или муниципальной службы.

Обратимся к точке зрения на правовую природу коррупции, высказанную М. Г. Решняк, Г. Е. Слепко и Ю. Н. Стражевич, о том, что для возникновения коррупционного отношения достаточно двух факторов: во-первых, наличия у лица возможности использования своего служебного положения в целях получения выгоды, а во-вторых, желания лица приобрести благо, не имея на то оснований, не проходя определенную процедуру [5, с. 47]. Указанные признаки характерны для большинства, если не для всех имущественных преступлений, и не позволяют разграничить кражу, разбой или присвоение от коррупционных правонарушений. Поэтому стоит уточнить, что коррупционному правонарушению должны быть присущи оба признака, более того, от коррупционного нарушения следует отличать коррупциогенное поведение, которое может заключаться в создании условий для коррупции, но без совершения собственно правонарушения. Так возникает конфликт интересов, о гражданско-правовом значении которого мы скажем ниже.

М. Г. Решняк, Г. Е. Слепко и Ю. Н. Стражевич говорят о том, что коррупционные правонарушения могут совершаться не только должностными лицами, но и любыми субъектами управленческой деятельности, например в условиях аффилированности, о чем также речь пойдет далее. Полагаем, что коррупционные отношения возникают не только при злоупотреблении должностным положением, т. е. при

корыстном использовании управленческих функций. Коррупциогенная ситуация может возникнуть в любых отношениях, где имеется возможность злонамеренного влияния на экономические процессы, например на распределение благ, находящихся в публичной собственности. Такой вывод подтверждается возлагаемой на граждан, не являющихся государственными или муниципальными служащими, обязанностью предоставлять сведения о доходах в соответствии со ст. 8 Федерального закона «О противодействии коррупции» [6].

Необходимо отметить, что акты международного права, такие, например, как Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка, не содержат определения понятия «коррупция», а, употребляя ассерторические суждения, подобные следующим: «Должностные лица по поддержанию правопорядка не совершают какие-либо акты коррупции. Они также всемерно препятствуют любым таким актам и борются с ними» [3]. Очевидно, что указанные документы носят декларативный характер, тем не менее следовало бы использовать метод называния положительных качеств определяемого феномена, а не перечислять те свойства, которыми он не обладает.

Определение коррупции как противоправного деяния содержится в ст. 1 Федерального закона от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ «О противодействии коррупции» [6]. Указанный закон исходит из узкого понимания коррупции как противоправного способа извлечения выгоды из должностных полномочий или иного способа административного воздействия на общественные отношения, содержащие коррупциогенные факторы.

Вместе с тем неопределенность и размытость правовых терминов предполагает, в свою очередь, чрезмерную свободу их толкования, что приводит к неоправданной строгости закона, а также открывает простор для усмотрения, что тоже является коррупциогенным фактором [7, с. 420]. Соответственно, для уяснения смысла термина «коррупция» и обнаружения в целях последующего анализа антикоррупционных мер в общей части ГК РФ следует применять методы системного толкования этой юридической дефиниции. В то же время нужно согласиться с мнением А. А. Молчанова о том, что коррупцию в контексте норм гражданского законодательства необходимо

рассматривать как один из деликтов, служащих основанием для ответственности, следовательно, факт причинения вреда коррупционным правонарушением доказывается в судебном порядке [8, с. 126].

Список библиографических ссылок

1. Лубин А. Ф., Афанасьев А. Ю. Коррупциогенность уголовного закона как детерминанта коррупционных рисков уголовного процесса // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2016. № 2 (34). С. 418–422.
2. Климова М. В. Понятие коррупции // Актуальные проблемы российского права. 2009. № 3. С. 433–442.
3. Кодекс поведения должностных лиц по поддержанию правопорядка был принят 17 декабря 1979 г. Резолюцией 34/169 на 106-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН. URL: <https://docs.cntd.ru/document/420373836> (дата обращения: 16.05.2022).
4. Культура речи и риторика для юристов: учебник и практикум для академического бакалавриата / под общ. ред. Н. А. Юшковой. Серия: Бакалавр. Академический курс. М.: Юрайт, 2016. 321 с.
5. Решняк М. Г., Слепко Г. Е., Стражевич Ю. Н. Место и роль гражданско-правовых механизмов в системе мер противодействия коррупции // Безопасность бизнеса. 2016. № 2. С. 47–54.
6. О противодействии коррупции: федер. закон от 25 декабря 2008 г. № 273-ФЗ // Российская газета. 30.12.2008. № 266.
7. Мартыянов В. С. Капитализм, рента и демократия // JIS. 2017. № 1. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/kapitalizm-renta-i-demokratiya> (дата обращения: 16.05.2022).
8. Молчанов А. А. Гражданско-правовая ответственность за коррупционное поведение: анализ международного и российского права // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2016. № 4 (72). С. 124–128.

© Федосеев П. С., 2023

Злоупотребление экологическими правами: понятие, правовая природа, практический аспект

По справедливому заключению Конституционного суда Российской Федерации, запрет злоупотребления правом в любых формах базируется на общеправовом принципе: «Осуществление прав и свобод человека и гражданина не должно нарушать права и свободы других лиц» (ч. 3 ст. 17 Конституции Российской Федерации) [1]. Концентрированно Верховный суд Российской Федерации сформулировал свою позицию в формуле: «Злоупотребление правом имеет место в случае, когда субъект поступает вопреки норме, предоставляющей ему соответствующее право, не соотносит поведение с интересами общества и государства, не исполняет корреспондирующую данному праву юридическую обязанность» [2].

Известно, что категория «злоупотребление правом» законодательно (п. 3 и 4 ст. 1, ст. 10 Гражданского кодекса Российской Федерации, далее – ГК РФ) и доктринально разработана прежде всего применительно к гражданским правоотношениям [3; 4; 5]. Названный акт не содержит легального определения указанного понятия, но толкование абз. 1 п. 1 ст. 10 ГК РФ дает основание понимать под злоупотреблением права заведомо недобросовестное его осуществление.

В целях установления характерных признаков феномена злоупотребления правом в экологических отношениях попытаемся выявить его правовую природу.

Общепризнанным является универсальное в правовом аспекте определение злоупотребления правом, сформулированное В. П. Грибановым, как особого типа гражданского правонарушения, совершаемого управомоченным лицом при осуществлении им принадлежащего ему права, связанного с использованием недозволенных конкретных форм в рамках дозволенного ему законом общего типа поведения [3]. Будем руководствоваться приведенной дефиницией, анализируя в рамках настоящей статьи далеко не редкие случаи недозволенного поведения участников экологических правоотношений, подпадающие под общую формулу п. 1 ст. 10 ГК РФ.

Известно, что под экологическими правами традиционно понимаются гарантированные ст. 42 Конституции Российской Федерации право каждого на благоприятную окружающую среду, достоверную информацию о ее состоянии и на возмещение ущерба, причиненного его здоровью или имуществу экологическим правонарушением с учетом положений, предусмотренных ч. 1 ст. 9, ч. 2 ст. 36 и ст. 58 Конституции Российской Федерации. Очевидно, что участники экологических правоотношений должны добросовестно осуществлять принадлежащие им права.

Для случаев экологических правонарушений, объектом которых выступают конкретные общественные отношения по охране и рациональному использованию компонентов природной среды, отдельных видов природных объектов и комплексов, а также соблюдению экологических требований при осуществлении предпринимательской или иной деятельности, предусмотрены основания и санкции административной (глава 8 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях), гражданско-правовой (глава 59 Гражданского кодекса Российской Федерации) и уголовной (глава 26 Уголовного кодекса Российской Федерации) ответственности и соответствующие им процессуальные механизмы. Официальные разъяснения по применению перечисленных разделов кодифицированных законодательных актов дал Верховный суд Российской Федерации в постановлениях от 18 октября 2012 г. № 21 и от 30 ноября 2017 г. № 49.

Ни в Федеральном законе от 10 января 2002 г. «Об охране окружающей среды», ни в Модельном законе об экологической безопасности (принят 15 ноября 2003 г. постановлением Межпарламентской Ассамблеи государств-участников СНГ № 22-18), равно как и в иных эколого-правовых актах, нет упоминания о феномене злоупотребления экологическими правами. Чем обусловлен такой лаконизм законодателя: стремлением к компактности нормативного регулирования или выражением позиции приоритетности экологических прав над обязанностями? Налицо логическое противоречие: очевидно, что запрет злоупотреблять экологическими правами – обязанность каждого, тесно связанная с моральными устоями, но при этом не закрепленная в законе и не предусматривающая санкцию за ее нарушение.

Нормы, регулирующие экологические отношения (как, впрочем, и любые другие) должны быть понятными, а действия, направленные на их реализацию, – предсказуемыми и не вызывающими сомнений в их правомерности. Между тем невысокая эффективность реализации субъективных экологических прав обусловлена несовершенством отдельных эколого-правовых норм, которые создают благоприятную почву злоупотреблениям в процессе правоприменения в экологической сфере. Например, отсутствуют нормативно закреплённые критерии определения благоприятного состояния окружающей среды, с помощью которых можно было бы оценивать уровень обеспечения устойчивого функционирования естественных экологических систем, природных и природно-антропогенных объектов. Это приводит к неоднозначному пониманию содержания экологических субъективных прав, к трудностям в правоприменительной практике в процессе их защиты [6].

Характерными признаками злоупотребления экологическими правами выступают:

- осуществление лицом субъективного экологического права в противоречии с его социальным назначением. Отношения в сфере экологии носят, безусловно, общественный характер, в них проявляются и переплетаются охраняемые законом частные и публичные интересы, вследствие чего представляется актуальной проблема социальных пределов осуществления лицом своих субъективных экологических прав. В рассматриваемой сфере конфликт возникает прежде и чаще всего по линии отношений: частное лицо (лица) – публично-правовое образование, при этом в качестве причинителя экологического вреда и потерпевшего может выступать как одна, так и другая сторона;

- превышение лицом пределов дозволенного позитивным экологическим правом осуществления своих правомочий;

- осуществление правомочий в обход закона, с незаконной целью, отличной от той, которая должна преследоваться добросовестным участником экологических правоотношений, в недозволенных формах (при их значительном разнообразии) или незаконными средствами, даже когда реализация лицом своих прав и возможностей происходит при внешне правомерном поведении;

- совершение действий вопреки правам и интересам другой стороны экологического отношения, где порождаются для нее прямо

или косвенно негативные последствия, в частности, причиняется вред при явном понимании неизбежности их наступления. Очевидно, это не исчерпывающий перечень признаков злоупотребления экологическими правами.

Вопросы злоупотребления экологическими правами, их рассмотрение и грамотная квалификация на практике не являются очевидными. Возвращаясь к первому из указанных выше признаков, необходимо сослаться на справедливое заключение, согласно которому в законодательном определении экологической безопасности (ст. 1 Федерального закона от 12 января 2002 г. № 7-ФЗ «Об охране окружающей среды») проявляются две тенденции: 1) во главу угла ставится интерес отдельной личности, а не социальной общности; 2) придание экологическим категориям более широкого смысла, чем обычно, например, к экологической безопасности фактически отнесена защищенность любых жизненно важных интересов человека от любых негативных последствий любого вида деятельности [7]. Добавим, что все больше людей справедливо рассматривают изменение климата актуальной проблемой. Но этим зачастую пользуются отдельные лица или коллективы людей для решения каких-то личных (корпоративных) вопросов под предлогом защиты публичных интересов.

Примером выступает продолжающаяся история взаимоотношений, с одной стороны, жителей коттеджного поселка, с другой – региональных органов власти и жителей поселений вдоль действующей автотрассы в связи с начавшимся строительством третьей очереди мостового перехода через Волгу в Среднеахтубинском районе Волгоградской области. Возникает справедливый вопрос: в чем интерес митингующих? Он, безусловно, носит характер защиты коллективных прав, но чьих: экологических прав граждан, проживающих или отдыхающих в названной местности (очевидно, нет, они в большинстве своем за строительство), или прав и интересов исключительно жителей поселка (так называемый групповой частный иск в защиту определенной группы лиц). Местные жители недовольны ухудшением безопасности дорожного движения и резким ростом объема выхлопных газов вдоль старой действующей автодороги. Другая сторона в качестве аргументов использует тезисы о вырубке якобы «реликтовых лесов», возникает вопрос: что означает термин «реликтовые»? Не являются ли подобные заявления (действия)

средством удовлетворения интересов ограниченного круга лиц под лозунгами решения экологических проблем? Что является мерилем социальной справедливости в аспекте адекватного удовлетворения публичных и частных интересов? Очевидно, только суд (если нет согласия между сторонами экологического спора) призван определить проведение мероприятий, направленных на выявление и пресечение внешне правомерных действий, но имеющих под собой «злые» намерения.

В контексте анализируемой проблемы в литературе обращается внимание на злоупотребление так называемыми соседскими правами (в многоквартирных жилых домах, дачных, садоводческих товариществах), когда в нарушение принципов разумности и добросовестности в течение длительного времени совершаются деяния, приводящие к нарушению действующего законодательства (градостроительного, земельного, водного, об охране здоровья граждан и проч.) [8].

Другим примером злоупотребления экологическими правами является решение чисто политических задач опять-таки определенной группой активных граждан под лозунгами защиты окружающей среды. Имеется в виду деятельность «зеленых», олицетворяющих либеральные ценности и использующих в своих целях озабоченность граждан изменением климата. Сложно оценить их реальный вклад в решение экологических проблем, но то, что они, позиционируясь как правозащитные партии в Европе (прежде всего, в Германии), уже стали альтернативой традиционным правящим силам, — это факт.

На традиционной ежегодной пресс-конференции Президента Российской Федерации В. В. Путина 23 декабря 2021 г. была освещена еще одна проблема на примере Ленинградской области, подпадающая под признаки злоупотребления экологическими правами: определенная активная группа граждан справедливо призывает закрывать оставшиеся мусорные полигоны, но при этом категорически возражает против создания мусороперерабатывающих заводов на территории, где они проживают.

Вопрос ответственности при такого рода групповых исках достаточно актуален в силу специфики субъектного состава, предмета иска, соотношения интересов лиц, участвующих в деле, с общественными интересами. Наличие корпоративных интересов, противоречащих публичным, безусловно, не только не исключает, а скорее, создает

почву для злоупотребления правом. В этом аспекте актуален вывод Г. Ф. Шершеневича, согласно которому «объективным основанием нравственной оценки действий является соответствие их с благополучием значительного большинства членов общества» [9, с. 176]. Более того, на практике члены группы зачастую лишены возможности противостоять злоупотреблениям со стороны лица, представляющего ее интересы, и, как следствие, они могут не получить искомой защиты [10, с. 68; 11, с. 87].

В связи с приведенным примером необходимо отметить проблему определенной пробельности законодательства в части определения содержания и правового режима экологической информации [6]. Нормы, регламентирующие право на доступ к информации по вопросам, касающимся окружающей среды, разпылены по многочисленным нормативным правовым актам разных отраслей права и различного уровня. Это создает не только препятствия на пути реализации субъективных экологических прав, но и почву для возможных злоупотреблений правом в этой сфере или излишнему судейскому (или административному) усмотрению. Кроме того, это препятствует целостному восприятию субъектами экологических правоотношений своих прав, обязанностей, ответственности в обозначенной сфере. Открытость экологической информации в сочетании с совершенствованием информационных технологий призвана способствовать профилактике недобросовестного осуществления экологических прав, искажения фактов.

Как известно, ст. 10 ГК РФ установила общую санкцию за злоупотребление правом. Экологическое законодательство в отношении лица, злоупотребившего правом, никаких правовых последствий не устанавливает. Очевидно, в таких случаях возможно применение правил ст. 10 ГК РФ по аналогии закона, и прежде всего суд может отказать такому лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично применить иные меры, предусмотренные законом, а гражданин, потерпевший от злоупотребления правом, вправе применить для защиты своего права способы защиты, предусмотренные ст. 12 ГК РФ.

Выводы.

Под злоупотреблением участником экологического правоотношения правом понимаются такие его действия (бездействие), которые осуществляются в противоречии с социальным назначением

экологического субъективного права, вследствие чего он получает или предполагает получить необоснованные преимущества перед другим лицом (лицами), порождая для последнего негативные правовые последствия. Это особый вид правонарушения, совершаемого недобросовестно, злостно и виновно (в форме умысла) в сфере экологических отношений управомоченным лицом, использующим формально допустимые законом средства для достижения целей, не совместимых с целями и задачами, основанными на конструктивных принципах правового регулирования охраны окружающей среды.

Лишний раз убеждаемся, что экологические отношения возникают и развиваются в сферах, функционирующих на стыке частного правового и публично-правового регулирования. В социальном аспекте основанием злоупотребления экологическими правами зачастую является конфликт частных (групповых) и публичных интересов. В анализируемой проблеме отчетливо переплетаются гражданско-правовые и административно-правовые начала: злоупотребление правами и его запрет – подинститут гражданского права, а специфика метода правового регулирования экологических отношений традиционно основана на административно-правовых началах.

Популярным и, очевидно, правильным является тезис, согласно которому экологические права граждан принадлежат к естественным и неотчуждаемым правам, возникающим с момента рождения человека. Причем нередко на него опираются в аспекте традиций цивилизованного (читай: по модели западноевропейского) общества, а по содержанию – как некий ценностно-нравственный комплекс, абсолютная справедливость. Замечательно, если удовлетворение индивидуальных непротивоправных интересов объективно приводит к общему благу. Однако на практике часто происходит необоснованный разрыв понимания сущности естественного права и позитивного права. Осуществление естественного права предполагает ограничение личной свободы, во-первых, свободой других лиц в той мере, в какой это требует мораль, во-вторых, самоограничением как детерминированным индивидуальным культурным уровнем признаком сложившейся личности и адекватной самоорганизации. Экологические субъективные права граждан в рамках конкретных правоотношений должны определять их поведение в области охраны окружающей среды в аспекте обеспечения не только экологической

безопасности в целом, но и публичных интересов в равной мере с соблюдением экологических прав и законных интересов других лиц.

В законодательстве предусмотреть каждый возможный случай злоупотребления экологическими правами представляется невозможным. Квалификация поведения названного лица в качестве злоупотребления правом – прерогатива суда. В России постепенно складывается судебная практика по экологическим вопросам, несмотря на отсутствие специальных экологических судов, однако рассматриваемая в статье категория дел практически не используется в судопроизводстве в целях пресечения недобросовестного поведения, направленного на ущемление публичных интересов, экологических прав других лиц, утверждения в экологических правоотношениях принципов разумности и добросовестности. Нет соответствующих разъяснений со стороны Верховного суда Российской Федерации (в частности, в двух ранее упомянутых постановлениях). Суд, убедившись, что одна из сторон реализует предоставленные ей субъективные экологические права не в соответствии с их назначением, должен предоставить ее оппоненту полную и безоговорочную защиту от посягательств недобросовестных лиц. Установленный в процессуальном порядке факт злоупотребления правом влечет отказ такому лицу в защите принадлежащих ему правомочий, составляющих содержание конкретного экологического права, которые осуществлены за пределами (с превышением) возможностей, предусмотренных экологическим законодательством, при этом подразумевающие (явно или скрыто) негативные последствия для другого лица (лиц). Иными словами, возникает правовая ситуация, дающая основание суду отказать в рассмотрении дела по существу, вследствие чего судебная защита прав и свобод заинтересованных лиц становится невозможной [12, с. 3].

Надлежащее исполнение обязанности не злоупотреблять экологическими правами, наряду с беспрепятственным их осуществлением, является необходимым условием и одновременно способом существования и реализации содержания экологического правоотношения.

Представляется необходимым дополнить ст. 76 Закона Российской Федерации «Об охране окружающей среды» частями второй и третьей следующего содержания:

«Добросовестность участников экологических правоотношений и разумность их действий предполагаются.

В случае установления факта заведомо недобросовестного осуществления (злоупотребления) правами в области охраны окружающей среды суд, арбитражный суд с учетом характера и последствий допущенного злоупотребления отказывает лицу в защите принадлежащего ему права полностью или частично, а также применяет иные меры, предусмотренные законом».

Список библиографических ссылок

1. Об акционерных обществах: определение Конституционного суда Российской Федерации от 18 января 2011 г. № 8-О-П (По жалобе открытого акционерного общества «Нефтяная компания „Роснефть“» на нарушение конституционных прав и свобод положением абз. 1 п. 1 ст. 91 Федерального закона. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

2. Определение Верховного суда Российской Федерации от 3 февраля 2015 г. по делу № 32-КГ14-17. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

3. Грибанов В. П. Осуществление и защита гражданских прав. М.: Статут, 2001. 410 с.

4. Волков А. В. Злоупотребление гражданскими правами: проблемы теории и практики: монография. М.: Волтерс Клувер, 2009. 464 с.

5. Филиппов П. М., Белоножкин А. Ю. Новое определение субъективного гражданского права и злоупотребление им: монография. Волгоград: ВА МВД России, 2009. 248 с.

6. Хлуденева Н. И. Регулятивная функция экологического права: проблемы реализации // Журнал российского права. 2016. № 12. С. 142–150.

7. Об охране окружающей среды: науч.-практ. комментарий к Федеральному закону (постатейный) / под ред. А. П. Анисимова. Ст. 3. М.: Деловой двор, 2010. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

8. Бондаренко С. Защита экологии и соседских прав: офиц. сайт Алтайского филиала РАНХиГС. URL: https://alt.ranepa.ru/pressroom/news/zashchita_ekologii_sosedskih_prav_5760.html (дата обращения: 20.10.2022).

9. Шершеневич Г. Ф. Общая теория права. М., 1911. Вып. 1. 698 с.

10. Туманов Д. А. О групповых исках в Концепции единого Гражданского процессуального кодекса // Вестник гражданского процесса. 2015. № 4. С. 68.

11. Малешин Д. Я. Российская модель группового иска // Вестник ВАС РФ. 2010. № 4. С. 87.

12. Осипов М. Ю. Отказ в правосудии и его причины // Арбитражный и гражданский процесс. 2015. № 3. С. 3.

© Цветков С. Б., 2023

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

1. **Аммалайнен Виктория Алексеевна**, адъюнкт адъюнктуры Волгоградской академии МВД России. E-mail: ammalaynen@yandex.ru.

2. **Андрющенко Татьяна Ивановна**, начальник кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук. E-mail: tatyana-ashnina@yandex.ru.

3. **Батурина Наталья Игоревна**, заместитель начальника кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: nataliya_baturina@mail.ru.

4. **Гусейнов Тофик Азерович**, студент магистратуры юридического факультета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. E-mail: ta_guseynov@mail.ru.

5. **Ермолаева Маргарита Игоревна**, преподаватель кафедры гражданского права и процесса Сибирского юридического института МВД России. E-mail: solomanida@mail.ru.

6. **Жуланов Александр Владимирович**, доцент кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат педагогических наук. E-mail: sandrik@111mail.ru.

7. **Иловайский Игорь Борисович**, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин юридического факультета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: dominno@rambler.ru.

8. **Истратенков Александр Юрьевич**, преподаватель кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: stl13913@gmail.com.

9. **Кабанова Юлия Сергеевна**, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Барнаульского юридического института МВД России, кандидат юридических наук. E-mail: jul-555@mail.ru.

10. **Кайль Янина Яковлевна**, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: yanika@bk.ru.

11. **Калашников Анатолий Николаевич**, эксперт-психолог АНП Южный экспертный центр, имеющий высшее образование по специальности «Педагогика и психология», прошедший профессиональную переподготовку по специальности «Судебно-психологическая экспертиза», кандидат наук, доцент, общий стаж работы по специальности – 60 лет, общий стаж экспертной работы – 37 лет.

12. **Канцер Юрий Александрович**, доцент кафедры финансового и предпринимательского права Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС, кандидат юридических наук. E-mail: yurikantser@mail.ru.

13. **Котельников Николай Васильевич**, начальник кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: kotelnikov2612@yandex.ru.

14. **Крючков Сергей Валентинович**, преподаватель кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России, кандидат философских наук, доцент. E-mail: sergeyvkkryuchkov@yandex.ru.

15. **Кураев Даниил Денисович**, магистрант 1 курса юридического факультета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. E-mail: curaev.daniil@yandex.ru.

16. **Майорова Оксана Александровна**, студент юридического факультета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. E-mail: coolvayvay123@gmail.com.

17. **Малютина Оксана Александровна**, начальник кафедры гражданского права и процесса Нижегородской академии МВД России, кандидат юридических наук. E-mail: maljutinaoa@rambler.ru.

18. **Мамедова Айтаж Раджин кызы**, студентка юридического факультета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. E-mail: mamedova-aytazh@mail.ru.

19. **Мелихов Александр Иванович**, доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: M-13913@ya.ru.

20. **Морозов Анатолий Николаевич**, выпускник Волгоградской академии МВД РФ 2011 г., стаж работы в следствии – 7 лет (милиция, полиция, следственный комитет), в настоящее время практикующий адвокат.

21. **Новичихин Павел Геннадьевич**, старший преподаватель кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук. E-mail: p_chih@mail.ru.

22. **Нурканов Толеукан Насимолдинович**, старший преподаватель военной кафедры Евразийского Национального университета им. Л. Н. Гумилева (Республика Казахстан). E-mail: nurtoleuhan@mail.ru.

23. **Пономарь Валерия Алексеевна**, курсант 3 курса факультета подготовки следователей Волгоградской академии МВД России. E-mail: ponomar.va02@bk.ru.

24. **Попов Михаил Юрьевич**, доцент кафедры конституционного и административного права Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: mik-yurevich1960@yandex.ru.

25. **Попова Ольга Олеговна**, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Барнаульского юридического института МВД России. E-mail: olga250793@mail.ru.

26. **Пракко Геннадий Святославович**, Ростовский государственный университет путей и сообщений, Донской государственный технический университет, Ростовский филиал Российского государственного университета правосудия, доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор. E-mail: dasha_sam94@mail.ru.

27. **Пушкарёв Евгений Александрович**, профессор кафедры теории и истории права и государства Краснодарского университета МВД России, доктор политических наук, кандидат юридических наук. E-mail: kafedra-t-i-p-g@mail.ru.

28. **Садков Андрей Николаевич**, доцент кафедры гражданского и международного частного права Волгоградского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: sadkov@volsu.ru. ORCID 0000-0002-6148-0576.

29. **Садков Виталий Андреевич**, преподаватель кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук. E-mail: wrendek@mail.ru. ORCID 0000-0002-5171-7023.

30. **Самарский Александр Николаевич**, старший преподаватель кафедры теории и истории права и государства Волгоградской академии МВД России. E-mail: samarsky_an@mail.ru.

31. **Сивашов Александр Сергеевич**, студент юридического факультета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. E-mail: aleksandr101100@mail.ru.

32. **Соколов Николай Константинович**, курсант 4 курса факультета подготовки следователей Волгоградской академии МВД России. E-mail: sokolov-academy@yandex.ru.

33. **Таранцев Никита Сергеевич**, студент юридического факультета Волгоградского института управления – филиала РАНХиГС. E-mail: nikita-tarancev@mail.ru.

34. **Федосеев Петр Сергеевич**, доцент кафедры гражданско-правовых дисциплин Волгоградской академии МВД России, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: civilp@yandex.ru.

35. **Харченко Александр Викторович**, кандидат юридических наук, доцент. E-mail: stl13913@gmail.com.

36. **Цветков Сергей Борисович**, заместитель заведующего кафедрой частного и публичного права АНО ВО «Волгоградский институт бизнеса», кандидат юридических наук, доцент. E-mail: tsvetkov.1954@mail.ru.

37. **Ярчук Владислав Вячеславович**, магистрант 3 курса юридического факультета Волгоградский институт управления – филиал РАНХиГС. E-mail: yarchuk1905@gmail.com.

Научное издание

АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ
ЧАСТНОГО И ПУБЛИЧНОГО ПРАВА

Сборник научных трудов
Всероссийской научно-практической конференции
г. Волгоград, 28 октября 2022 г.

ВЫПУСК 15

Редактор *А. М. Мачнева*
Компьютерная верстка *Ю. В. Сиволапова*
Дизайн обложки *Н. А. Доненко*

Волгоградская академия МВД России.
400075, Волгоград, ул. Историческая, 130.

Редакционно-издательский отдел.
400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.

Подписано к использованию 30.06.2023. Объем 1,1 Мб.
Тираж 10 экз. Заказ 37.

ОПиОП РИО ВА МВД России. 400005, Волгоград, ул. Коммунистическая, 36.